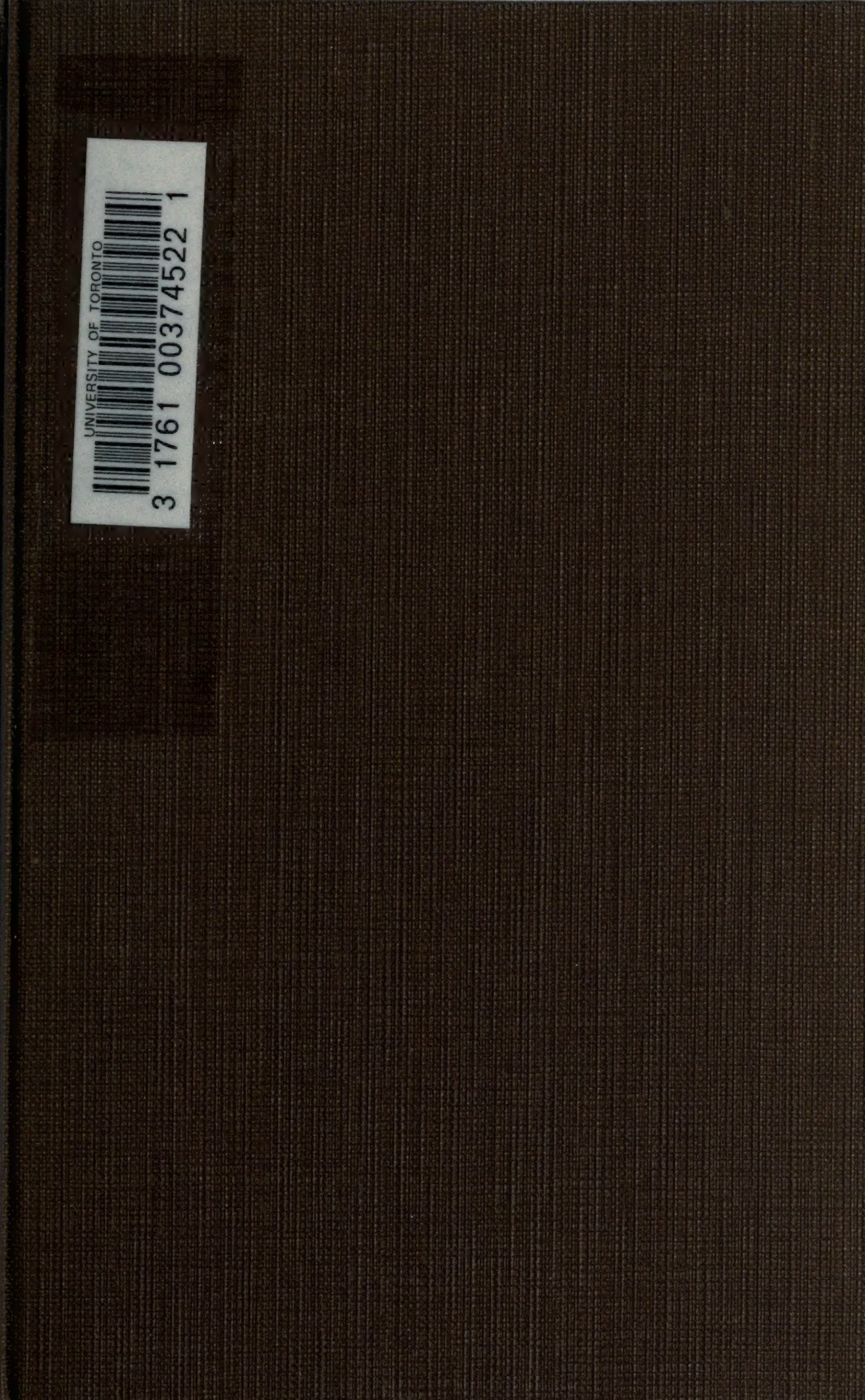

UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00374522 1

Ив. Наживинъ.

Предъ разсвѣтомъ.

МОСКВА.
Типо-литографія «Русскаго Товарищества печатнаго и издательскаго дѣла».
Чистые пруды., Мыльниковъ пер., соб. домъ.
1902.

LIBRARY
APR 5 1962
UNIVERSITY OF TORONTO

-3-

Съ горячей любовью и глубокимъ благоговѣніемъ

посвящается

великому Учителю

Льву Николаевичу

Толстому.

На нивѣ народной.

Вдали заливался малиновымъ звономъ колокольчикъ... Все ближе и ближе онъ, — значитъ, къ училищу ѣдутъ. Ребята заволновались, вытягивая шеи, чтобы заглянуть въ окна. Послышался возбужденный шопотъ.

— Директоръ... Инспекторъ... Ишь ты! Онъ недавно былъ, не пріѣдетъ... Не пріѣдетъ! Тебя спрашивать станетъ!

— Ну, что еще не сидится?.. — окрикнулъ ихъ Сергѣй Ивановичъ, а самъ, одергивая свой пиджачекъ и поправляя невольнымъ жестомъ волосы, думалъ:—неужели, въ самомъ дѣлѣ, директоръ?.. И его сердце непріятно билось: въ немъ, какъ во всякомъ „маленькомъ человѣкѣ“ деревни, звонъ колокольчика возбуждалъ робость, опасливыя думы и чувства, очень смутныя, неопредѣленныя, а оттого еще болѣе тяжелыя.

Въ это время колокольчикъ звякнулъ въ послѣдній разъ и замеръ на высокой жалобной нотѣ: тройка стала у училища. Внизу послышался

топотъ тяжелыхъ ногъ,—то пробѣжалъ сторожъ Матвѣй встрѣтить пріѣзжаго.

Учитель, еще разъ прикрикнувъ на волновавшихся ребятъ и всячески стараясь скрыть охватившее его самого волненіе, строгимъ голосомъ продолжалъ урокъ, дѣлая большія паузы между фразами, чтобы послушать, что происходитъ внизу.

— Не лучше ли выйти?.. Не обидѣлся бы...— мелькнуло у него въ головѣ, но тотчасъ же онъ прибавилъ со злостью:—ну его къ чорту... Скажу, что не слыхалъ...

Дверь въ классъ отворилась и на порогѣ появился высокій, плотный мужчина въ черномъ, не первой молодости, сюртукѣ и въ рубашкѣ „фантазія“. Во всей фигурѣ гостя, въ самой позѣ его сказывалось сознаніе своей силы, полная увѣренность въ себѣ, безграничное самодовольство. Казалось, что даже большой носъ его, его заплывшіе глаза, его упрямый, крупный ротъ, его козлиная русая бородка, казалось, все это, даже взятое въ отдѣльности, вѣско заявляло о своей гордости, о своемъ счастьѣ принадлежать такому важному, хорошему, умному человѣку. Мало того, даже синіе помпоны его „фантазіи“, и тѣ были преисполнены самодовольства и то и дѣло съ достоинствомъ вздрагивали, точно приглашая всѣхъ полюбоваться ими и ихъ несравненнымъ владѣльцемъ.

У учителя сразу отлегло отъ сердца.

— Встаньте! — какъ-то черезчуръ поспѣшно, громко и торжественно провозгласилъ онъ.

Дѣти зашумѣли, вставая.

— Здравствуйте, здравствуйте, ребята... Ну, садитесь... Здравствуй, Сергѣй Ивановичъ... Какъ Богъ милуетъ?..

— Вашими молитвами... Пожалуйте...

— Ну, нашими молитвами долго не проживешь... Э-хе-хе...—вздохнулъ гость, садясь на предложенный учителемъ стулъ.—А у васъ тутъ тепло...

Это былъ строитель и попечитель школы Кузьма Лукичъ Носовъ, богатый купецъ „изъ губерніи“, вышедшій въ люди изъ крестьянъ этой деревушки. Лѣтъ тридцать тому назадъ ушелъ онъ отсюда на заработки, на Волгу, долго пропадалъ безъ вѣсти, потомъ вдругъ вернулся уже богатымъ. Какъ онъ разбогатѣлъ, никто не зналъ; какъ всегда въ такихъ случаяхъ, говорили, что тутъ не безъ грѣха: одни утверждали, что онъ поддѣлывалъ купоны или сторублевки, другіе, что богатую купчиху, свою любовницу, „оплелъ“, третьи, что человѣка убилъ. Но эти слухи ничуть не помѣшали Кузьмѣ Лукичу стать купцомъ первой гильдіи, думскимъ воротилой, соборнымъ старостой. Сознавая силу своего голенища, Кузьма Лукичъ жилъ теперь во всю ширь своей натуры и не стѣснялъ себя ни въ чемъ. Въ своихъ амбарахъ, въ соборѣ, въ думѣ это былъ елейный смиренникъ, святоша, „дѣляга“, въ семьѣ—неограниченный владыка, предъ которымъ все трепетало и падало ницъ. Иногда на него находилъ вдругъ „стихъ“—„возжа подъ хвостъ попадала“, какъ го-

ворили купцы, — и онъ пропадалъ по цѣлымъ днямъ, кутя съ „дѣвочками“, устраивая „аѳинскіе вечера“, пропивая сотни и тысячи рублей. Потомъ „стихъ“ проходилъ, и Кузьма Лукичъ, какъ ни въ чемъ ни бывало, вновь появлялся у своего свѣчного ящика въ соборѣ, съ пріятной улыбочкой раскланивался съ знакомыми, полушопотомъ обмѣнивался съ ними замѣчаніями о погодѣ, восхищался дьяконской октавой, справлялся о ихъ „здравіи“, почтительно принималъ ихъ порученія поставить свѣчи Владычицѣ, Нерукотворенному и Николаю Угоднику,—всѣмъ по пятачку,—тихонько позванивая, ходилъ съ блюдомъ и опять раскланивался, и опять улыбался, такой почтенный, кроткій, благообразный. За это-то вотъ умѣнье „не путать дѣло съ бездѣльемъ“ Кузьма Лукичъ и пользовался всеобщимъ почетомъ. Онъ принималъ этотъ почетъ, какъ должное, и въ минуты попаданія возжи подъ хвостъ всячески издѣвался надъ людьми, утверждая, что они свиньѣ, грязной свиньѣ изъ поганаго закута кланяться въ ноги будутъ, если у ней деньги заведутся, что деньгами отъ нихъ всего можно добиться, что всѣ они мразь, гадины, сволочь...

— „Силы въ емъ, какъ въ паровикѣ, много... Ходу она проситъ...—говорили о немъ купцы.— Вотъ онъ и колобродитъ...

Силы въ Кузьмѣ Лукичѣ, дѣйствительно, было много, всю ее онъ не могъ растратить въ соборѣ, въ лабазѣ, на биржѣ, въ думѣ,—тѣмъ болѣе, что

онъ тамъ былъ вождемъ сильной, но пассивной оппозиціи,—и онъ скучалъ, какъ всѣ скучаютъ на Руси. Одни стараются обмануть эту скуку воскресными школами, другіе винтомъ, третьи тотализаторомъ, четвертые водкой и дѣвочками, пятые Шаляпинымъ или дьяконской октавой... Это помогаетъ, но не надолго...

Лужковскую школу Кузьма Лукичъ выстроилъ лѣтъ пять тому назадъ, чтобы имѣть „крестъ"—„серебряная" и „золотая" давно были у него, не говоря уже о всякихъ „дипломахъ" и „благодарностяхъ" въ золоченыхъ рамкахъ. Отдавъ школу земству, онъ, тѣмъ не менѣе, содержалъ ее на свой счетъ и за это его назначили ея попечителемъ. Этотъ новый титулъ придалъ ему еще больше благообразія и степенности, несмотря даже на то, что вскорѣ послѣ полученія креста онъ „вывернулъ тулупъ", заработавъ этимъ способомъ сотняжку, другую тысячъ.

Въ дѣла школы Кузьма Лукичъ совсѣмъ не вмѣшивался, ограничиваясь лишь выдачей необходимыхъ суммъ. Изрѣдка онъ все-таки заглядывалъ въ нее: ему льстило, что его бывшіе однодеревенцы, сверстники, стоятъ предъ нимъ безъ шапокъ, зовутъ его „батюшкой" и „благодѣтелемъ", увѣряютъ его, „что ты, вѣдь, у насъ одно слово, енаралъ, а то и выше..." Нравилось ему и торопливое „встаньте" учителей, когда онъ входилъ въ классъ, и раболѣпіе сторожа Матвѣя, со сладострастіемъ, съ восторгомъ ползавшаго по

грязному полу, смахивая пыль съ его ярко начищенныхъ сапогъ. Нравилось ему платить людямъ за ихъ пресмыканіе презрѣніемъ, и онъ платилъ открыто, не стѣсняясь. Онъ чувствовалъ себя здѣсь властелиномъ, сверхчеловѣкомъ, полубогомъ.

Разъ,—это было года два тому назадъ,—онъ прикатилъ сюда съ „дѣвочками“ и чертилъ здѣсь цѣлыхъ три дня: здорово его захлестнула вожжа тогда. Онъ приказалъ учителямъ распустить учениковъ, споилъ всѣхъ мужиковъ, кричавшихъ ему „ура“ съ утра до вечера, пѣлъ, пилъ, плясалъ и издѣвался надъ какою-то „сволочью“... Эта исторія надѣлала много шума: въ земствѣ были запросы, горячія пренія—у него и тамъ были поклонники и защитники,—кто-то куда-то о чемъ-то доносилъ, заявлялъ, кто-то отказывалъ, настаивалъ, возмущался... И шумѣли, шумѣли... И вдругъ раздалось величественное, истинно-русское: „цыцъ!“... Моментально съ forte шумъ перешолъ на piano—мелодія осталась та же, но уже шла подъ сурдинами—потомъ на pianissimo, потомъ совсѣмъ стихла и—все осталось „по хорошему“, по прежнему: худой миръ лучше доброй ссоры. По прежнему каждую весну ребятамъ раздавали похвальные листы и по прежнему на этихъ листахъ, вмѣстѣ съ другими, красовалась подпись: „попечитель училища N—ай первай гилдии купецъ и потомственай почетнай гражданинъ Кузьма Лукинъ Носовъ“.

„Носовъ“ было введено лишь два года тому на-

задъ,—раньше было „Носафъ“: Кузьма Лукичъ долгое время былъ сторонникомъ фонетическаго правописанія.

Урокъ продолжался. Сергѣй Ивановичъ строже обыкновеннаго спрашивалъ ребятъ, видимо, желая „подтянуть“ ихъ, показать попечителю товаръ лицомъ. Попечитель сперва внимательно слушалъ сбивчивыя объясненія ребятъ, какъ одинъ купецъ купилъ бѣлаго сукна столько-то аршинъ, а другой чернаго—вдвое больше, какъ они расторговались этимъ сукномъ, и какъ первый почему-то получилъ очень странный барышъ, а второй совсѣмъ невѣроятный убытокъ.

— Вотъ такъ наука! — насмѣшливо подумалъ Кузьма Лукичъ и зѣвнулъ.

На учителя пахнуло ароматомъ перегорѣлой водки. Онъ внимательнѣе посмотрѣлъ на Кузьму Лукича и тутъ только замѣтилъ, что подъ глазами попечителя повисли припухлые мѣшки, что самые глаза нѣсколько красноваты и устали, что все лицо его измято, сонно,—точно Кузьма Лукичъ недавно съ постели всталъ.

— Неужели опять?—подумалъ онъ, осторожно косясь на попечителя.

А тотъ опять зѣвнулъ, совсѣмъ откровенно, какъ зѣваетъ человѣкъ у себя дома, гдѣ ему нечего стѣсняться.

— Отпустилъ бы ты ихъ... — просительно сказалъ онъ.—Я Матвѣю самоваръ приказалъ поставить... Чайку попьемъ... А?..

— Что же, можно...—отвѣчалъ учитель. — Вотъ кончимъ ариѳметику и...

— Ну, и отлично... А я пока къ другимъ пойду...

И, тяжело поднявшись со стула, Кузьма Лукичъ лѣнивой походкой направился въ другой классъ, черезъ сѣни. И тамъ опять почтительно-торопливое „встаньте", опять вопросы о здоровьѣ и опять урокъ: сбивчивый, монотонный разсказъ дѣвочки о трехдневномъ пребываніи Іоны во чревѣ китовомъ. Чрезъ четверть часа опять зѣвокъ и—по лѣстницѣ радостно загрохотали ноги распущенныхъ ребятъ старшаго отдѣленія...

— И ты отпусти...—сказалъ Кузьма Лукичъ.—А мы чай пить пойдемъ...

Онъ всегда „тыкалъ" учителей — „по-просту", „по-русски"...

Петръ Петровичъ, учитель, сильно, до волосъ, покраснѣлъ почему-то и, точно сердясь, приказалъ:

— Молитву...

Черезъ минуту въ классѣ уже никого не было.

— Такъ-то вотъ лучше будетъ...—зѣвнулъ Кузьма Лукичъ. — Пойдемъ-ка внизъ. Чай, самоваръ давно готовъ...

Училище было двухъэтажное, каменное. Вверху помѣщались два большіе свѣтлые класса, внизу кухня и двѣ просторныхъ квартиры учителей. Кузьма Лукичъ, добиваясь креста, не жалѣлъ денегъ. Его училище было лучшимъ не только въ

уѣздѣ, а, пожалуй, и во всей губерніи, и онъ очень гордился этимъ, какъ и всѣмъ, что онъ дѣлалъ, говорилъ, строилъ, думалъ...

Былъ свѣжій, но тихій, ведреный осенній день. Расторопный Матвѣй,—ему всегда перепадало въ пріѣзды попечителя,—уже накрылъ „на воздухѣ" столъ и стоялъ навытяжку около самовара, пускавшаго цѣлыя облака бѣлаго пара.

Всѣ сѣли за столъ.

Кузьма Лукичъ окинулъ глазами стаканы, кувшинъ съ молокомъ, баночку варенья, ситный на тарелкѣ...

— Что же ты это, братъ Матвѣй, больно по великопостному чай-то приготовилъ? — обратился онъ къ сторожу.—А?.. Это не рука, братъ... Поди-ка, принеси мою корзиночку, дѣло-то складнѣе будетъ...

— Не осмѣлился-съ, Кузьма Лукичъ... Хе-хе-хе... Безъ приказанія какъ можно-съ?..—заюлилъ и заулыбался Матвѣй. — Хе-хе-хе... Я въ одинъ моментъ...

— Тащи!

Корзинку поставили на столъ и Кузьма Лукичъ самолично принялся разгружать ее, сопровождая дѣло разными снисходительными шуточками и прибауточками... Онъ замѣтно оживился...

— Вотъ это рябиновочка, моя голубушка... А это вотъ шампанское--чѣмъ ворота запираютъ. А вотъ это смирновочка, нумеръ сороковой, по благородному скажемъ: проствейнъ. Это колбаска...

Московская, первый сортъ... Держи, Матвѣй, на тарелку... А это что? А-а, омары... Дѣло... Омары, это хорошо... Поставь ихъ туда, Сергѣй Ивановичъ, чтобы не мѣшали... Такъ...

Изъ корзинки была постепенно выпута цѣлая баттарея бутылокъ всевозможныхъ формъ, цвѣтовъ, и наименованій. Закуски аппетитно просвѣчивали сквозь тонкую бумагу и наполняли свѣжій осенній воздухъ своимъ острымъ, раздражающимъ ароматомъ.

У Сергѣя Ивановича разгорѣлись глаза — онъ былъ не дуракъ выпить. Петръ Петровичъ, другой учитель, все краснѣлъ и изрѣдка почему-то едва замѣтно хмурился.

— Ну-ка, Господи благослови, махнемъ по-первой...

— Первая коломъ, вторая соколомъ...—подсказалъ Сергѣй Ивановичъ и ловко выпилъ свою рюмку.

Сергѣй Ивановичъ былъ старшимъ учителемъ. Четыре года тому назадъ онъ кончилъ семинарію и тотчасъ же спокойно и осторожно началъ ощупывать почву во всѣхъ направленіяхъ: куда ему идти? Сынъ деревенскаго дьячка, онъ съ дѣтства познакомился съ жестокой бѣдностью, долгія лишенія озлобили его, и онъ твердо рѣшилъ такъ или иначе выбиться. Здоровый, крѣпкій и красивый парень, онъ обладалъ солидными аппетитами и достаточной силой, чтобы удовлетворить ихъ. Сперва онъ рѣшилъ было избрать духовную карьеру, но потомъ передумалъ и сталъ ждать

попутнаго вѣтра, чтобы расправить свои паруса. Но года шли, а вѣтра все не было. Онъ начиналъ сердиться на судьбу и съ нетерпѣніемъ, со злобой тянулъ свою лямку учителя; иногда съ озлобленія онъ напивался вечеромъ, но къ утру опять былъ на своемъ мѣстѣ. Онъ водилъ знакомство и съ духовенствомъ, и съ урядникомъ, и съ волостными писарями, и съ земскимъ начальникомъ, и съ мѣстными заправилами и сторонился мужика. Онъ слылъ „докой" и всѣ были убѣждены, что онъ „далеко пойдетъ".

— Вплоть до Сибири...—шутилъ урядникъ, хлопая его по плечу.

— Это будемъ посмотрѣть...—увѣренно отвѣчалъ Сергѣй Ивановичъ.

Въ началѣ этой осени давно жданный вѣтеръ подулъ: Сергѣю Ивановичу предложили жениться на одной купеческой дочкѣ, которая неосторожно „побаловала" съ драгунскимъ корнетомъ. Отецъ давалъ за ней двадцать пять тысячъ, но надо было торопиться: „баловство" начинало уже приносить горькіе плоды въ видѣ все болѣе и болѣе округлявшейся таліи...

Сергѣй Ивановичъ осторожно выжидалъ...

Его помощникъ, Петръ Петровичъ, былъ прямой противоположностью ему. Это было что-то маленькое, угреватое, вихрястое и жалкое. Петръ Петровичъ былъ робокъ до-нельзя, сознавалъ это, старался скрыть проклятую робость, но черезчуръ увѣренный тонъ, слишкомъ развязныя манеры съ

головой выдавали его, дѣлая его похожимъ на ребенка, который громко кричитъ, чтобы скрыть свой страхъ... И, точно на смѣхъ, въ это маленькое, угреватое тѣльце природа вложила непомѣрное самолюбіе, щекотливое до смѣшного. Его скромная роль учителя тяготила его, какъ кошмаръ; онъ страдалъ глубоко, видя свою зависимость отъ всѣхъ и каждаго, видя свою бѣдность, свое безобразіе. Ему страстно хотѣлось быть чѣмъ-то большимъ, важнымъ, замѣтнымъ. Онъ всячески старался скрыть это подавляющее его чувство ничтожества. Когда онъ бывалъ, напримѣръ, у священника, на сосѣднемъ погостѣ, онъ говорилъ дочерямъ его, зрѣлымъ пухлымъ дѣвицамъ, что онъ обожаетъ бурю, что сильная гроза его величайшее наслажденіе. Дѣвицы пищали и говорили въ перебой, что онѣ, напротивъ, очень боятся грозы, что Анюта даже залѣзла разъ въ грозу подъ кровать, что Таня... что Маша... Петръ Петровичъ великолѣпно усмѣхался и повторялъ, что гроза—это для него все.

— Какой вы безстрашный!..—восхищались дѣвицы.

Онъ былъ очень доволенъ и, пять минутъ спустя, заявлялъ, что онъ хотѣлъ бы сойти съ ума. Барышни протестовали, находя, что это ужасно, но онъ стоялъ на своемъ...

Долго, цѣлые часы, тянулась такая бесѣда; собесѣдники не знали, зачѣмъ они говорятъ все это, не знали, что они скажутъ чрезъ минуту, не

знали, что они говорили минуту тому назадъ. Петръ Петровичъ все время старался говорить вещи необыкновенныя, которыя свидѣтельствовали бы о его большой, интересной, полной думъ и великихъ страстей, душѣ. Никто, въ сущности, ему не вѣрилъ, и онъ зналъ, что ему пе вѣрятъ... И вдругъ всѣмъ дѣлалось невыносимо, до омерзѣнія, скучно...

Петръ Петровичъ скучалъ здѣсь страшно, такъ какъ почти все всемя былъ одинъ. Съ земскимъ, съ урядникомъ, съ духовенствомъ онъ встрѣчался рѣдко, избѣгалъ ихъ, потому что онъ былъ бѣднѣе, зависимѣе, уродливѣе ихъ всѣхъ, и это кололо его самолюбіе; крестьянъ онъ тоже сторонился теперь, съ тѣхъ поръ, какъ услыхалъ, что они прозвали его „полуумненькимъ“. Бабы „жалѣли“ Петра Петровича и это бѣсило его до послѣдней степени. Словомъ, никто вокругъ не понималъ его и это одиночество было ему не въ моготу. Онъ давно мечталъ бросить все и вернуться въ городъ: авось, двадцать-то рублей и тамъ онъ какъ-нибудь заработаетъ. По крайней мѣрѣ, тамъ люди есть, книги, музыка въ городскомъ саду... Здѣсь же, кромѣ газеты „Свѣтъ“, ничего не было, да и та получалась очень неаккуратно: все кто-то въ волости „зачитывалъ“ ее.

Дѣло свое онъ любилъ бы, если бы не эти постоянные уколы его самолюбію. Отъ природы онъ былъ и не глупъ, въ сущности, и добръ, но жизнь, постоянная нужда и связанный съ нею страхъ за

завтрашній день, за свою шкуру, изломали его до послѣдней степени, и все хорошее исчезало въ немъ подъ маской этого вѣчно краснѣющаго, обидчиваго человѣчка, который страдалъ, если урядникъ входилъ къ нему въ комнату въ шапкѣ, если баба приносила ему сливокъ или десятокъ яицъ, чтобы задобрить его, если какой-нибудь кулакъ-міроѣдъ являлся къ нему съ полуфунтомъ чая и двумя фунтами сахара и просилъ:

— Ты моего-то не очень, мотри, обижай... Онъ, вѣдь, одинъ у меня... А я ужъ, ежели что, не постою за гостинцами... Мы, вѣдь, не то, что иные прочіе... Мы это можемъ...

Петръ Петровичъ краснѣлъ и бралъ гостинцы, такъ какъ не взять значило создать себѣ врага, а ихъ и безъ того было не мало вокругъ.

Краснѣлъ онъ и теперь, когда Кузьма Лукичъ настаивалъ, чтобы онъ выпилъ рябиновочки или проствейну, но и тутъ онъ отказаться не смѣлъ, чтобы не обидѣть могущественнаго попечителя: въ городѣ у него жила старуха-мать, вдова захудалаго чиновника, и двѣ сестры, такія же уродливыя и угреватыя, какъ и онъ. Каждый мѣсяцъ онъ посылалъ имъ восемь рублей изъ своихъ двадцати. Безъ его помощи имъ не прожить бы.

— Тащи ветчинки... Хорошая... — предлагалъ Кузьма Лукичъ.

— Нѣтъ, ужъ я лучше колбаски... — отвѣчалъ Сергѣй Ивановичъ такимъ тономъ, что видно было, что ему, дѣйствительно, нужно было колбаски.

Этотъ необыкновенно, убѣдительный тонъ былъ его особенностью. Если онъ говорилъ кому-нибудь: „садитесь, пожалуйста“, или спрашивалъ въ лавкѣ коробку спичекъ, то всѣмъ было ясно, что нужно было сѣсть, что ему нужно было спичекъ, что это очень важно, очень необходимо, что все должно быть такъ, какъ говоритъ онъ, а не иначе. И выраженіе его глазъ при этомъ было тоже очень убѣдительное.

Разговоръ вязался плохо. Попечитель былъ, какъ будто, не въ духѣ,—„съ похмѣлья“, рѣшилъ Сергѣй Ивановичъ. Деревенскія новости его интересовали очень мало, городскія всѣ давно надоѣли ему.

— Ну-ка, еще по единой...—предлагалъ онъ.— Да будетъ тебѣ кобениться-то, Петруха!... Словно красная дѣвица... Что? Ну, что тамъ не могу... Подвигай, говорятъ... Такъ-то вотъ лучше... Ну, со свиданіемъ...

Короткая пауза.

— Эхъ, икорка-то хороша...—крякнувъ, говорилъ Кузьма Лукичъ.

Чаепитіе продолжалось съ такимъ успѣхомъ, что чрезъ полчаса Петръ Петровичъ былъ совсѣмъ „готовъ“. Сергѣй Ивановичъ и Кузьма Лукичъ еще держались,—только покраснѣли оба да говорить стали громче. Самоваръ старался жалобной пѣсенкой напомнить о чаѣ, но никто не обращалъ на него никакого вниманія.

Петръ Петровичъ вдругъ поблѣднѣлъ и, дер-

жась за грудь, торопливо, качаясь, побѣжалъ въ училище.

— Н-ну.. Испекся... — презрительно фыркнулъ Кузьма Лукичъ. — И что за дрянь народъ нынче сталъ! Не успѣлъ двухъ рюмокъ выпить, ужъ и блевать... Эхъ вы!... А еще ученые!.. Можетъ, и ты... .того?..

— Н-нѣтъ, мы за себя постоимъ... — засмѣялся Сергѣй Ивановичъ, возясь со шпротами. — М-мы постоимъ. И даже очень постоимъ...

— Ну, такъ вали...

Петръ Петровичъ заперся въ своей комнатѣ. Онъ чувствовалъ себя совсѣмъ одинокимъ, загнаннымъ, обиженнымъ. Его некому было приласкать, приголубить. Ему было очень жаль себя и, вцѣпившись обѣими руками въ свои безцвѣтные вихры, онъ горько плакалъ. Это съ нимъ всегда бывало послѣ водки.

Изъ-за угла училища, между тѣмъ, все выглядывали и боязливо прятались какія-то рожи: то мужики съ нетерпѣніемъ ожидали момента, когда можно будетъ просить на водку. Наконецъ, моментъ этотъ, по ихъ мнѣнію, пришелъ и вотъ къ столу подошли три тулупа,—начинало вечерѣть и было очень свѣжо,—изъ которыхъ торчали три бороды: одна рыжая, въ видѣ грязной мочалки, другая жиденькая, соломенная, клиномъ, третья совсѣмъ сѣдая, лопатой. На тулупахъ огнемъ горѣли новыя яркія заплаты... Бороды степенно отвѣсили поясной поклонъ.

— Здравствуй, батюшка, Кузьма Лукичъ...

— Здравствуйте, коли не шутите...

— Какъ Богъ милуетъ?...

— Ничего, слава те Господи...

— Слава Богу, лучше всего...—сказала рыжая борода.

— Это вѣрно... Что вѣрно, то вѣрно... Это какъ есть...—раздались голоса изъ-за спинъ авангарда: тамъ уже стояли другіе бородатые тулупы и полушубки.

— Что хорошенькаго скажите, миляки?...—продолжалъ Кузьма Лукичъ и въ голосѣ его послышались насмѣшливыя нотки.

— Да что хорошенькаго сказать-то тебѣ? Гдѣ взять у насъ хорошенькаго? Хе-хе-хе...—загалдѣли бороды. — У насъ не хорошенькое, а, одно слово, наплевать.

— Самъ знаешь, не забылъ, чай, какъ въ пѣснѣ-то поется... — бойко заговорила соломенная борода.—„Поживи-ка, братъ, въ деревнѣ, похлебай-ка сѣрыхъ щей, поноси худыхъ лаптей...“

— Это какъ есть...

— Ну, Лазаря-то вы мнѣ не очень пойте...—отвѣчалъ Кузьма Лукичъ.—Знаю я васъ тоже больно хорошо...

— И знаешь, такъ все на тоже выходитъ... Жисть-то наша—охъ да батюшки, одно слово.

Молчаніе.

— Что же вамъ, однако, надобно?... — продолжалъ Кузьма Лукичъ. — Зачѣмъ пожаловали?

— Самъ знаешь, зачѣмъ: съ пріѣздомъ...

— Ну, спасибо...—ломался опьянѣвшій Кузьма Лукичъ.—Потомъ что?

— Самъ знаешь, что... — мялись мужики.—На чаекъ... Потому почетъ тебѣ оказываемъ, вишь, проздравлять пришли.. Съ пріѣздомъ...

— Могли не приходить...

— Это вѣстимо... Однакось, все-таки, слѣдствуетъ. Потому мы къ вамъ, вы къ намъ, по хресьянски чтобы, по хорошему...

— Еще бы тебѣ!..—ядовито усмѣхнулся Кузьма Лукичъ и, проглотивъ рюмку чего-то, всѣмъ тѣломъ повернулся къ мужикамъ, уставился на нихъ своими посоловѣвшими, „безстыжими" глазами и проговорилъ какимъ-то сдавленнымъ голосомъ, въ которомъ слышались язвительно взвизгивающія, радостно прыгающія нотки:—такъ, почетъ и уваженіе, значитъ? Это такъ...

И вдругъ, сразу перемѣнивъ тонъ, онъ тихо, укоризненно заговорилъ:

— Ахъ, вы сволочи этакіе, обмануть вы меня захотѣли, — а? Ахъ, вы, черти косопузые!... Ахъ, вы идолы!.. Вы меня!.. Вѣдь, кто вы тутъ? Вѣдь, вы сволочи... Всѣ сволочи... Сволочи были и всегда будете, дубье вы неотесанное... Ини!..

Слова его, полныя какой-то дикой ненависти, съ шипѣньемъ и свистомъ, какъ плети, рѣзали тишину вечера.

— Это какъ есть... — сокрушенно вздохнула какая-то борода.—Все темнота наша...

— Га!.. Вонъ онъ сокрушается!... И вретъ... Потому и сокрушается, что въ тонъ попасть хочетъ, чтобы на ведро сорвать... Почетъ и уваженіе?.. А какъ только сорвете, такъ и адью почету съ уваженіемъ, смѣяться будете: дуракъ пьяный, дескать... Анъ вотъ не больно дуракъ... И не вамъ, косопузымъ, провести меня... Я всѣхъ насквозь вижу и всякому человѣку цѣну его завсегда сказать могу.. И цѣна всѣмъ—грошъ да еще переломленный... А вамъ и того меньше...

Мужики переминались съ ноги на ногу, покашливали, вздыхали и, не зная, что сказать, чувствовали себя неловко... Ребятишки стояли, разинувъ рты, и глядѣли на попечителя во всѣ глаза.

— Д-да! Всякаго наскрозь, на три аршина подъ землей, вижу... — продолжалъ Кузьма Лукичъ. — Вотъ, гляди и учись...

Онъ вытащилъ изъ кармана толстый бумажникъ и вынулъ изъ него листъ почтовой бумаги съ бордюромъ изъ ярко намалеванныхъ розъ и толстомордыхъ ангеловъ. Въ углу, сверху, витіевато, съ претензіями на изящество, было написано золотомъ: „съ ангеломъ!“

Всѣ, и мужики, и ребята подвинулись ближе къ столу, стараясь разсмотрѣть красивую бумажку и узнать, что это за штука такая, „какъ и къ чему, то-есть“.

— Д-да... Во-о, гляди... Слушай.. Учись, какъ очки втирать надо... Дѣтей, и тѣхъ учатъ лукавить... Тоже почетъ и уваженіе и—пожалуйте на

чаекъ... Умные, выучились... На-ка, читай, Сергѣй Ивановичъ...

Сергѣй Ивановичъ положилъ локти на столъ и громко прочелъ:

„Нынче праздникъ, день отрадный,
День веселья для людей!
Примите жъ, папочка нашъ славный,
Выраженье любви моей...
Кто тебя, папаша, знаетъ,
Любитъ сердцемъ и душой...

— Во-какъ!.. Эва какъ валяетъ...—вставилъ съ ядовитой насмѣшкой Кузьма Лукичъ.

... А кто папой называетъ,
Тѣхъ счастливишь ты собой!..“

— Подымай выше!.. — опять вставилъ Кузьма Лукичъ.

— Костя и Саня...—прочелъ учитель подпись.

— Ловко... Здорово выписано... Складно... — одобрили тулупы.

— Скла-адно...—передразнилъ ихъ Кузьма Лукичъ.—Что вы тутъ понимаете, лѣшманы вы болотные? Ну?.. Скла-адно!... А къ чему этотъ весь складъ-то, ну?.. А къ тому, что гувернанкѣ три цѣлковыхъ нужно, вотъ она и строчитъ стишки-то, подсылаетъ моихъ же ребятъ мнѣ глаза отводить... Скла-адно!... Тоже, вродѣ васъ, почетъ и уваженіе: пожалуйте три цѣлковыхъ... Васъ, дескать, папаша, всѣ любятъ сердцемъ и душой... Ахъ, вы сволочи!.. Ну, да чортъ съ вами со всѣми... Наливай коньяку, Сергѣй Ивановичъ...

— Эхъ, батюшка, Кузьма Лукичъ!—воскликнула въ душевной тоскѣ борода мочалкой.—А ты бы вмѣсто того, чтобы причитать да душу-то тянуть, далъ бы на ведерко да и дѣло съ концомъ. А мы бы за твое здоровье выпили да уру бы тебѣ скричали. . И все бы по хорошему... Право...

Толпа одобрительно загудѣла.

— Больно вы прытки... Обождите, вотъ онъ наломается надъ вами досыта, потомъ и дастъ... — раздалось громко въ толпѣ.—Тьфу ты!..

И какой-то полушубокъ, энергично плюнувъ, пошелъ прочь отъ толпы.

Это былъ Федоръ Неѣловъ, самый бѣдный мужикъ деревни, но „горлопанъ", бѣльмо на глазу всѣхъ міроѣдовъ, которымъ онъ не хотѣлъ „покоряться ни въ жисть".. За это ему часто приходилось расплачиваться, но, тѣмъ не менѣе, „гонору" своего онъ не сбавлялъ.

Кузьма Лукичъ, точно не слыхавъ словъ Федьки, пристально посмотрѣлъ на толпу взглядомъ, въ которомъ горѣла какая-то тяжелая злоба, ненависть, безграничное презрѣніе и, помолчавъ мгновеніе, тихо прибавилъ:

— Ну, ладно... Только уговоръ лучше денегъ: на, получай вотъ пятишникъ и провались въ тартатары, чтобы я больше и духу вашего не слыхалъ... Поняли?..

Толпа, оживленная, довольная, начала кланяться, благодарить, увѣрять въ чемъ-то, „вы къ

намъ, мы къ вамъ“, но Кузьма Лукичъ прервалъ эти изліянія крикомъ:

— Ну, ладно, сказано... Пошли прочь... Наливай, Сергѣй Ивановичъ!

— А ребятишкамъ-то что же на орѣхи? — сказалъ кто-то.

— Ну, это когда ракъ свистнетъ...

— Чего свистнетъ?.. Чай, твои питомцы...—возражали посмѣлѣвшія бороды.—Тебѣ, эва, крестъ за нихъ дали, енараломъ сдѣлали... А не будь ихъ, и креста бы тебѣ не дали...

— Пошли прочь... Вотъ еще цѣлковый... М-маршъ... Наливай, Сергѣй Ивановичъ! Дуй во всю... А тотъ гдѣ, соплякъ-то?

— А чортъ его знаетъ... Чай, дрыхнетъ... — отвѣчалъ злобно Сергѣй Ивановичъ.

Онъ всегда озлоблялся за выпивкой; водка будила въ немъ задремавшія опасливыя мысли о томъ, какъ бы кто не перебилъ у него купеческую дочку, какъ бы не застрять ему здѣсь навсегда, въ этой чортовой дырѣ. Ему казалось, что кто-то виноватъ въ этомъ, и онъ злился на всѣхъ безъ исключенія и, думая залить злобу водкой, пилъ, но—злоба только еще болѣе разгоралась...

— Ну, чортъ съ нимъ, коли дрыхнетъ... Наливай... Подвинь-кось сыръ-то сюда...

Прошло полчаса. Попойка продолжалась. Оба пили съ остервенѣніемъ, точно заливая какой-то пожаръ, бушевавшій внутри... Сергѣй Ивановичъ, хотя и началъ „сдавать“, но мужественно крѣ-

пился; Кузьма Лукичъ только покраснѣлъ еще больше. Увлеченные выпивкой, оба не замѣтили, какъ постепенно вокругъ нихъ опять образовалось сплошное кольцо ребятъ въ тятькиныхъ заплатанныхъ полушубкахъ, въ мамкиныхъ кофтахъ и въ другихъ нарядахъ, наименованіе которыхъ было, вѣроятно, тайною даже для ихъ владѣльцевъ... Ребята разгорѣвшимися глазенками смотрѣли на поглощаемыя диковинныя яства и, полуоткрывъ рты, слушали разговоръ учителя съ попечителемъ. Они почти ничего не понимали изъ него, но тѣмъ не менѣе находили, что все это было чрезвычайно интересно. Какъ-то попечитель замѣтилъ ихъ и сказалъ имъ: „брысь, вы!..“; учитель прибавилъ: „пошли прочь!.. Чего рты-то разинули?.. Я васъ“... Ребята разбѣжались, но чрезъ минуту кольцо голубыхъ, карихъ и сѣрыхъ глазъ сжало столъ еще плотнѣе...

— Жениться, слышалъ, хочешь?—спросилъ попечитель.

— Не знаю еще, какъ...—отвѣчалъ учитель, не раскрывая своихъ картъ: осторожность никогда не мѣшаетъ...

— А ты... вотъ что... Ежели желаешь, чтобы съ тобой, какъ съ порядочнымъ человѣкомъ, разговаривали, такъ ты... того... хвостомъ-то не финти, а дѣйствуй на чистоту. Понялъ?..

— Былъ разговоръ...

— Ну, и что же?..

— Подумаю.

— И думать нечего... Это, братъ, находка... Сколько отецъ-то даетъ?

— Двадцать пять...

— И бери... А послѣ и еще, глядишь, ухватишь... У него денегъ-то не мало... И человѣкъ сильный... Своимъ трудомъ все нажилъ. А что до того, что у невѣсты, быдто, брюшко поприпухло маленько, такъ это, братъ, плевое дѣло...

Учитель молчалъ, нахмурившись.

— Это, братъ, пустяки... Ну, явится, скажемъ, чрезъ полгода офицерикъ эдакій маленькій, такъ кому какое дѣло, что кума съ кумомъ сидѣла? Хочешь меня въ крестные—ну? Такія-то крестины закатимъ — гостей со всѣхъ волостей... И никто слова не пикнетъ... Надо, братъ, нахрапомъ брать, съ козыря ходить, тогда и правъ... Всякаго бей въ морду — рразъ!.. По крайности, дорогу себѣ откроешь... Вѣдь, это я на тебя указалъ, потому знаю, парень не промахъ... Чего ты въ этой дырѣто сидѣть будешь?..

— Не буду я тутъ сидѣть... Провались они всѣ пропадомъ... — сумрачно отозвался учитель. — Заживо хоронить себя? Нѣтъ, ужъ это ахъ оставьте, не лукавьте. Сыты по горло и вамъ того же желаемъ—да-съ...

— Ну, и вали...

— И буду валить... Га!.. Вонъ въ газетахъ надняхъ, „дѣятели“, говоритъ, „подвижники“... Еще какъ тамъ?.. Да: „сѣятели на нивѣ народной“,— да еще съ музыкой: сѣйте, говоритъ, разумное,

доброе, вѣчное, вамъ, дескать, скажутъ спасибо сердечное... Самъ выкуси!.. Какихъ дураковъ нашелъ!.. Ты за спасиба-то за эти будешь работать? Нѣтъ... Ну, и я тоже... Какіе ласковые выискались, кошка ихъ залягай... Либералы!.. Возьми да сѣй самъ, коли охота... Такъ нѣтъ: ты сѣй, а онъ будетъ тебѣ слова сладостныя говорить... Да мало того, что сѣй,—сады разводи, огороды, пчелъ, пѣнію ребятъ учи... И швецъ, и жнецъ, и въ дуду игрецъ... А пуще всего—сѣй!.. А онъ тебѣ за это корку черствую дастъ... Нѣтъ, батенька, дураковъ нынче весьма даже малое количество осталось... Нынче и дуракъ хочетъ тоже сытымъ быть да не просто сытымъ, а съ гарнирчикомъ... Чтобы всяка штука нараспѣвъ... Такъ-то вотъ-съ, господа вы мои сладкіе, либералы хорошіе, дѣлъ словесныхъ и душевныхъ умиленій мастера безподобные... Помню, еще въ городѣ у насъ былъ одинъ такой-то... Какъ напьется, такъ сейчасъ въ умиленіе: на-ародъ, говоритъ... И все такое... На-ародъ!.. Да... Я вотъ офицерскій грѣхъ покрывать пойду, а вы на мое мѣстечко пожалуйте, на тепленькое-то, и сѣйте съ полуумненькимъ-то компанію... А мы на васъ смотрѣть будемъ, да посмѣиваться про себя, да слова вамъ сладкія говорить... Да нѣтъ, васъ тоже на мякинѣ-то не очень проведешь... Грамотные!..

— А ты пей лучше... Зря воздухъ-то не сотрясай... Коньяку, что ли?

— Все равно, и коньяку можно...

— Это вотъ дѣло... Ну, а насчетъ невѣсты какъ?

— Да вы что, за этимъ, что ли, и пріѣхали?..

— Еще бы тебѣ!. Стану я со всякимъ дерьмомъ путаться... А это такъ только, къ слову... Да и тебя жаль... Парень, вижу, дѣльный, а пропадаешь ни за грошъ... А что пріѣхалъ я сюда, такъ это такъ, съ одури больше... Закручу, должно, скоро...

— Что вамъ не крутить-то?.. Эхъ, кабы я да на вашемъ мѣстѣ,—вотъ бы удивилъ Европу-то!..

— О?!.—пустилъ насмѣшливо попечитель.

— Да ужъ удружилъ бы...

— Хвасташь... Жадности-то въ тебѣ много,—недаромъ ты поповскихъ кровей,—а духъ-то коротокъ, слаба кишка-то... Офицерика маленькаго боишься, да и то авансомъ: еще полгода ждать, а ты ужъ дрожишь... А тамъ, можетъ, и офицерика-то нѣтъ... Можетъ, воздухъ одинъ, вѣтромъ надуло... Это, говорятъ, бываетъ... Ха-ха-ха...

Учитель злобно стиснулъ зубы, но промолчалъ.

— Опять вы здѣсь?—сердито крикнулъ онъ на ребятъ.—Сказано, пошли прочь...

Испуганные ребята понеслись по домамъ разсказывать, какъ „попечитель учителя ругаетъ, а тотъ молчитъ все да усы себѣ грызетъ. Красный индо весь, а молчитъ, не смѣетъ, чтобы насупротивъ...“

— Какой сурьезный!..—издѣвался попечитель.— А ребятамъ, и тѣмъ не страшенъ. Эхъ ты, вояка, пра-аво...

Учитель злобно молчалъ.

Начинало темнѣть. Подулъ свѣжій вѣтерокъ и даже разгоряченнымъ виномъ собесѣдникамъ показалось прохладно.

— Эй, Матвѣй, жива душа!.. Гдѣ ты тамъ?— крикнулъ Кузьма Лукичъ.

— Здѣсь-съ, Кузьма Лукичъ.

— Убирай-ка, братъ, все это... Конченъ балъ... Не хочу больше и пить съ вами. Дрянь вы всѣ народъ здѣсь... Не народъ, а одно слово паршь, гниды... Стели мнѣ постелю, да живо...

— Слушаю-съ.

— А это что за шумъ тамъ?

— А это вашу милость мужички чествуютъ.

— Пошелъ прочь. . Стели... Га!.. И тутъ почетъ и уваженіе... Ахъ, чортъ... Ну, прощай, ты, попово отродье... Ученый, а офицерика боится... Ха-ха-ха... Пойду спать... А завтра наплюю на васъ всѣхъ и въ городъ... Куда ни плюнь, все дерьмо... Прощай...

— Спокойной ночи...—хмуро отвѣчалъ учитель и проворчалъ сквозь зубы въ спину удаляющемуся попечителю: — дура толстопузая... Взялъ бы вотъ такъ да все рыло и раскровянилъ... Гиппопотамъ болотный...

Кузьма Лукичъ прошелъ направо, на половину, отведенную младшему учителю. Петръ Петровичъ совсѣмъ больной, разбитый, несчастный и жалкій до послѣдней степени, едва-едва перетащился на другую половину и, какъ снопъ, свалился на свою убогую кровать, перенесенную туда Матвѣемъ.

Онъ спалъ, лежа на спинѣ, съ открытымъ ртомъ, и его блѣдное лицо, все покрытое прыщами, подергивалось въ какихъ-то жалостныхъ гримасахъ, — точно и во снѣ онъ пилъ горькую чашу своего ничтожества.

Матвѣй натаскалъ для попечителя сѣна и съ помощью полудюжины разноцвѣтныхъ подушекъ соорудилъ ему постель необыкновенно торжественнаго вида. Кузьма Лукичъ тяжело сѣлъ на стулъ и, громко икнувъ, буркнулъ, протягивая ногу:

— Ну...

Сторожъ бросился на колѣни и съ величайшими предосторожностями началъ снимать съ попечителя сапоги, затѣмъ брюки, сюртукъ... Ко всему этому Матвѣй прикасался съ видомъ необыкновеннаго почтенія, почти благоговѣнія—точно все это были самые священные для него, самые хрупкіе и деликатные предметы. Наконецъ, попечитель залѣзъ на свою постель и утонулъ въ хрустящемъ подъ холщевой простыней сѣнѣ.

Матвѣй какъ-то подозрительно кашлянулъ въ руку.

— Ну, что еще тамъ?..

— Танька пришла-съ... Прикажете?

Кузьма Лукичъ минуту подумалъ.

— Ну, веди...—разрѣшилъ онъ.

Танька Косая была дѣвица-сирота, ласками которой пользовались всѣ желающіе Лужковъ и окрестныхъ деревень, что позволяло ей сводить

кое-какъ концы съ концами и безъ чего ей пришлось бы идти по міру: кромѣ полуразвалившейся избенки и худой, вѣчно голодной кошки, у нея ничего не было. Каждый разъ, какъ попечитель пріѣзжалъ въ школу, она являлась къ нему, чтобы усладить часы его досуга...

Матвѣй мялся и опять осторожно кашлянулъ.

— Ну?..

— Я хотѣлъ доложить, то-есть, вашей милости...—тихо заискивающимъ голосомъ сказалъ сторожъ. — Дѣло тутъ такое вышло... Можетъ, желаете... то-есть.. другую?.. Мать ея набивалась... Дескать, не возьмутъ ли дѣвчонку?.. Очень въ нуждѣ... Молоденькая... Только шестнадцать минуло, говоритъ, это мать-то... Да вретъ и шестнадцати-то, чай, нѣтъ...

— Чай, потаскуха какая?— спросилъ послѣ небольшой паузы Кузьма Лукичъ.

— Никакъ нѣтъ-съ... Совсѣмъ даже... небалованная-съ...—все также заискивающе и тихо продолжалъ Матвѣй.—Вдовы Василисы дочь... Славная дѣвчонка... Свѣженькая, какъ рѣпка изъ гряды... Четыре года только, какъ екзаменть сдала... Ваша ученица-съ... А мать-то очень ужъ бьется... Заработать вотъ и хочетъ...

Опять пауза.

— Сколько?—хрипло спросилъ попечитель.

— А это ужъ сколько ваша милость...

— Однако?

— Ну, что же... Скажемъ, двѣ красненькихъ... Не обидно такъ вашей милости будетъ?..

Молчаніе.

— Ну, веди...—глядя въ сторону, буркнулъ попечитель.

— Слушаюсь... А Таньку я прогоню?..

Кузьма Лукичъ ничего не отвѣтилъ и Матвѣй исчезъ.

. . . .

Темно, тихо,—только гдѣ-то назойливо надрывается-лаетъ собака, точно чуя какого-то невидимаго врага, да разгулявшійся вѣтеръ шумитъ оголенными вѣтвями старыхъ березъ...

Кузьма Лукичъ всталъ, выпилъ квасу и въ одномъ бѣльѣ, босикомъ, прошелся по комнатѣ, потомъ опять легъ и прерывисто вздохнулъ... Онъ слушалъ, но все было тихо, только въ ушахъ его звенѣло да вдали все лаяла, не унималась собака. Свѣча, сильно оплывая, горѣла на столѣ и по стѣнамъ трепетали темныя тѣни...

Шорохъ...

Дверь легонько пріотворилась. Чья-то невидимая рука втолкнула въ комнату какую-то темную маленькую фигурку... Закрывъ лицо рукавомъ и вся дрожа, дѣвочка замерла у порога...

Вдали злобно, упорно лаетъ-надрывается собака... По стѣнамъ трепещутъ черныя тѣни...

Темно... Тихо...

Невольникъ.

Первымъ чувствомъ Луи Ружэ, когда онъ получилъ извѣстіе, что рецензіи о карнавальныхъ празднествахъ поручены главнымъ редакторомъ ему, была радость. Карнавалъ продлится нѣсколько дней, писать о немъ придется много, слѣдовательно, можно будетъ заработать лишнюю сотню франковъ. Но потомъ радость его опять понемногу смѣнилась знакомой ему щемящей тоской и онъ вновь ощутилъ гдѣ-то въ глубинѣ души непріятную, все отравляющую горечь. Онъ готовъ былъ отказаться отъ этого назначенія, пожертвовать лишнимъ заработкомъ, только бы не идти туда, въ тотъ міръ сытыхъ и довольныхъ, гдѣ онъ испыталъ столько обидъ, горечи, униженій... Но это было невозможно.

Ружэ не старъ, ему всего тридцать восемь лѣтъ. Еще юношей онъ вступилъ на литературное поприще, полный, какъ всякій юноша, самыхъ розовыхъ надеждъ, энергіи. Онъ вѣрилъ въ свою звѣзду, въ свои способности, онъ былъ убѣ-

3*

жденъ, что пробьетъ себѣ дорогу и займетъ почетное мѣсто въ рядахъ борцовъ за обездоленныхъ. Но годъ проходилъ за годомъ, а онъ все тянулъ ту же лямку журналиста-поденщика. Понемногу его грезы разсѣялись, надежда умерла, и не безъ страданій, не безъ долгихъ и глубокихъ страданій, онъ заставилъ замолчать свое оскорбленное самолюбіе и примирился съ своимъ положеніемъ газетнаго „кули", на долю котораго выпали лишь тяжелый трудъ, нужда и горечь обидъ и униженій.

Первое время ему очень льстило его званіе журналиста и онъ не безъ гордости показывалъ свой значокъ или редакціонную карту при входѣ въ театръ, въ судъ, въ засѣданіе какого-нибудь общества, на какой-нибудь праздникъ. Но это скоро прошло, и теперь его значокъ журналиста казался ему ядромъ, прикованнымъ къ ногѣ каторжника; онъ не гордился болѣе тѣмъ, что онъ журналистъ; жизнь дала ему понять, что газетный кули это не человѣкъ, а пишущая машина, рабъ, который не долженъ, не смѣетъ имѣть ни своихъ мнѣній, ни гордости, ни стыда, словомъ, ничего человѣческаго...

Идетъ онъ въ театръ. Игра артиста приводитъ его въ восторгъ, въ то время какъ артистка совсѣмъ не удовлетворяетъ его: ему кажется, что она неестественна, ломается, что огня души, таланта въ ней нѣтъ, нѣтъ ничего, кромѣ красиваго тѣла. Онъ пишетъ рецензію. Редакторъ зоветъ его

къ себѣ въ кабинетъ и говоритъ, что, по его мнѣнію, артистъ тотъ не изъ важныхъ и похвалы Ружэ его игрѣ неосновательны, тогда какъ артистка пользуется заслуженной репутаціей „звѣзды". Ружэ знаетъ, что артистъ не заслужилъ благорасположенія редактора тѣмъ, что не завезъ въ редакцію своей визитной карточки предъ началомъ сезона, какъ это принято; знаетъ онъ и то, что актриса та на содержаніи у близкаго друга редактора, который хлопоталъ о ней, прося замолвить словечко. Онъ знаетъ это, но, тѣмъ не менѣе, обязанъ передѣлать свою рецензію и, вмѣсто похвалъ, сдѣлать нѣсколько кислыхъ замѣчаній артисту, а объ актрисѣ сказать, что игра ея божественна, что всякое ея появленіе на сценѣ настоящій тріумфъ, — который устраивается многочисленной „клакой", какъ хорошо зналъ Ружэ.

Хотѣлось бы ему сказать нѣсколько словъ о вопіющихъ безпорядкахъ на такой-то желѣзной дорогѣ,—нельзя, владѣлецъ газеты ея акціонеръ; хотѣлось бы указать о желательности такого-то и такого закона,—нельзя, братъ патрона депутатъ, принадлежащій къ партіи, стоящей противъ этого закона. И такъ во всемъ; онъ не имѣетъ права имѣть своего мнѣнія ни о танцовщицахъ, ни о муниципалитетѣ, ни о политическомъ положеніи Европы, ни о мѣстномъ трамваѣ, ни о депутатѣ, министрѣ, флотѣ, арміи, ни о своей газетѣ, ни о себѣ самомъ... Раньше, когда къ нему предъявлялись такія требованія уничтожить, забыть себя,

онъ мѣнялъ газеты, переходилъ изъ одной въ другую, но потомъ со временемъ убѣдился, что это совершенно все равно и что танцовщицы, министры, депутаты, трамваи всюду имѣютъ своихъ друзей и враговъ, съ мнѣніемъ которыхъ онъ обязанъ считаться, если хочетъ работать, т.-е. если хочетъ ѣсть... Онъ доженъ былъ ѣсть, поэтому долженъ былъ и работать, и теперь онъ, революціонеръ, протестантъ до мозга костей, работалъ уже четвертый годъ въ „Маякѣ", безцвѣтной и сладковатой газетѣ, всегда держащей носъ по вѣтру...

Работалъ!.. Развѣ то, что онъ дѣлалъ, была работа? Развѣ служеніе карману патрона, причиняя этимъ неисчислимый вредъ другимъ людямъ, отравляя ихъ душу, сѣя среди нихъ раздоръ, ложь, клевету,—развѣ это работа?... Въ передовицѣ, разжигая безсмысленную ненависть, газета грозитъ кулакомъ Англіи и, сладко улыбаясь, приглашаетъ Италію заключить съ Франціей союзъ. Зачѣмъ это, кому нужно? Неужели Англія испугается „Маяка", неужели Италія тотчасъ бросится въ его объятія? Зачѣмъ эта травля, эта вражда, это маханіе кулаками? Дальше идетъ „хроника", въ которой на двухъ, трехъ столбцахъ читателю преподносятъ всю мерзость, всѣ плутни, всю ложь дня, сообщается о пріѣздахъ и отъѣздахъ какихъ-то никому ненужныхъ свѣтлостей, говорится, — чтобы занять мѣсто—что вчера въ городѣ былъ ливень, какъ будто, читатели сами не знаютъ объ

этомъ. Иногда, чтобы поднять розничную продажу, сочиняются нелѣпыя сенсаціонныя новости, которыя на другой день пространно опровергаются: ливня не было, мѣсто осталось пустое. Иногда на этихъ столбцахъ, между черныхъ строчекъ, прячутъ осторожную, пугливую клевету; отравленная стрѣла непремѣнно попадетъ въ цѣль, но пустившій ее стрѣлокъ слишкомъ искусенъ, слишкомъ опытенъ въ этомъ дѣлѣ, чтобы съ нимъ можно было сдѣлать что-нибудь... Въ телеграммахъ,—часть которыхъ, „отъ нашихъ спеціальныхъ корреспондентовъ“, сочиняется въ редакціи,—въ телеграммахъ опять ложь, опять опроверженія, опять хитрое преслѣдованіе собственныхъ интересовъ въ ущербъ интересамъ общимъ. Критика музыкальная, литературная, — все соткано изъ лжи, — украшена спеціальными терминами, разными словечками, которыя должны обмануть читателя, скрыть абсолютное незнакомство критика съ предметами, о которыхъ онъ говоритъ. Часто этотъ критикъ, только что объяснившій читателямъ недостатки новой симфоніи, игранной вчера въ концертѣ,—на которомъ критикъ не былъ,—въ другомъ мѣстѣ говоритъ, что „рѣзвость скачки вчера была 1 м. $45^1/_2$ с. ($37+34+34^1/_2$) на корп. Повелъ сильный фаворитъ „Фульспидъ“, за которымъ до водокачки ближе слѣдовалъ „Малибранъ“ и „Уайльдъ-Розъ“; къ повороту сразу переложился „Виндексъ“, а при входѣ на прямую стало ясно, что при нерѣзвомъ первомъ километрѣ силачу

„Фульсидъ“ $1\frac{1}{2}$ километра мало. Онъ не только проигралъ „Виндексу“, но и второе мѣсто отъ вышки „Драгоману“. Дербистъ „Мильтіадъ“ дебютировалъ пока ближайшимъ мѣстомъ среди оставшихся безъ мѣста.“ Вся эта китайщина, всѣ эти словечки,—какъ и въ отчетѣ о концертѣ, — должны импонировать профанамъ. И чрезъ всю эту клевету, ложь, опровержения, безсмыслицу и словечки, чрезъ фельетонъ, убого, но съ претензіями вылѣпленный изъ грязи и крови, читатель добирается, наконецъ, до послѣдней страницы, гдѣ, въ отдѣлѣ „спроса“, громко заявляетъ о себѣ нужда обездоленныхъ, ихъ голодъ, холодъ, скрытые подъ нѣмыми, равнодушными буквами, слезы и отчаяніе, въ то время, какъ изъ „предложенія“, изъ-за лживыхъ рекламъ, жадно, взапуски кидаются на него жажда наживы, грубая эксплоатація, сухой, волчій эгоизмъ...

И это была его работа!..

Правда, были и другія, менѣе грязныя газеты, менѣе лживыя, менѣе эгоистичныя,—но ихъ такъ мало, а работниковъ, подобныхъ Ружэ, такъ много! И, не зная никакого другого дѣла, погоняемый больно бьющимъ бичомъ нужды, Ружэ злобно, съ молчаливымъ, но безсильнымъ протестомъ въ душѣ, продолжалъ тянуть свою лямку день за днемъ, годъ за годомъ...

Точно, чтобы еще болѣе усилить тяготу его ярма, редакція часто поручала ему доставить описаніе какого-нибудь богатаго бала, обѣда или ве-

чера, и онъ отправлялся туда и всѣми силами старался добыть чрезъ лакеевъ и кучеровъ нужныя ему свѣдѣнія. Ему, журналисту, лично не было мѣста ни на тѣхъ балахъ, ни на обѣдахъ, ни на вечерахъ: все это было лишь для избранныхъ. И онъ предъ запертыми для него дверями богатыхъ дворцовъ составлялъ краснорѣчивыя описанія празднествъ, происходящихъ тамъ. Онъ говорилъ объ оживленіи бала, котораго онъ не видѣлъ, восхищался красотой графини А., роскошнымъ туалетомъ княгини В., любезностью маркизы С., остроуміемъ посланника Д., упоминалъ другихъ, будто бы, замѣченныхъ имъ „*au hasard*", лицъ; онъ описывалъ роскошно сервированный столъ, приводилъ все меню обѣда, полуголодный, говорилъ объ изысканныхъ кушаньяхъ, которыхъ онъ никогда не ѣдалъ.

Иногда на какомъ-нибудь большомъ публичномъ праздникѣ, на какой-нибудь лоттереѣ, устроенной сытыми „въ пользу" голодныхъ и холодныхъ, онъ встрѣчался съ тѣмъ міромъ избранныхъ; эти встрѣчи были ему еще тяжелѣе, чѣмъ описанія баловъ и вечеровъ, на которыхъ онъ не присутствовалъ. Пообѣдавъ въ плохенькомъ ресторанѣ, онъ надѣвалъ поверхъ истасканнаго, дешеваго бѣлья новый, дорогой фракъ—-редакція требовала, чтобы ея газета была представлена „какъ слѣдуетъ",—украшалъ петличку цвѣтами и съ беззаботной улыбкой на лицѣ появлялся на праздникѣ... Тамъ онъ видѣлъ туалеты дамъ, за которые бы-

ли заплачены деньги, какихъ онъ не зарабатывалъ и въ годъ, онъ видѣлъ море драгоцѣнныхъ камней, видѣлъ, какъ, выпивъ бокалъ шампанскаго, молодые люди платили дамамъ-благотворительницамъ крупными банковыми билетами, онъ видѣлъ всю эту безумную роскошь, сытость, довольство, и въ его душѣ голоднаго журналиста съ нѣсколькими франками въ карманѣ поднимался страшный протестъ, безконечная злоба. Онъ готовъ былъ растерзать этихъ довольныхъ, безпечныхъ людей, мстя имъ за свою бѣдность и униженіе, но онъ не смѣлъ даже и вида показать того, что бушевало въ его душѣ. Напротивъ, какъ хорошо выдрессированное животное, онъ кланялся, любезно улыбался, выражалъ свое почтеніе и заносилъ въ свою записную книжку краснорѣчивыя описанія туалетовъ, удачныя остроты мужчинъ, восторгался красотой и элегантностью женщинъ...

А потомъ праздникъ кончался, и, усталый, онъ шелъ въ свою убогую квартиру, чтобы немедленно, для завтрашняго номера, дать о немъ рецензію, чтобы работать въ то время, какъ тѣ, другіе, спятъ, отдыхая для ряда новыхъ праздниковъ, спятъ спокойно, свободные отъ заботъ, нужды, отъ тяжелой борьбы за право дышать... И онъ писалъ, писалъ, писалъ, вкладывая въ свои изящные комплименты дамамъ всю свою злобу, пряча рѣзкій, жгучій, наболѣвшій протестъ въ звонкихъ, ничего незначущихъ фразахъ о всеобщемъ восхище-

ніи праздникомъ. И отъ того, что эту злобу и этотъ протестъ онъ давилъ въ себѣ, пряталъ, они разгорались еще болѣе и превращали его жизнь въ одну сплошную пытку. Онъ всячески избѣгалъ столкновеній съ той жизнью, съ тѣми, сытыми и довольными, онъ жадно хватался за всякую работу, которая не имѣла прямой связи съ тѣмъ міромъ, но такой работы было мало и, скрѣпя сердце, ему нужно было опять идти на праздники, улыбаться и говорить любезности...

Съ крѣпости глухо стукнулъ пушечный выстрѣлъ, возвѣщающій начало карнавала, и Ружэ сразу ощутилъ болѣзненное, непріятное чувство; вся душа его боязливо сжалась, точно боясь прикосновенія чего-то противнаго, тяжелаго, оскорбляющаго. Онъ надѣлъ дешевенькое, но модное пальто, модную шляпу, вышелъ изъ дому и сразу попалъ въ настоящій водоворотъ. Улица представляла изъ себя что-то необыкновенное, похожее на кошмаръ. Всюду пестрѣютъ флаги, разноцвѣтные фонари; по троттуарамъ, по мостовой медленно движется сплошной потокъ чертей, клоуновъ, львовъ, дѣтей, быковъ, индѣйцевъ, пастушекъ, негровъ, астрологовъ, паяцевъ, медвѣдей, англичанъ, солдатъ, тещъ, пшютовъ, тореадоровъ, крокодиловъ, всевозможныхъ уродовъ. Въ воздухѣ стоитъ оглушительный шумъ, слышенъ смѣхъ, веселыя шутки, восклицанія... Около эстрадъ, на которыхъ гремятъ военные оркестры, идутъ танцы, — нѣтъ, это не танцы, это какая-то безумная, дикая вак-

ханалія. Всѣ пляшутъ, бѣснуясь, толкаясь, падая, обнимаясь...

Ружэ на минуту остановился около танцующихъ, и его губы дернулись какъ-то и сморщились въ гримасѣ отвращенія...

Онъ пошелъ дальше, посмотрѣлъ на иллюминацію главной площади и съ трудомъ пробрался въ обширную залу опернаго театра, гдѣ такъ же, какъ и на площади, шелъ безшабашный плясъ подъ звуки великолѣпнаго оркестра. Только костюмы здѣсь были болѣе элегантны и богаты. Въ фойэ, превращенномъ въ буфетъ, настоящее безуміе. Величественный ассирійскій магъ обнимается съ испанкой, турокъ угощаетъ шампанскимъ осла, чортъ увивается около хорошенькой пастушки, перемигивающейся съ медвѣдемъ; рыцарь нашептываетъ что-то кузнечику, идущему подъ руку съ краснымъ Мефистофелемъ. Таинственное черное домино осторожно входитъ въ буфетъ, осматривается, шепчетъ нѣсколько словъ тореадору и оба исчезаютъ въ пестрой, пляшущей и хохочущей толпѣ, среди грома оркестра, щелканья пробокъ и звона бокаловъ. Тутъ на глазахъ всѣхъ завязываются и развязываются мимолетныя интриги на два часа, тутъ свѣтскую женщину не отличить отъ кокотки, сапожника отъ графа—смѣлый подъ маской развратъ сравнялъ всѣхъ. Женщины сидятъ на колѣняхъ у мужчинъ, обнявъ ихъ за шею. Совсѣмъ обнаженныя плечи и груди, безобразно поднятыя платья

никого не смущаютъ,—такъ это и быть должно здѣсь: подъ маской не стыдно. Вотъ одна изъ женщинъ забралась на столъ и, обнажая свое тѣло, канканируетъ среди стакановъ и бутылокъ. Всѣ рукоплещутъ... Одинъ изъ ея кавалеровъ, въ восторгѣ, сажаетъ красавицу себѣ на плечи и, придерживая ее за ноги, начинаетъ галопировать по фойэ среди смѣха и аплодисментовъ...

Ружэ испытывалъ почти физическую тошноту при видѣ этого наглаго, безстыднаго разврата. Онъ вернулся опять въ залу, гдѣ по прежнему шелъ неистовый плясъ. Вдругъ дверь въ одну изъ ложъ бенуара растворилась и къ барьеру подошла красавица въ ослѣпительномъ, безумно-дорогомъ костюмѣ „милаго грѣха". Танцы сразу прекратились и всѣ присутствующіе разразились громомъ аплодисментовъ. И красавица, — содержанка одного богача-американца, —принимаетъ эти аплодисменты, какъ должную дань, она улыбается и чуть наклоняетъ голову предъ рукоплещущей толпой. Она ничуть не стыдится своего позора, какъ не стыдятся завидовать ей матери и жены, бѣснующіяся въ залѣ въ бѣшеномъ канканѣ и считающія себя,—когда безъ маски,—порядочными женщинами, какъ не стыдится рукоплескать ей тотъ почтенный отецъ семейства, который завтра, если въ его семьѣ произнесутъ имя этой женщины, сдѣлаетъ строгое, холодное лицо и заговоритъ о другомъ.

И, глядя на канканирующихъ „порядочныхъ"

женщинъ, глядя на почтенныхъ отцовъ семейства, устраивающихъ тріумфъ кокоткѣ, Ружэ думалъ о той массѣ лжи, притворства, предразсудковъ, изъ которыхъ соткана вся жизнь современнаго общества, и опять испытывалъ чувство тошноты. Что, если-бы эти люди всегда носили бархатную маску, подъ прикрытіемъ которой они здѣсь такъ легко превращаются въ скотовъ,—что тогда представляла бы изъ себя ихъ жизнь? Честь, стыдъ, благородство, человѣческое достоинство, все это въ мигъ превратилось бы въ пустыя, ненужныя слова, только стѣсняющія, неизвѣстно зачѣмъ, животную натуру... Да, надѣвая на себя эту маску, шелковую или бархатную, эти люди, въ сущности, снимаютъ съ себя ту, другую маску, которую они носятъ постоянно... И это все изысканныя женщины, строгія къ людямъ матери, жены, это тѣ, которыя презираютъ „толпу", потому что у нея нѣтъ каретъ съ гербами и дорогихъ туалетовъ, это тѣ, которые мнятъ себя избранниками, цвѣтомъ человѣчества, полубогами!.. О, лгуны, подлые лгуны!.. Во имя ихъ мнимаго превосходства, они давятъ милліоны людей, пьютъ ихъ кровь, превращаютъ жизнь въ такой адъ, предъ которымъ тотъ, другой адъ блѣднѣетъ и кажется невинной шуткой,— и вотъ на что идетъ трудъ, и потъ, и слезы, и кровь тѣхъ милліоновъ!.. На то, чтобы эти полубоги могли превращаться на свободѣ, вдали отъ нескромныхъ глазъ угнетаемыхъ, въ грязное отвратительное стадо свиней!.. А завтра опять они ок-

ружать себя магическимъ кругомъ золота, гербовъ, роскоши, лжи и опять будутъ полубогами, властителями вселенной...

Пробравшись къ выходу, Ружэ одѣлся и пошелъ домой.

Войдя въ свою комнату, онъ зажегъ лампу и, быстро снявъ фракъ, бросилъ его на диванъ, испытывая злобную радость, точно вмѣстѣ съ фракомъ онъ сбрасывалъ съ себя и свое постыдное, невыносимое рабство, точно теперь, въ этой комнатѣ, у себя дома, онъ могъ быть свободенъ, могъ забыть тѣхъ, своихъ повелителей. Но это чувство свободы длилось только одно короткое мгновенье. Увидавъ на столѣ листъ бѣлой бумаги, онъ вспомнилъ, что ему еще надо писать сейчасъ же, не теряя минуты, о карнавалѣ. Даже стѣны его комнаты не освобождали его отъ власти тѣхъ; какъ будто какая-то невидимая рука грубо толкала его къ столу, повторяя: „пиши, пиши, пиши!..“ И онъ со злобой, съ отвращеніемъ повиновался, сѣлъ къ письменному столу и взялъ перо.

Сдѣлавъ усиліе, онъ припомнилъ все, что видѣлъ этимъ вечеромъ, что перечувствовалъ. Страстно-обличительныя, злобныя, негодующія рѣчи просились на бумагу изъ его возбужденнаго мозга, онѣ жгли его, терзали, онѣ могучими волнами бились о стѣнки его черепа, но—онъ сдѣлалъ новое усиліе и съ блѣднымъ, нахмуреннымъ лицомъ, больно закусивъ губу, быстро написалъ слѣдующее:

„Наконецъ, онъ пришелъ, нашъ карнавалъ!.. Карнавалъ! Цѣлый рядъ блестящихъ празднествъ, полныхъ безумнаго веселья, смѣха, безпечности, ожидаетъ насъ!.. Отъ одной мысли объ этихъ празднествахъ голова кружится, точно отъ бокала хорошаго шампанскаго...

„Само небо покровительствовало началу праздника, пославъ намъ вчера чудную, теплую погоду. Едва спустилась на землю ночь съ ея чарами, какъ улицы красавицы Ниццы переполнились безчисленной толпой. Я отказываюсь дать понятіе о томъ захватывающемъ весельѣ, которое царило надъ городомъ. Въ одинъ мигъ были забыты всѣ огорченія, разочарованія и неудачи жизни. Да, это было царство веселья, смѣха, безумія, царство, девизъ котораго: „хоть мигъ, да мой!“ Тѣ, кто видѣли карнавалъ, испытали на себѣ его чары, тѣ поймутъ меня; тѣ, кто не видали... бѣдные, я жалѣю ихъ!..

„Балъ въ оперѣ поражалъ своимъ великолѣпіемъ... Мы имѣли удовольствіе нескромно узнать подъ масками нѣкоторыхъ изъ нашихъ очаровательницъ: такъ, княгиня N. произвела большой эффектъ своимъ костюмомъ кузнечика; графиня Д., — прелестная пастушка, — привела всѣхъ въ восторгъ безподобной граціей въ танцахъ; M-me de B., какъ всегда, была окружена вѣрною толпой своихъ рабовъ: красоту не скроешь ни подъ какой маской... *Au hasard*, мы можемъ назвать еще графа X., князя Y., барона de Z., генерала К.

и цѣлый рядъ другихъ блестящихъ именъ изъ нашего beau mond'еа, сливокъ всемірнаго общества, собирающагося ежегодно у насъ, чтобы подъ ласками южнаго солнца, на берегу голубого, вѣчно смѣющагося моря, отдохнуть отъ трудовъ, заботъ и волненій жизни...

„Итакъ, мы вступили въ эпоху веселья... Король безумія, карнавалъ, вошелъ на престолъ... Да здравствуетъ король! Да здравствуютъ жизнь, красота, веселье!..

„Шлемъ нашимъ читателямъ почтительнѣйшія пожеланія веселиться до упаду...

„До завтра!..“

Поставивъ знакъ восклицанія, Ружэ изо всей силы вонзилъ перо въ бумагу, точно это было сердце какого-то врага, и въ бѣшенствѣ изломалъ ручку въ мелкіе куски... Потомъ, закрывъ руками блѣдное, искаженное лицо, онъ опустилъ голову на столъ, стараясь не думать, забыться...

Въ окна глядѣлъ уже блѣдный разсвѣтъ...

Ш-ш-ш...

Тяжелый, медлительный говоръ колесъ товар-
наго поѣзда замеръ въ отдаленьи...

Владиславъ Ивановичъ, помощникъ начальника
станціи „Землянки", только-что вышелъ на свое
дежурство, двѣнадцать часовъ котораго стояли
теперь предъ нимъ во всей своей скукѣ, во всей
своей томящей, тошнотворной пустотѣ.

Онъ обвелъ глазами грязный письменный столъ
съ валявшимися на немъ изгрызенными ручками,
широкій кожаный, продранный въ нѣсколькихъ
мѣстахъ, диванъ, схематическую карту россій-
скихъ желѣзныхъ дорогъ на стѣнѣ, неизвѣстно
какъ и зачѣмъ попавшій сюда хромолитографи-
рованный, дешевый портретъ „Карла I, князя Ру-
мынскаго", и зѣвнулъ. Въ окно глядѣла темная
беззвѣздная декабрьская ночь. Въ трубѣ, посту-
кивая заслонкой печи, жалобно завывалъ вѣтеръ—
пурга разыгрывалась. Изъ сосѣдней комнаты до-
носились торопливые, сухіе удары телеграфа... И
больше ничего: завыванье вѣтра, сухіе удары те-
леграфа, темь... И такъ до утра...

Владиславъ Ивановичъ, выйдя изъ „кабинета
начальника станціи", пошелъ бродить по вокзалу,
но и тамъ ничто не развлекло его.

Въ „залѣ перваго и второго класса" и въ ба-
гажной было совсѣмъ пусто; въ третьемъ классѣ

прямо на грязномъ, заплеванномъ полу, спали врастяжку два мужика, дожидаясь утренняго поѣзда.

Владиславъ Ивановичъ вернулся въ кабинетъ.

Телеграфъ замолкъ.

— 106-й вышелъ, Владиславъ Ивановичъ,—крикнулъ телеграфистъ.

— Ладно,—коротко буркнулъ Владиславъ Ивановичъ.

Изъ телеграфной послышались звуки гитары. Бѣлобрысенькій телеграфистъ Ивановъ вотъ уже третью недѣлю старался подобрать по слуху: „Ты мое сердце и душа“, но это не удавалось ему. Гитара гнусавила, выла на фальшивыхъ нотахъ и жалобно дребезжала иногда, какъ бы прося пощады.

— Вотъ, чортъ, еще тоску нагоняетъ,—проворчалъ Владиславъ Ивановичъ и, сѣвъ къ грязному столу, занялся просмотромъ товарной вѣдомости.

Владиславу Ивановичу было около тридцати. Это былъ видный, плотный мужчина. Лицо его было бы красиво, если-бы его не портили оттопыренныя немного уши, придававшія физіономіи глуповатое выраженіе. Владиславъ Ивановичъ зналъ, что онъ недуренъ собой, и холилъ свои огромные, пушистые бѣлокурые усы и тщательно брился, оставляя на щекахъ маленькія „котлетки“. Костюмъ Владислава Ивановича всегда опрятенъ и не безъ элегантности: уѣздный портной Іона Іоновичъ Терентьевъ—какъ водится, „изъ Варшавы“,—

не жалѣлъ ваты ни для груди, ни для плечъ, а талію перетянулъ такъ, что Владиславъ Ивановичъ первое время то-и-дѣло съ наслажденіемъ осматривалъ свой мундиръ въ запыленномъ зеркалѣ кабинета начальника: на квартирѣ у Владислава Ивановича было лишь маленькое зеркальце, въ которое можно видѣть лишь усы.

Владиславъ Ивановичъ служилъ на „Землянкахъ“ только второй годъ и страшно тяготился этой службой. Маленькая станційка точно заблудилась среди необозримыхъ степей N — ской губерніи. Самымъ ближайшимъ отъ нея жильемъ была деревня Негодяево, но на что Владиславу Ивановичу деревня? Былъ въ восьми верстахъ еще большой свеклосахарный заводъ, но восемь верстъ, вѣдь, не шутка... До уѣзднаго города было шестьдесятъ-семь верстъ. Общества, кромѣ сослуживцевъ, никакого, а Владиславъ Ивановичъ, человѣкъ веселаго нрава, общительный, безъ общества жить не могъ, не могъ жить безъ женщинъ. Для полноты его жизни были необходимы женщины, чтобы онъ могъ говорить имъ комплименты, ухаживать за ними, побѣждать, бросать ихъ, опять побѣждать и опять бросать...

И онъ имѣлъ успѣхъ у уѣздныхъ и даже у губернскихъ дамъ, благодаря своей рослой фигурѣ, великолѣпнымъ усамъ, элегантности въ костюмѣ. Нравился дамамъ и его легкій польскій акцентъ, который онѣ находили очень милымъ, очень пикантнымъ; нравились имъ и два француз-

скихъ слова, которыя зналъ Владиславъ Ивановичъ: „парррдонъ!“ и „анъ каррррьеръ“, и его драматическій талантъ: онъ очень успѣшно подвизался два раза въ извѣстномъ водевилѣ „Азъ и Фертъ“, играющемъ, какъ извѣстно, на Руси роль „разумнаго развлеченія“, которое должно отвлечь мужика отъ водки и за одно ужъ, кстати, просвѣтить его темную головушку... Онъ ловко танцовалъ, кромѣ того, и, вообще, былъ вполнѣ воспитаннымъ молодымъ человѣкомъ... Здѣсь, въ „Землянкахъ“, не было ни общества, ни танцевъ, ни женщинъ, — нельзя же считать женщиной обрюзгшую, неопрятную жену начальника станціи или его дочерей, дѣвицъ тринадцати и четырнадцати лѣтъ, или вѣчно беременную, костлявую, какъ скелетъ, жену сторожа Василькова. Правда, въ деревнѣ были „бутончики“, но изъ-за нихъ еще на самыхъ первыхъ порахъ у Владислава Ивановича вышелъ конфликтъ съ деревенскими парнями, и онъ оставилъ бутончиковъ въ покоѣ...

Поэтому Владиславъ Ивановичъ скучалъ, томился и отъ скуки занимался выпиливаніемъ разныхъ штукъ лобзикомъ—для презентовъ.

Въ губернской газетѣ стали иногда появляться корреспонденціи изъ мѣстности, гдѣ стояли „Землянки“, — большею частью обличительнаго характера. Кто былъ корреспондентомъ, никто не зналъ. Владиславъ Ивановичъ какъ-то, со скуки, сболтнулъ, что пишетъ онъ. Сболтнувъ, испугался, такъ-

какъ быть корреспондентомъ вещь весьма не безопасная, но отступать было нельзя, стыдно, и Владиславъ Ивановичъ, втайнѣ трепеща, продолжалъ носить титулъ корреспондента, къ великому облегченію истиннаго корреспондента, земскаго врача, жившаго въ двѣнадцати верстахъ отъ „Землянокъ". Ложь Владислава Ивановича была совершенно безцѣльна, но онъ лгалъ, какъ часто лжетъ русскій человѣкъ, чтобы хотя чрезъ ложь стать чѣмъ-нибудь достойнымъ вниманія. Человѣческая личность на Руси такъ принижена, цѣнится такъ дешево, что быть просто человѣкомъ не удовлетворяетъ никого; всякому нужно еще хоть что-нибудь: статскій совѣтникъ, членъ общества правильной охоты или хотя бы даже корреспондентъ, какъ это ни опасно... Быть ничѣмъ, то-есть просто человѣкомъ, прямо какъ-то неприлично даже...

Изъ темноты долетѣлъ чуть слышный среди воя вѣтра свистокъ паровоза... Опять заговорили своимъ тяжелымъ, чугуннымъ языкомъ колеса. Поѣздъ остановился...

Хлопнула дверь и, весь занесенный снѣгомъ, вошелъ кондукторъ.

— № 106 прибылъ благополучно, господинъ начальникъ,—доложилъ онъ, приложивъ руку къ лохматой шапкѣ съ орломъ на тульѣ.

Владиславъ Ивановичъ кивнулъ головой.

— Здравствуй, Петровъ... Холодно?..

— Холодно, Владиславъ Ивановичъ,—отвѣчалъ

кондукторъ, сразу оставляя оффиціальный тонъ.— Вамъ-то тутъ хорошо... Не дуетъ...

— Хорошо, да не больно... Есть отцѣпка?

— Никакъ нѣтъ...

— Ну, поди роспишись...

Чрезъ нѣсколько минутъ поѣздъ ушелъ, опять постучалъ телеграфъ, а потомъ опять загнусавила гитара: „Ты мое сердце и душа...“

Владиславъ Ивановичъ хотѣлъ-было лечь на диванъ,—хотя было только семь часовъ,—но остановился въ нерѣшимости: наберешь клоповъ, потомъ всю ночь покоя не дадутъ. Взявъ со стола лампу, онъ нагнулся къ дивану. Обезпокоенныя свѣтомъ насѣкомыя, сидѣвшія гнѣздами, плотнѣе прижались къ обивкѣ...

— Ивановъ...—крикнулъ Владиславъ Ивановичъ.

— Я...—отозвался телеграфистъ.

— Иди-ка сюда...

Гитара смолкла и въ комнату вошелъ Ивановъ, бѣлобрысый, блѣдный юноша, какой-то сѣрый, неопредѣленный, точно сотканный изъ степныхъ сумерокъ. Волосы, глаза, кожа, все въ немъ было сѣро и безхарактерно; даже красные узоры, вышитые на его косовороткѣ, выглядывавшей изъ-подъ истертаго мундира, и тѣ выцвѣли, помутнѣли... Ивановъ былъ юноша тихій, робкій, молчаливый. Жизнь его была убійственно однообразна и безсодержательна. Чтобы хоть какъ-нибудь скрасить ее, Ивановъ фантазировалъ. Предметомъ его фантазій была какая-то „она“, смутная и неопре-

дѣленная, какъ узоры его рубашки. Онъ вырѣзалъ ея вензель и сердце, пронзенное стрѣлой, на березѣ въ станціонномъ саду и часто сидѣлъ около этой березы въ одиночествѣ, интригуя всѣхъ своей влюбленностью, таинственностью. Онъ кончилъ тѣмъ, что повѣрилъ самъ, что „она", дѣйствительно, существуетъ, тосковалъ и игралъ: „Ты мое сердце и душа"... Надъ нимъ всѣ смѣялись, но онъ не оставлялъ „ее", находя въ ней всю усладу своей жизни и чрезъ нее поднимая интересъ къ себѣ въ окружающихъ. Онъ лгалъ, какъ и Владиславъ Ивановичъ, но болѣе искренно, такъ сказать.

— Давай клоповъ казнить, — сказалъ Владиславъ Ивановичъ.

— Какъ?

— Электричествомъ...

— Давайте... Ишь ихъ что, чертей, развелось...

Они поймали клопа и понесли его въ телеграфную.

Тамъ они подвергли насѣкомое электрическому току изъ аппарата и, нагнувшись, съ интересомъ ждали, что будетъ дѣлать клопъ. Къ ихъ неудовольствію, клопъ оставался совершенно спокойнымъ.

Они съ бóльшимъ вниманіемъ отдались электризаціи своей жертвы, стараясь хоть какъ-нибудь понять бѣднаго клопа...

— Что это вы тутъ дѣлаете?

Они вздрогнули.

— Клопа казнимъ...

Это былъ начальникъ станціи, Алексѣй Петровичъ, громадный мужчина съ буйной растительностью на головѣ, щекахъ, подбородкѣ, шеѣ, растительностью, совершенно скрывавшею черты его лица и придававшею ему необыкновенно добродушный видъ.

Громадный самъ, Алексѣй Петровичъ любилъ все громадное: его карандаши, ручки, мундштуки, буквы, которыя онъ писалъ, поражали всѣхъ своими размѣрами. Маленькое въ немъ было только одно — душа, маленькая и необыкновенно пугливая. Чего боялся Алексѣй Петровичъ, онъ, какъ и всѣ пугливые люди на Руси, опредѣленно сказать не могъ, но онъ боялся всегда, день и ночь, зимой и лѣтомъ, ежеминутно, ежесекундно... Что бы при немъ ни говорили, что бы онъ самъ ни говорилъ, ни дѣлалъ, ни думалъ, — во всемъ этомъ было что-то опасное, могущее ежеминутно разразиться какимъ-нибудь бѣдствіемъ.

Алексѣй Петровичъ любилъ разсказывать одинъ случай изъ его жизни, случай, который, не догадайся Алексѣй Петровичъ во время, могъ бы Богъ знаетъ чѣмъ кончиться. Дѣло было такъ. Алексѣй Петровичъ любилъ газеты, — главнымъ образомъ, какъ всякій провинціальный читатель на Руси, иностранную политику. Его листокъ — какой-то провинціальный заморышъ, — не удовлетворялъ его и онъ обратился за совѣтомъ къ земскому врачу. Тотъ выписалъ ему одну столичную газетку, съ

нѣкоторымъ душкомъ, но, въ общемъ, совершенно безвредную.

— Ну-съ, хорошо...—разсказывалъ Алексѣй Петровичъ.—Читаю я это ее день, два, три — что-то не того, слышу, пахнетъ... Но держусь, думаю, съ непривычки это, обтерплюсь... Читаю четвертый день, пятый. Нѣтъ, вижу, довольно... Пора... Еще денекъ, другой да и утекай моя лохматка, пока Шарикъ не догналъ... Понимаете, индо оторопь беретъ... Читаешь и дрожишь... Ахъ, чтобъ тебя!.. И вдругъ... — тутъ Алексѣй Петровичъ многозначительно поднималъ свои густыя брови и тономъ, какимъ няни разсказываютъ дѣтямъ страшныя сказки, продолжалъ:—И вдругъ—бацъ!.. Издателя „Московскихъ Вѣдомостей", генерала, на всѣ корки раздѣлываютъ... Да вѣдь, *какъ*, батюшка вы мой?!.. И въ хвостъ, и въ гриву!.. Ге-не-ра-а-а-ла!.. Ну, думаю, провались ты совсѣмъ... Не только редактора, но кто и читаетъ-то газету, свяжутъ... Ахъ ты, шутъ-те дери,—а? Каковъ нынче народъ сталъ!.. А? Ни въ Бога, ни въ чорта... Ну, ты самъ-то, что хочешь, съ собой дѣлай, а другихъ-то зачѣмъ подводить?

И онъ успокоился на „Свѣтѣ", да и то, впрочемъ, не совсѣмъ: слишкомъ отважныя нападки браваго полковника на нѣмцевъ или на поляковъ очень тревожили Алексѣя Петровича... И среди поляковъ поди-ка есть какіе, — живьемъ сожрутъ..

И онъ дрожалъ...

— Нѣтъ, кузнечикъ былъ куда любопытнѣе,— проговорилъ Владиславъ Ивановичъ, оставляя, наконецъ, упрямаго клопа.

— Да вы что-нибудь не такъ дѣлаете,—замѣтилъ Алексѣй Петровичъ.

— Да ужъ на всѣ манеры пробовали, не беретъ,—отвѣчалъ Ивановъ.

— А кузнечикъ ловко тогда разрабатывалъ... Какъ прыгалъ-то, –а? Ошалѣлъ...

— И кошка тоже здорово...

Всѣ разсмѣялись, вспомнивъ, какъ бѣсновалась подъ электрическимъ токомъ кошка. Эти опыты надъ кузнечикомъ, кошкой, станціоннымъ сторожемъ они производили еще лѣтомъ.

Однако, надо же было дѣлать что-нибудь съ упрямымъ клопомъ.

— Стой!.. Выдумалъ!..—воскликнулъ Владиславъ Ивановичъ.—Дай-ка мнѣ твоей бумаги... Ленточкой... Вотъ такъ, довольно... Идемъ...

Всѣ направились къ кабинету. Аппаратъ застучалъ.

— Изъ „Долгой Балки“ что-то спрашиваютъ,— проговорилъ Ивановъ.

— Ну, чортъ съ ними, подождутъ, — отвѣчалъ Владиславъ Ивановичъ.

— Чего подождутъ? — возразилъ Алексѣй Петровичъ. — Можетъ, что срочное отъ начальства. Спроси, Ивановъ.

Ивановъ подошелъ къ аппарату и, отвѣтивъ на сигналъ, сталъ читать ленту:

— „У насъ скука смертная. Вы что дѣлаете? Кто сейчасъ на дежурствѣ: Ивановъ или Кондыревъ?..“

— Ну, вотъ, такъ и зналъ!—воскликнулъ Владиславъ Ивановичъ. — Пошли его къ чорту.. Идемъ...

Ивановъ, отвѣтивъ что-то скучающему на сосѣдней станціи товарищу, пошелъ за начальствомъ.

Владиславъ Ивановичъ густо намазалъ бумажную ленту гуммиарабикомъ и, положивъ ее на столъ, съ помощью Иванова, принялся за ловлю клоповъ, которыхъ и сажалъ рядышкомъ на клейкую полоску.

— Такъ-то вотъ, голубчики...—злорадно усмѣхался Владиславъ Ивановичъ.—Хорошо ли?

И опять всѣ трое наклонились надъ приклеенными клопами и съ живымъ интересомъ смотрѣли, какъ отвратительныя насѣкомыя дѣлали усилія, чтобы освободиться изъ путъ гуммиарабика...

— Ага!.. Попались!..

Чрезъ нѣсколько минутъ интересъ, однако, началъ притупляться. Надо было что-нибудь новое..

— Поджечь надо...

— Сыро еще...

— Можно подсушить у огня...

Владиславъ Ивановичъ осторожно поднялъ своихъ плѣнниковъ и началъ просушивать бумажку надъ лампой...

Въ эту минуту дверь стукнула и Алексѣй Петровичъ вздрогнулъ. Пугливо оглянувшись, онъ

сразу успокоился, узнавъ въ вошедшемъ Генриха Генриховича, приказчика изъ большого имѣнія, находившагося верстахъ въ двадцати отъ „Землянокъ“.

— Вотъ такъ погодка, шортъ-бы ее взялъ...—выругался Генрихъ Генриховичъ, отряхивая свою доху и высокія валенки отъ налипшаго на нихъ снѣга.

— Что это вы, къ утреннему? — спросилъ Алексѣй Петровичъ, здороваясь съ нимъ.

— Какой шортъ, къ утреннему!.. Ѣхалъ къ вечернему, да съ дороги сбились... Два часа плутали... Развѣ это страна? Это шортъ знаетъ што, а не страна... Тутъ только мужикъ вашъ можетъ жить... Ему все равно, дураку...

И, снявъ доху, Генрихъ Генриховичъ подошелъ къ печкѣ и сталъ грѣть руки.

Средняго роста, красный и раздувшійся, какъ одинъ изъ приклеенныхъ Владиславомъ Ивановичемъ къ бумажкѣ клоповъ, Генрихъ Генриховичъ производилъ впечатлѣніе человѣка очень сытаго, очень крѣпкаго и безконечно довольнаго самимъ собой... Онъ, дѣйствительно, считалъ себя выше всѣхъ въ этой „шортовой странѣ“ и презиралъ все и всѣхъ, до хозяина включительно, котораго онъ сосалъ съ жадностью голоднаго клопа. Но болѣе всего Генрихъ Генриховичъ презиралъ мужика, ненавидѣлъ его и не только старался взять съ него все, что можно и чего нельзя, но былъ радъ, при всякомъ случаѣ, причинить хоть какое-нибудь страданье „этой русской свиньѣ“.

По своему животному, звѣрскому эгоизму, су хой жестокости, безпринципности, это былъ какой то безсознательный Uebermensch,—безсознательны потому, что Генрихъ Генриховичъ о Ницше и ег проповѣди ничего никогда не слыхивалъ: он былъ сыномъ бѣднаго сапожника изъ Ревел сперва, вахмистромъ потомъ. Своего теперешняг сытаго благополучія онъ достигъ сравнительн недавно, присосавшись къ одному изъ русских помѣщиковъ, которые всѣ, по его глубокому убѣ жденію, были дураки...

Согрѣвъ немного свои красныя, волосатыя руки Генрихъ Генриховичъ выпилъ изъ дорожно фляжки большой стаканъ коньяку и закурилъ си гару. Сразу на его разсерженное лицо спустилос облако спокойствія и довольства.

— Что это вы дѣлаете?—спросилъ онъ Влади слава Ивановича.

— Клоповъ казнить хотимъ...

— Фотъ тураки...—подумалъ про себя Генрих Генриховичъ и промычалъ:—Ah, so...

Но когда бумажка подсохла и Владиславъ Ива новичъ приступилъ къ послѣднимъ приготовле піямъ, заинтересовался и Генрихъ Генриховичъ и дымя сигарой, слѣдилъ масляными глазками з дѣйствіями Владислава Ивановича.

— Ну, поджигай...—сказалъ Владиславъ Ивано вичъ Иванову, держа въ воздухѣ укрѣпленную н концѣ пера бумажку.

Чиркнула спичка и, свиваясь въ черную спираль и дымя, бумажка загорѣлась. Клопы страшно вздувались и лопались. Въ кабинетѣ завоняло какою-то гадостью...

Казнь кончилась...

Въ сосѣдней комнатѣ затрещалъ телеграфъ. Ивановъ скрылся. Товарищъ изъ „Долгой Балки“ опять спрашивалъ его, что онъ дѣлаетъ. Ивановъ телеграфировалъ о казни клоповъ. Товарищъ сообщилъ ему, что въ прошломъ году они устраивали бѣга тараканОвъ на призы. Ивановъ торопливо вернулся въ кабинетъ и сообщилъ новую идею... Ее нашли хорошей, но приведеніе въ исполненіе отложили до другого раза.

Всѣ вышли въ „залъ перваго и второго класса“, небольшую, грязноватую комнатку съ необъятнымъ кожанымъ диваномъ, овальнымъ столомъ и нѣсколькими стульями „подъ ясень“. Надъ диваномъ висѣло запыленное зеркало, въ одномъ углу котораго кто-то выцарапалъ: „Надя 27 марта 1888 года“. На противоположной стѣнѣ висѣло объявленіе какого-то страхового общества; въ полумракѣ виднѣлись только громадныя красныя цифры: „17,000,000 рублей“. Рядомъ — другое объявленіе, на которомъ былъ изображенъ голый индѣецъ, необыкновенно гордаго вида, ѣдущій по пустынѣ на велосипедѣ. Подъ индѣйцемъ, на стѣнѣ, темное пятно: кто-то выцарапалъ неприличное слово; деликатный Владиславъ Ивановичъ тщательно зачер-

тилъ его карандашомъ, изъ боязни, какъ бы его не увидали дамы...

— А читали въ „Тмутараканскомъ Благовѣстѣ“?—спросилъ Владиславъ Ивановичъ.—У насъ опять скандалъ...

Онъ выписывалъ мѣстный „Благовѣстъ“ и былъ вполнѣ доволенъ имъ, такъ какъ ему было „совершенно наплевать“, какъ онъ выражался, на „разныя тамъ заграницы и всякія такія штуки“. Ему были интересны лишь чисто-мѣстныя новости, да и то только въ области архіерейскихъ богослуженій, убійствъ, пожаровъ, дракъ, назначеній, сплетенъ и тому подобное.

— Читалъ, — отвѣчалъ Генрихъ Генриховичъ, сразу догадавшись, о какомъ скандалѣ идетъ рѣчь.—Развѣ это кто изъ вашихъ?..

— Да... Контролеръ одинъ, Халатовъ...—отвѣчалъ Алексѣй Петровичъ. — Вотъ дуралей влопался...

— Ловкачи, однако, вы!—густо засмѣялся Генрихъ Генриховичъ.

„Благовѣстъ“ повѣдалъ на-дняхъ міру, что нѣкто г. X. („не русское х, а иксъ...“) соблазнилъ какую-то дѣвицу, которая заявила объ этомъ куда слѣдуетъ. Господина X., „любителя цвѣточковъ“, немедленно смѣстили и дѣлу, говорятъ, дали законный ходъ...

— Законный ходъ, законный ходъ!—повторялъ Владиславъ Ивановичъ.—Дуракъ, потому и законный ходъ. Я бы на его мѣстѣ такъ удружилъ ей, что въ другой разъ не захотѣла бы заявлять...

— Какъ же бы вы это сдѣлали? — недовѣрчиво спросилъ Алексѣй Петровичъ, свертывая громадную папиросу.

— А такъ... Сейчасъ бы я къ ней, моей красавицѣ, съ поклономъ: „не угодно ли, дескать, соглашеніе?.. Сто тамъ или двѣсти рублей". „Угодно..." „Пожалуйте, подпишите записочку-съ, что, дескать, никакихъ претензій ко мнѣ вы не имѣете и что, дескать, все, что вы говорили, неправда..." „Извольте",— потому бабы глупы... „Наше вамъ почтеніе, честь имѣю кланяться..."

— А деньги не отдали бы?

— Отдалъ бы — зачѣмъ не отдать?..—отвѣчалъ Владиславъ Ивановичъ, воодушевляясь. — А потомъ бы эту записочку, куда слѣдуетъ,—дескать, будьте заступникомъ, шантажъ... Тутъ ее и цапъ-царапъ...

— Ну, это... того...—усумнился Алексѣй Петровичъ.—Этимъ никого не проведешь.

— Чего того?.. Какъ разъ въ аккуратѣ...—горячо возразилъ Владиславъ Ивановичъ. —И сиди на фесѣ, ножки свѣся...

Усумнился и Генрихъ Генриховичъ.

Владиславъ Ивановичъ горячо защищалъ свою идею, утверждая, что онъ тоже знаетъ, гдѣ раки-то зимуютъ, и что всѣ эти законы ему во - какъ извѣстны.

— И все-таки это... не того...—опять возразилъ Алексѣй Петровичъ.—Ты соблазнилъ да тыже ее и въ острогъ...

— А она не фырчи.

— А куда же ей съ ребенкомъ-то дѣваться?

— А она раньше думай. Не младенецъ, ча если на такія дѣла идетъ .. А этакъ, если каждая.

Стукнула дверь.

— 107-й прибылъ благополучно, г. начальникъ

— Хорошо... Намъ ничего нѣтъ?

— Одинъ вагонъ...

— Ну, ладно... Распишись...

— Вотъ у меня такой случай разъ былъ,—пр должалъ Владиславъ Ивановичъ, ловко сплюну въ сторону.— И, вѣдь, молоденькая, шельма, все шестнадцать лѣтъ...

Разсказъ его заставилъ Иванова густо покр снѣть не одинъ разъ, но онъ не уходилъ и тайнымъ трепетомъ слушалъ похожденія Влад слава Ивановича, который не стѣснялся входи въ самыя интимныя подробности и живописа ихъ, не жалѣя красокъ. Сбѣгавъ на минуту телеграфную, чтобы дать знать „Долгой Балкѣ выходѣ № 107, Ивановъ опять вернулся въ перв классъ, гдѣ собесѣдники хохотали надъ толь что выслушаннымъ скоромнымъ анекдотомъ Г риха Генриховича.

— Нѣтъ, вы послушайте, какія штуки Васи ковъ разсказываетъ! — воскликнулъ Владисла Ивановичъ и крикнулъ:—Васильковъ!

— Здѣсь, вашбродь...

— Иди-ка сюда.

— Слушъ, вашбродь...

Вошелъ Васильковъ, кривоногій отставной солдатъ, лѣтъ тридцати, съ лицомъ цвѣта бронзы и совершенно бѣлой головой и усами.

— Ну-ка, разскажи намъ что-нибудь... знаешь, изъ твоихъ?..

Васильковъ улыбнулся всѣмъ своимъ громаднымъ ртомъ, набитымъ мелкими гнилыми зубами.

— Какую же разсказать вамъ?--спросилъ онъ фамильярно, сознавая, что здѣсь онъ теперь не подчиненное лицо, а интересный товарищъ.

— Какую хочешь... Позабористѣе...

— Позабористѣе, такъ позабористѣе,—согласился Васильковъ и, прислонившись спиной къ косяку двери, проговорилъ:—ну, слушайте...

И полились анекдоты... Всѣ хохотали, какъ сумасшедшіе, до слезъ, до колики въ бокахъ, стучали ногами, плевались, махали руками... Это поддавало еще болѣе жару Василькову и онъ превосходилъ самого себя. Онъ уже сидѣлъ на стулѣ и, разсказывая, смотрѣлъ на слушателей своими свѣтлыми глазами и улыбался всѣмъ своимъ гнилымъ ртомъ.

— Ха-ха-ха... О-о!.. Хо-хо-хо... Стой, Васильковъ, чортъ!.. А-а-а... Стой, говорятъ тебѣ, дьяволъ... А-а, подохну, гла...за... лоп...ни... по...дох... А-ха-ха-ха...

Въ дверяхъ стояли и тоже покатывались со смѣху мужики, спавшіе въ третьемъ классѣ, которыхъ разбудилъ и привлекъ сюда громкій хохотъ.

Черезъ часъ у слушателей болѣли головы и они сидѣли, утомленные до послѣдней степени.

Васильковъ, выпивъ стаканъ коньяку въ награду, ушелъ къ себѣ. Иванову стало вдругъ почему-то грустно, онъ ушелъ въ телеграфную и скоро оттуда опять послышались гнусавые, дребезжащіе, фальшивые звуки:

„Ты мое сердце и душа"...

Но ему не игралось. Бросивъ гитару, томимый какой-то щемящей тоской, онъ опять вышелъ въ первый классъ, гдѣ сидѣли осовѣвшіе собесѣдники, перекидываясь изрѣдка незначительными фразами и то и дѣло зѣвая. Генрихъ Генриховичъ предложилъ было выпить за компанію, но Алексѣ Петровичъ воспротивился: а вдругъ начальство? Что тогда? Пить на вокзалѣ—за это, ого, что бы ваетъ!..

Кругомъ черная темь,—точно маленькая станцiйка опустилась глубоко-глубоко на дно какоі то чернаго океана. Вьюга дико завывала, взвизг вала, точно раненая, въ трубѣ и съ сухимъ, рѣзким шипящимъ шелестомъ бросала мерзлый снѣгъ окна. Больше ничего не было слышно. И это мракъ, этотъ вой, этотъ безконечное *ш-ш-ш... ш-ш-* снѣга дѣйствовали на душу подавляюще. Р говоръ все затихалъ и затихалъ... И вдругъ уснули,—это часто бываетъ съ людьми, прив шими проводить ночь на погахъ.

Четыре человѣка сидѣли вокругъ овальн стола «подъ ясень» и, поникнувъ головами, лн... Въ ихъ склонившихся, неподвижныхъ фи

рахъ было что-то грустное, покорное. Надъ ними плакала и рыдала дикая вьюга и все болѣе и болѣе заносила снѣгомъ маленькій домикъ, точно желая совсѣмъ, навсегда похоронить его и этихъ живыхъ мертвецовъ.

Четыре человѣка уснули вмѣстѣ на нѣсколько минутъ въ грязной, пыльной, темноватой и душной комнатѣ. Чрезъ нѣсколько минутъ они про-нутся и опять остро почувствуютъ свое одино-ество и какую-то необъятную, вѣчную тоску и пять имъ будетъ порознь скучно, а вмѣстѣ тош-о... Казнь клоповъ или скабрезный анекдотъ огутъ на мигъ объединить ихъ, но только на игъ, а потомъ опять каждый уйдетъ въ свою ковину и будетъ томиться въ ней. Одинъ опять детъ вырѣзывать на березахъ, сердца пронзенныя рѣлой другой весь уйдетъ въ рѣчи Вильгель- и выговоры, которые полковникъ Комаровъ детъ дѣлать вѣнценосному оратору; третій бу-гъ мечтать объ уѣздныхъ дамахъ; четвертый о мъ, какъ бы поскорѣе набить свою мошну и уѣ-ть изъ этой „шортовой страны". И ни одного, шительно ни одного общаго интереса, кото-й связывалъ бы ихъ, дѣлалъ бы ихъ ча-ми одного большого цѣлаго, нужными другъ гу, необходимыми, родными, интереса, кото-й цѣликомъ захватилъ бы ихъ, наполнилъ бы жизнь до краевъ, снялъ бы съ ихъ плечъ тоску, ту тяготу, то чувство тѣсноты, ко-ре давило ихъ, несмотря на то, что вокругъ

нихъ разстилалась безбрежная степь. Тѣсно, тошно и душно было имъ всѣмъ въ степи и безсознательно они рвались куда-то, что-то искали, о чемъ-то тосковали,—точь въ точь, какъ эта рыдающая вьюга. И ей было тѣсно въ степи...

— ...*У-у... У-у-у...*—плакала она и вдругъ, точно не въ силахъ терпѣть болѣе, дико взвизгивала:

— ...*Ай!.. А-ай... У-у-у-у...*

— *Ш-ш-ш...*—сурово, таинственно шуршалъ снѣгъ, точно стараясь успокоить ее.—*Ш-ш-ш...*

... И такъ день за днемъ...

Замолкнетъ вьюга, уставъ тосковать и рваться безплодно, заблеститъ солнце надъ бѣлой мертвой, безлюдной степью и заиграетъ алмазами, заискрится степь, но, разогнавъ тяжелыя тучи, солнце не разгонитъ мертвящій свинцовый сумракъ скуки, не согрѣетъ холодную пустоту степи...

Лѣтомъ тутъ, какъ-будто, полегче немного. Помѣщики ѣдутъ взглянуть на свои имѣнья, больные на кумысъ въ глубь степи тянутся. Изрѣдка пройдутъ вдоль рельсовъ рабочіе на заработки или старухи протащатся на богомолье... Остановятся онѣ на станційкѣ отдохнуть въ тѣни чахлыхъ березъ и разскажутъ что-нибудь о своихъ скитаньяхъ, о мощахъ виѳлеемскаго младенца, о тьмѣ египетской, которую показывалъ имъ въ пузыречкѣ монахъ, о мѵроточивой иконѣ, объ с...номъ святомъ съ собачьей головой, котораго он... видѣли на иконѣ, идя на Соловки... Много инт...реснаго видѣли онѣ... Разсказы ихъ разбудя...

опять задремавшую было въ душѣ тоску и опять всѣхъ потянетъ куда-то вонъ изъ этой необъятной темницы...

Осенью исчезаютъ и богомолки, и рабочіе, и больные, и помѣщики, и опять остается станційка одна... Кругомъ холодъ, слякоть, безконечныя слезы тоскующаго неба и тоска, тоска... А потомъ опять смерть зимы и страстныя жалобы вьюги...

Иногда всѣ они, не исключая и Иванова, напивались и, озлобленные почему-то до послѣдней степени, ругались другъ съ другомъ, всѣ ругались, сводя какіе-то, имъ самимъ не совсѣмъ ясные счеты, оскорбляя другъ друга, раздувая мелкіе уколы самолюбію до размѣровъ кровной, смертельной обиды... Въ теченіе нѣсколькихъ дней они дулись, отмалчивались, а потомъ опять мирились. Первые дни послѣ примиренія они были веселы, сердечны, искренни другъ съ другомъ, ловили кошку или кузнечика, чтобы посмотрѣть, какъ на нихъ дѣйствуетъ электричество, или по цѣлымъ вечерамъ играли въ дураки...

Будь на ихъ мѣстѣ такъ называемые интеллигенты, послѣ выпивки, они, эти рыцари печальнаго образа, канючили бы, нагоняя другъ на друга страшную тоску и, оправдывая предъ собой свое слюнтяйство и никчемность, громили бы среду и еще кого-то или что-то... Но эти простые люди и не подозрѣвали, что въ ихъ тоскѣ можетъ быть кто-нибудь виноватъ, и пили,

и ругались попросту, безъ затѣй, безъ громкихъ словъ и подлыхъ самооправданій...

...Трыкъ... Трыкъ... Трыкъ...

Ивановъ внезапно проснулся и, проведя рукой по лицу, точно снимая съ него паутину сна, быстро прошелъ къ застучавшему аппарату.

Проснулись и остальные и громко зѣвали, потягиваясь.

Изъ третьяго класса доносилась тихая пѣсенка Василькова, возившагося съ фонаремъ, приготовляя его къ проходу почтоваго поѣзда:

Эхъ, и съ руками, и съ ногами,
И съ курчавой головой...
Эхъ, привела его домой,
Положила спать съ собой.

Въ дверь выглянула Маша, дочь Алексѣя Петровича.

— Папашъ, что же ты чай пить нейдешь?.. Ужъ одиннадцатый часъ... Два раза самоваръ подогрѣвали. Мамашъ бранится...

— Ну, бранится,—отвѣчалъ, грузно поднимаясь, Алексѣй Петровичъ.—Иду...

Но въ эту минуту изъ телеграфной вышелъ Ивановъ съ взволнованнымъ лицомъ. Въ рукахъ онъ держалъ депешу, еще на лентѣ...

— Вамъ, Алексѣй Петровичъ...—проговорилъ онъ чуть сдавленнымъ и хриплымъ отъ волненія голосомъ.

— Что тамъ еще? Читай...

— Приказъ изъ управленія о немедленномъ увольненіи отъ должности Владислава Ивановича...

Всѣ замерли съ открытыми ртами.

— К-какъ?..—едва выговорилъ Владиславъ Ивановичъ.

— Вотъ... Читайте...

И Ивановъ, водя пальцемъ по полоскѣ бумаги, вслухъ прочиталъ депешу.

Всѣ, остолбенѣвъ, смотрѣли другъ на друга, ничего не понимая. На лицѣ Алексѣя Петровича былъ написанъ страшный испугъ.

Аппаратъ опять застучалъ.

— Насчетъ васъ, Владиславъ Ивановичъ,—крикнулъ Ивановъ изъ-за двери.

Всѣ бросились въ телеграфную.

— Ну, что тамъ?.. Ну, читай!.. Ну?—нетерпѣливо, въ перебой, говорили они.

— „Прошу передать Валицкому... уволенъ...“—читалъ Ивановъ по лентѣ, ползущей съ колеса,—„...за корреспонденцію о грузахъ... въ... № 326... Благовѣста... Лашковъ.“

Лашковъ былъ другъ Владислава Ивановича, занимавшій небольшую должность въ правленіи желѣзной дороги.

— К-какъ за корреспонденцію?..—вытаращилъ глаза Владиславъ Ивановичъ, забывшій въ эту критическую минуту, что онъ числится корреспондентомъ.

Алексѣй Петровичъ подозрительно глядѣлъ на него, и въ головѣ его шевелились опасли-

выя, пока еще смутныя мысли: охъ, не вышло бы чего!..

— Какъ же вы это такъ... неосторожны?..—спросилъ Генрихъ Генриховичъ. — Правда, безпорядковъ много, но—зачѣмъ же было писать это?.. Ай-яй-яй!..

— Да не писалъ я, чортъ васъ возьми!.. Ничего не писалъ!.. Никогда!.. Ни-ког-да!..

Всѣ еще недовѣрчивѣе посмотрѣли на него, видя въ этомъ отрицанiи того, что всѣмъ извѣстно, какой-то скверный подвохъ: что онъ имъ-то еще лжетъ? Мысль, что Владиславъ Ивановичъ лгалъ раньше, выдавая себя за корреспондента, имъ и въ голову не приходила: какой же дуракъ будетъ клеветать самъ на себя?..

Между Владиславомъ Ивановичемъ и ими троими повѣяло холодкомъ и онъ сталъ имъ еще болѣе чужимъ, чѣмъ прежде.

— Вотъ такъ ловко, старая псовка!..—проговорилъ Владиславъ Ивановичъ, немножко приходя въ себя, и вдругъ мозгъ его осѣнила вдохновенная догадка: — голову прозакладываю, если это не уволенный Халатовъ! Онъ, онъ, чтобы отплатить имъ... Онъ, хоть сейчасъ голову на плаху, онъ!..

Предположенiе было правдоподобно... Какъ разъ въ это время подошелъ почтовый поѣздъ, привезшiй злополучный номеръ „Благовѣста". Не успѣлъ поѣздъ унестись опять въ черную воющую бездну степи, какъ всѣ жадно бросились на газету.

Корреспонденція была написана „хлестко", дерзко и съ большимъ знаніемъ дѣла. Авторъ указывалъ на разные фокусы съ хлѣбными грузами и быками и дѣлалъ недвусмысленные намеки по адресу заправилъ дороги...

— Онъ... Халатовъ!..—рѣшили всѣ и принялись обсуждать, что̀ долженъ предпринять Владиславъ Ивановичъ, чтобы вернуть себѣ милость начальства и потерянное мѣсто. Но, по общему мнѣнію, шансы его были плохи: его прежняя слава корреспондента уничтожала всякую надежду...

Владиславъ Ивановичъ пріунылъ-было, но уныніе его длилось недолго. Мысль, что скоро онъ вырвется изъ этой дыры, что онъ устроится иначе, лучше, блеснула вдругъ въ его головѣ... У него сразу выросли крылья, — какъ у арестанта, съ котораго только-что сняли цѣпи и которому объявили, что онъ свободенъ... Ему, такому ловкому, сильному, да не устроиться! Вотъ пустяки!..

И онъ расцвѣлъ и, съ обычной своей легкостью, пустился въ волшебную даль проэктовъ, которые непремѣнно выдвинутъ его въ люди. Его собесѣдники, довольные, что случилось интересное событіе, что пока скуки нѣтъ, помогали ему своими совѣтами, то охлаждали его, то поддавали ему жару, и всѣ трое завидовали ему: какъ ни непріятна эта внезапная отставка, а онъ все-таки вырвется отсюда, вырвется, вырвется!.. Имъ казалось, что тамъ, гдѣ-то въ туманной дали будущаго, въ неизвѣстномъ, ему будетъ лучше, и они

съ завистью смотрѣли на расцвѣтшее лицо Владислава Ивановича, который искренно удивлялся: какъ это раньше ему не пришла въ голову мысль своей волей развязаться съ этой дырой? Ого, теперь-то онъ покажетъ себя, теперь-то онъ развернется на волѣ да на просторѣ!..

... А вьюга все плакала и плакала. Изрѣдка, точно раненая, она болѣзненно взвизгивала, а потомъ опять раздавались ея безконечныя, страстныя рыданія, жалобы на что-то, тоскливые порывы куда-то... Степь, какъ гигантская могила, оставалась глуха къ ея страданьямъ и только снѣгъ отвѣчалъ ей своимъ тихимъ, грозно таинственнымъ „*ш-ш-ш... ш-ш-ш...*“ — точно хотѣлъ онъ успокоить вьюгу, точно хотѣлъ предостеречь ее, напомнить ей о безплодности ея тоски, о безполезности ея порывовъ и еще о чемъ-то важномъ, сурово-безпощадномъ, роковомъ...

Въ курьерскомъ поѣздѣ.

Теплая, темная, ароматная южная ночь...

Вырвавшись изъ мрака, къ ярко освѣщенному дебаркадеру вокзала Монте-Карло, гремя и сверкая, подлетѣлъ, какъ страшное чудовище, курьерскій поѣздъ. Изъ залы перваго класса быстро вышла группа запоздавшихъ игроковъ,—было уже за полночь,—и едва успѣла войти въ вагонъ, какъ поѣздъ оторвался отъ перрона и, загремѣвъ вновь, скрылся во мракѣ, полномъ благоуханія розъ и цвѣтущаго апельсина.

Новые пассажиры съ удивленіемъ увидали въ углу купэ, на красномъ бархатномъ диванѣ молодую, очень бѣдно одѣтую дѣвушку. На ней была дешевая, бѣлая блузка, выцвѣтшая заплатанная юбка, изъ-подъ которой виднѣлись ноги, обутыя въ толстые, бѣлые чулки и грубые деревенскіе башмаки; голову ея покрывалъ черный вязаный, сбившійся на сторону, платокъ. И этотъ костюмъ, и эти мозолистыя руки, и это исхудалое лицо, все говорило, что то была или работница въ виноградникахъ и фруктовыхъ са-

дахъ или поденщица. Присутствіе ея въ train de luxe, т. е., въ самомъ дорогомъ поѣздѣ, показалось очень страннымъ двумъ дамамъ и ихъ спутникамъ, сѣвшимъ въ Монте-Карло. Дамы, проходя мимо нея, чуть подобрали юбки, какъ бы боясь запачкаться, и прошли въ противоположный уголъ купэ. Онѣ тотчасъ же и забыли бы ее, еслибъ ихъ вниманіе не было остановлено выраженіемъ ея лица, всей ея фигуры. Дѣвушка сидѣла неподвижно, какъ изваяніе, уставивъ прямо передъ собой тяжелый, точно каменный взглядъ. Это была не задумчивость, а глубокій столбнякъ, какой бываетъ только послѣ сильнаго потрясенія.

Новые пассажиры внимательно посмотрѣли на нее, но она совсѣмъ не замѣтила ихъ присутствія. Они обмѣнялись между собой недоумѣвающимъ взглядомъ и чуть замѣтно пожали плечами.

— Ну, что мы будемъ дѣлать завтра? — зѣвая, спросилъ лордъ Бимсфильдъ, разваливаясь на диванѣ.

— Я—опять сюда...—быстро отвѣтила молодая красавица въ дорогомъ вечернемъ туалетѣ, сверкающемъ брилліантами.—Я хочу непремѣнно отыграться...

Эта была содержанка Бимсфильда, бывшая танцовщица парижской оперы, M-lle Бланшъ Сэрвэ.

— Ты сколько посѣяла сегодня? — спросила ея подруга, хорошенькая, живая и миніатюрная m-lle Габріэль де-ля-Туръ, тоже бывшая танцовщица, находившаяся теперь „не у дѣлъ"; ее только что

покинулъ одинъ русскій князь съ громкой фамиліей.

— Все, что взяла...—отвѣчала Бланшъ.

— Всю тысячу?

— До послѣдняго сантима...

— Если ты хочешь еще проигрываться, — проговорилъ Бимсфильдъ, — ты, конечно, можешь... Только предупреждаю: ни завтра, ни послѣ завтра я сюда ѣхать не намѣренъ...

— Это еще почему?—удивилась m-lle Габріэль, приподнявъ брови отъ изумленія.

— А потому что надоѣло...—отвѣчалъ лордъ и опять зѣвнулъ.—И, кромѣ того, довольно: въ эти двѣ недѣли я проигралъ сто восемьдесятъ тысячъ...

— Great Scott!...—воскликнулъ m-r Смитъ, молодой американскій милліонеръ.—И онъ еще дуется!.. Я въ прошлый сезонъ, въ два послѣдніе вечера только, спустилъ триста тысячъ...

— Тутъ не въ тысячахъ дѣло, а въ томъ, что надоѣло...—небрежно повторилъ англичанинъ, доставая сигару.

— Ну, а я поѣду... Я хочу отыграться... — сказала его подруга.

— Дѣло твое...

— Что же, вы не боитесь пустить ее одну? — засмѣялся Смитъ.

Вмѣсто отвѣта, лордъ только пожалъ плечами и на его сытомъ, усталомъ лицѣ появилась легкая улыбка равнодушія и скептицизма: онъ былъ выше этого.

— Онъ у меня не ревнивъ...—замѣтила Бланшъ. и обѣ женщины засмѣялись, какъ бы желая сказать этимъ смѣхомъ, что ревнивъ или не ревнивъ, результатъ будетъ одинъ.

— Такъ, если вы не хотите больше сюда, поѣдемте на моей яхтѣ куда-нибудь...—предложилъ Смитъ.

— А она гдѣ у васъ?

— Въ Каннахъ... Я могу сейчасъ же телеграфировать съ вокзала и она къ утру будетъ въ Санъ-Ремо...

— Куда же мы поѣдемъ? — лѣниво спросилъ лордъ.—Мнѣ эта Ривьера страшно надоѣла...

— Поѣдемъ на Корсику...

— И меня возьмите!.. — воскликнула Габріэль, имѣвшая виды на молодого милліонера.

— Конечно...—отвѣчалъ тотъ.—Идетъ?...

— Пожалуй...—проговорилъ лордъ.

— All right... Значитъ, сейчасъ телеграфирую. Яхта у меня въ порядкѣ, совсѣмъ готова, хоть на сѣверный полюсъ... Поваръ—чудный.

Габріэль въ восхищеніи захлопала своими крошечными рученками, до ногтей—по новой модѣ—усыпанными драгоцѣнными камнями.

— Тогда и я съ вами...—сказала Бланшъ, глаза которой заблестѣли при мысли объ интересной прогулкѣ.

— Ура!...—воскликнулъ милліонеръ.

— Только, пожалуйста, не зовите никого больше....—попросилъ Бимсфильдъ.

— Конечно, никого...

Женщины почему-то разсмѣялись...

Вдругъ изъ угла вагона послышался сдержанный плачъ... Молодая работница откинулась на подушку дивана и, закрывъ лицо руками, рыдала; все тѣло ея вздрагивало отъ этихъ рыданій, въ которыхъ звучала боль глубоко раненой души. Всѣ въ невольномъ порывѣ состраданія быстро приблизились къ ней.

— Что съ вами? Что съ вами? Вы больны? — послышались торопливые вопросы, но дѣвушка только зарыдала еще сильнѣе, не въ силахъ произнести ни слова.

Оживленье сразу слетѣло съ лицъ четырехъ путешественниковъ; имъ было какъ-то неловко и въ то же время досадно на этотъ взрывъ горя, нарушившій ихъ покой; они такъ устали, проведя весь день за рулеткой... А тутъ эти слезы...

— Да что же съ вами? Вы больны? — нетерпѣливо повторяли они, глядя на бьющуюся въ душевной агоніи дѣвушку.

— О, poverina, poverina!..—воскликнула она голосомъ, полнымъ глубокаго страданія, и рыданья съ удвоенной силой вырвались изъ ея груди, волновавшейся подъ черной вязаной косынкой.

Всѣмъ стало еще болѣе неловко. Всѣ чувствовали себя какъ будто виноватыми въ чемъ-то и это чувство тяготило ихъ. Нужно же было попасть непремѣнно въ это купэ,—весь поѣздъ, вѣроятно,

пустой. Въ душахъ женщинъ тѣмъ не менѣе опять шевельнулось состраданіе...

— О чемъ вы плачете?.. Можетъ быть, вамъ помочь можно?—повторяли онѣ. — Ну, скажите же, что съ вами?..

Итальянка сдѣлала надъ собой усиліе и отняла платокъ, весь мокрый, отъ своего искаженнаго страданіемъ молодого лица съ парой большихъ лучистыхъ глазъ, похожихъ теперь на глаза смертельно раненаго оленя: столько было въ глубинѣ ихъ жгучей боли, слезъ, страстнаго протеста противъ какой-то ненужной жестокости жизни... Она посмотрѣла сквозь слезы на эти чужія лица, склонившіяся надъ ней, прочла на нихъ все тотъ же вопросъ.

— Письмо... получила... Мать у... умираетъ...— точно задыхаясь, порывисто проговорила она и опять разрыдалась.

Ее никто не понялъ, такъ какъ итальянскій діалектъ, на которомъ она говорила, былъ незнакомъ имъ всѣмъ; по звуку ея голоса они отгадали лишь, что съ ней случилось какое-то большое несчастье.

Она рыдала, а они молча, неподвижно сидѣли рядомъ съ ней. Ни о яхтѣ, ни о рулеткѣ, ни о Корсикѣ говорить имъ уже не хотѣлось,—имъ хотѣлось лишь поскорѣе уйти отсюда, такъ какъ видъ этой рыдающей женщины разстраивалъ ихъ, тѣмъ болѣе, что они не знали, какое горе постигло ее, какъ ей помочь...

А она все рыдала, все рыдала... Ея горе просилось наружу изъ наболѣвшей души, ей хотѣ-

лось разсказать о немъ всѣмъ, чтобы всѣ знали, какъ несправедливо съ ней поступаютъ, отнимая у нея мать; ей хотѣлось, быть можетъ, услышать нѣсколько словъ утѣшенія, сочувствія, тѣхъ добрыхъ словъ, которыя ласкаютъ такъ сладко больную душу, заставляютъ обильнѣе течь слезы, кипящія въ сердцѣ, и тѣмъ облегчаютъ его. И вотъ, сквозь рыданья, прерывающимся голосомъ, она заговорила торопливо, горячо, негодующимъ тономъ:

— O, poverina, poverina!.. Умираетъ!.. И докторъ мнѣ еще тогда сказалъ, что, если еще разъ эта болѣзнь придетъ, все кончено... Ну, и пришла... Что же теперь дѣлать мнѣ, о, Santa Madonna? Бѣдная мама, бѣдная!... И застану ли я ее въ живыхъ?.. Сегодня на работѣ... я въ виноградникахъ работаю.., приходитъ хозяинъ съ письмомъ... „У тебя, говоритъ, Сантуцца, мать умираетъ... Хочетъ, говоритъ, чтобы ты ѣхала скорѣе...“ Такъ у меня ноги и подкосились... Бросилась я домой, собрала пожитки, бѣгу на вокзалъ... А ужъ вечеръ... Спрашиваю о поѣздѣ... Только, говорятъ, вотъ этотъ остался, treno di lusso... Надо ждать до завтра... А? Что тутъ дѣлать?

И она обвела взглядомъ по ихъ лицамъ, точно призывая ихъ въ свидѣтели этой новой несправедливости, точно обвиняя ихъ... Они не понимали ни слова изъ того, что она говорила, и имъ было чрезвычайно неловко: оставаться равнодушными слушателями нельзя, потому что, очевидно, она

искала у нихъ сочувствія; выражать же это сочувствіе, не зная даже чему, тоже было невозможно. Но дѣвушка, вся охваченная своимъ горемъ, не замѣчала неестественности ихъ молчанія, ихъ чувства стѣсненія, неловкости, написаннаго на лицахъ.

— Ждать до завтра!... Каково?—горячо продолжала она, все всхлипывая.—А если мама умреть, и мы не увидимъ другъ друга,—тогда что? Ждать! Вамъ хорошо разговаривать-то... Нѣтъ, говорю, я ждать не могу, давайте мнѣ билетъ, я съ этимъ поѣду... „Куда вамъ?“ говорятъ... „Въ Пистойю“, говорю. Этотъ поѣздъ идетъ только до Генуи, а тамъ вамъ надо пересаживаться.“ „Все равно, говорю, давайте до Генуи...“ „Извольте, говорятъ; двадцать восемь франковъ!..“ „Какъ, говорю, двадцать восемь? Да у меня всѣхъ только тридцать одинъ!.. Какъ же я отъ Генуи-то поѣду? Вѣдь, до Пистойи тамъ еще столько же... Да, можетъ, и у мамы-то дома нѣтъ ничего, какъ я похороню ее? Ну?..“ „Мы, говорятъ, ничего не можемъ...“ „А я могу?“ Ну?.. А я могу? спрашиваю я васъ...

Она уже не плакала, вся охваченная негодованіемъ на тѣхъ людей, которые не могли взять съ нея дешевле за проѣздъ къ умирающей матери. Лицо ея раскраснѣлось, глаза горѣли; она оживленно жестикулировала.

— Не можетъ!.. Каково?.. Я за эти двадцать восемь франковъ почти мѣсяцъ работаю, отъ зари

до зари, а имъ отдай ихъ только, чтобы посидѣть три часа въ ихъ поѣздѣ!.. Я, вѣдь, не синьора, я не прогуливаться ѣду, а къ матери... Вотъ оно письмо-то... Къ матери... „Не можемъ и не можемъ, говорятъ, ждите до утра, тогда поѣдете въ третьемъ классѣ, это дешевле..." „А если мать умретъ?" Жмутъ плечами, молчатъ... Что это люди, по вашему, а? Думаютъ они о Богѣ-то? Или они думаютъ, что Онъ не видитъ ихъ?.. Ну, думаю, хорошо же, берите двадцать восемь франковъ, авось, меня Богъ не оставитъ... Ну, и поѣхала... Отъ Генуи опять двѣнадцать франковъ, а у меня всего только два... Что буду я дѣлать тамъ, какъ поѣду дальше?.. А тамъ мама, можетъ быть, умираетъ, poverina, зоветъ меня... Одна я у нея... О, Santissima Madonna, и что я буду дѣлать только?.. Ужъ лучше было бы подождать до утра!..

Она замолчала, погрузившись въ раздумье... Ея путники тоже молчали, испытывая все то же чувство неловкости, подавленности...

— Я ничего не понимаю...—пожимая плечами, сказалъ Смитъ.

— Можетъ быть, ей денегъ нужно дать?..—вопросительно проговорила красавица Бланшъ.

— Неловко... — отозвалась ея подруга.—У нея, можетъ быть, умеръ кто-нибудь, а ты съ деньгами...

— Она, кажется, очень бѣдная...

— Все-таки неловко... Деньги не утѣшатъ... Можетъ быть, у нея отецъ умеръ или мать...

— А, можетъ быть, любовникъ...—проговорилъ Бимсфильдъ.

Женщины внимательно поглядѣли на нее.

— А она хорошенькая...—замѣтила Бланшъ..

Мужчины, въ свою очередь, пристальнѣе вглядѣлись въ лицо итальянки и согласились съ мнѣніемъ Бланшъ.

А Сантуцца въ тысячный разъ думала о томъ, что она будетъ дѣлать въ Генуѣ. Она раскаявалась теперь въ своей горячности. Нужно было быть разсудительнѣе, подождать до утра. Но мама-то какъ же?.. О, Santa Madonua, Santa Madonna!..—глубоко вздыхала она, и тихія, крупныя слезы катились одна за другой по ея молодому лицу и, падая на бархатъ дивана, оставляли на немъ темнокрасные, точно кровавые, слѣды.

Дѣвушкѣ и въ голову не приходило прямо обратиться къ этимъ господамъ съ просьбой о помощи. И, когда она разсказывала имъ о своихъ денежныхъ затрудненіяхъ, у нея и мысли не было, что они ей помогутъ выйти изъ этихъ затрудненій; она говорила объ этомъ лишь потому, что не могла не говорить, потому что это слишкомъ глубоко волновало ее, возмущало; будь на ихъ мѣстѣ, такіе же нищіе, какъ она сама, она такъ же разсказала бы имъ о своемъ горѣ. Она слишкомъ хорошо знала жизнь и людей,—бѣдность была ея учителемъ, - чтобъ ожидать отъ кого-нибудь даровой подачки. Чтобы заработать сорокъ франковъ въ мѣсяцъ, она должна была работать, не

разгибая спины, въ виноградникахъ и садахъ, подъ палящимъ солнцемъ. Никто никогда не далъ ей даромъ чего-нибудь... Какъ ея хозяинъ на виноградникахъ, какъ тотъ господинъ на станціи, взявшій съ нея двадцать восемь франковъ, какъ всѣ... Для того, чтобы получить что-нибудь отъ этихъ господъ, нужно сдѣлать сперва что-нибудь для нихъ, — растить для нихъ виноградъ, дѣлать вино, быть горничной, лакеемъ, поваромъ, прачкой.

Если въ минуту остраго отчаянія она и рѣшилась взять билетъ на этотъ дорогой поѣздъ, истративъ на это всѣ свои деньги, то надѣялась она не на этихъ господъ, ни на всякихъ другихъ господъ, ни на кого въ частности, — это была надежда смутная, неопредѣленная, но тѣмъ не менѣе увѣренная. Помощь должна была откуда-то придти къ ней, хотя бы для этого потребовалось чудо, вмѣшательство самой мадонны. Она никакъ не могла допустить, чтобы небо или люди могли не помочь ей, могли оставить ее такъ, одну, безъ средствъ, въ чужомъ городѣ, вдали отъ умирающей матери.

Теперь же, когда первое возбужденіе прошло, ея душу охватила глубокая тревога: какъ она выберется изъ Генуи?

И она безмолвно и горячо молилась мадоннѣ, чтобъ она помогла ей какъ-нибудь, чтобъ она сохранила жизнь матери до ея возвращенія... Но даже и молитва не утишала ея тревоги.

— Что я буду дѣлать тамъ? Что я буду дѣлать? — повторяла дѣвушка и сердце ея сжималось въ безъисходной тоскѣ.

Тѣ, другіе, молчали, глядя въ окно на блещущее въ свѣтѣ луны, переливающееся серебромъ море, на миріады бриллiантовыхъ міровъ въ глубинѣ кроткаго и тихаго неба, на темныя, полныя благоуханія, рощи, несущіяся мимо оконъ, на изящныя виллочки, разбросанныя тамъ и сямъ, по берегу, среди зелени, и спящія теперь въ тишинѣ теплой ночи...

Послышался короткій свистокъ паровоза и поѣздъ замедлилъ ходъ.

— Что это, С.-Ремо?

— Да, пріѣхали...

— По-моему, ей нужно бы дать что-нибудь...— медленно, думая, проговорила Бланшъ.

— Какая ты... грубая!..—искренно возмутилась Габріэль. — Что, еслибъ у тебя умеръ отецъ или мать и тебѣ кто-нибудь предложилъ бы въ утѣшеніе деньги, тебѣ понравилось бы?

— Вѣроятно...—отвѣчалъ Бимсфильдъ.

Всѣ усмѣхнулись.

Поѣздъ остановился у освѣщенной, но пустынной, благодаря позднему часу, станціи Санъ-Ремо. Компанія поднялась съ своихъ мѣстъ.

— Courage!..—ласково проговорила Габріэль, проходя мимо плачущей итальянки, и потрепала ее по плечу своей крошечной, затянутой въ бѣлую лайку, рукой.—Courage!..

Та подняла на нее недоумѣвающій взглядъ своихъ большихъ заплаканныхъ глазъ и, увидѣвъ на лицѣ маленькой женщины ласковую, ободряющую улыбку, прошептала тихое „grazie, signora!“ и опять заплакала...

— Partenza!..—звонко крикнулъ гдѣ-то въ темнотѣ кондукторъ.

— Pronti!..—отвѣтилъ другой, ближе.

Чрезъ минуту поѣздъ вновь скрылся въ ароматной темнотѣ весенней ночи, унося съ собой плачущую Сантуццу.

Компанія осталась нѣсколько минутъ на платформѣ, дожидаясь Смита, который пошелъ отправить срочную телеграмму командиру своей „Америки“, чтобы къ восьми часамъ яхта была въ гавани С.-Ремо.

У подъѣзда вокзала ихъ ждала великолѣпная коляска Бланшъ, запряженная парой чудныхъ вороныхъ лошадей, — послѣдній подарокъ Бимсфильда. Красивый, рослый лакей, въ ливреѣ съ серебряными пуговицами, почтительно помогъ имъ сѣсть въ экипажъ и быстро вскочилъ на козлы, рядомъ съ такимъ же ливрейнымъ кучеромъ. Лошади легко подхватили коляску и ровной, красивой рысью побѣжали по блестящей въ свѣтѣ луны каменистой дорогѣ, туда, на вершину зеленаго холма, гдѣ среди пальмъ, лавровъ, цвѣтущихъ магнолій, олеандровъ и безчисленныхъ розъ, стояла вся бѣлая, воздушная, изящная вилла „Blanche“.

Пока компанія ужинала въ роскошной, залитой электрическимъ свѣтомъ столовой, курьерскій поѣздъ все летѣлъ къ Генуѣ...

Утромъ, ровно въ восемь часовъ, бѣленькая, изящная яхта вошла въ портъ Санъ-Ремо. Чрезъ полчаса она уже вновь вышла въ море и скоро скрылась въ голубомъ туманѣ дали.

А Сантуцца, пропустившая уже три поѣзда, какъ потерянная, съ сухими воспаленными глазами, съ сердцемъ, охваченнымъ невыразимой, холодной тоской, ходила по улицамъ пустыннаго, мертваго города, изрѣдка робко обращаясь за помощью къ прохожимъ. Она уже набрала два франка, что съ оставшимися двумя составляло четыре; на покупку билета нужно было еще восемь... Она ничего не ѣла, чтобы скорѣе собрать нужныя деньги, и отъ голоду у нея кружилась голова, въ ушахъ шумѣло и въ глазахъ ходили радужные круги...

Напрасная тревога.

Иванъ Николаевичъ Бѣлозерскій, податной инспекторъ, только что пообѣдалъ и, не зная, что дѣлать съ собой, подошелъ къ окну, выходящему на широкую, пустынную и пыльную улицу уѣзднаго городка Древлянска. Онъ посмотрѣлъ, какъ на противоположной сторонѣ, на крышѣ дома о. Евстигнѣя, купаются галки въ поставленной на случай пожара лоханкѣ съ какой-то мутной слизью вмѣсто воды, какъ воробьи возятся на дорогѣ въ пыли на самомъ припекѣ. Потомъ увидалъ онъ кухарку исправника, которая, по обыкновенію, висѣла на подоконникѣ и ковыряла пальцемъ въ зубахъ. Иванъ Николаевичъ терпѣть ее просто не могъ: или жретъ, или ковыряетъ въ зубахъ, или, почесываясь подъ мышками, зѣваетъ, и такъ съ утра до вечера.

— Вотъ животное!..— со злостью подумалъ онъ и перевелъ глаза на другой конецъ улицы, на маленькій особнячекъ земскаго начальника. Тамъ, на обширномъ, поросшемъ зеленой травой, дворѣ,

по обыкновенію, неподвижной группой стояли, сидѣли и лежали, цѣлыми часами ожидая движенія воды, окрестные крестьяне: земскій любилъ послѣ обѣда всхрапнуть часокъ, другой. Бѣлыя утки, переваливаясь, ходили тутъ же какой-то особенно важной походкой, точно сознавая, что принадлежатъ онѣ не кому-нибудь, а самому г. земскому начальнику. Вотъ на крыльцо вышла толстая женщина, экономка земскаго, которую мужики звали „барыней" и которой носили всякіе гостинцы: десяточекъ яичекъ, молодку, творожку, сметанки, ягодокъ... Она прошла въ малинникъ, густо разросшійся вокругъ сѣренькой амбарушки, и, присѣвъ, начала срывать и ѣсть спѣлыя, сочныя ягоды...

Все это Иванъ Николаевичъ видѣлъ каждый день и все это до тошноты надоѣло ему. Онъ зѣвнулъ громко, сочно, до слезъ и, проворчавъ опять по адресу кухарки исправника: „у-у, животное!.." отошелъ отъ окна, остановился предъ сломаннымъ градусникомъ, висѣвшимъ на стѣнѣ, хотѣлъ было вспомнить, какая разница между Цельсіемъ и Реомюромъ, но считать было скучно, и онъ подошелъ къ картинѣ, изображавшей „Взятіе Таку", которую недавно повѣсила ему хозяйка дома: человѣкъ холостой, онъ снималъ у вдовы лѣтъ тридцати пяти, очень аппетитнаго вида, верхній этажъ ея небольшого домика „съ небелью" и прочими удобствами, необходимыми для холостяка. Рвущіяся въ небѣ бомбы союзниковъ, апостоловъ европейской куль-

туры, привлекли его вниманіе на минуту, но онъ тотчасъ же нашелъ, что и бомбы, и солдаты, и это море крови, — все неестественно... Тутъ онъ вспомнилъ, что онъ сегодня купилъ мыло „Винолія". Доставъ его изъ кармана висѣвшаго на стѣнѣ пиджака, онъ понюхалъ разукрашенный цвѣтами и золотомъ пакетикъ. Пахло хорошо. Онъ распечаталъ мыло, понюхалъ еще; потомъ развернулъ обложку и, сѣвъ въ кресло, сталъ читать объ удивительныхъ качествахъ этого мыла и о медаляхъ, которыя получилъ за него фабрикантъ въ Парижѣ, Лондонѣ, Филадельфіи, Женевѣ, Флоренціи, Брюсселѣ, Вѣнѣ, Москвѣ, Чикаго и пр. и пр. Ознакомившись со всѣмъ этимъ, онъ поглядѣлъ по сторонамъ и опять зѣвнулъ. Праздная мысль безсильно переползала съ одного предмета на другой, ища къ чему бы прицѣпиться, чѣмъ бы занять себя, но ничего не находила и, возвратившись къ Ивану Николаевичу, тоскливымъ клубкомъ ложилась у него на душу. Онъ всталъ опять, подошелъ къ письменному столу, пошевелилъ бумаги, исписанныя безцвѣтнымъ канцелярскимъ почеркомъ, хотѣлъ было заняться ими, но онѣ вдругъ показались ему такими противными, такими тоскливыми, что онъ быстро отошелъ отъ стола и энергично легъ на широкій, низкій диванъ съ побѣлѣвшей и облупившейся по краямъ клеенкой.

„Голубка моя, умчи-и-имся въ края,
Гдѣ все, какъ и ты, сааавершенств-о-о"...

—запѣлъ потихоньку Иванъ Николаевичъ и ему вдругъ стало какъ-то хорошо, уютно; лѣнивая мысль его полетѣла съ голубкой въ тѣ совершенные края, которые, какъ прекрасный миражъ, вставали передъ Иваномъ Николаевичемъ, озаренные лучезарнымъ солнцемъ фантазіи.

„И будемъ мы та-а-а-мъ, дѣлить попола-а-а-мъ
И р-р-рай, и любовь, и бла-а-а-женство...“

Онъ видѣлъ и голубку, — не вдову, а другую, очень красивую, воздушную, изящную, — видѣлъ лазурное море, даль, горы, пальмы... И ему было хорошо, и онъ какъ бы удивлялся, зачѣмъ это онъ кисъ такъ долго въ какомъ-то тамъ Древлянскѣ... Глаза его, безсознательно блуждая по неопрятнымъ обоямъ, вдругъ оторвали его отъ краевъ и отъ голубки: среди невѣроятныхъ цвѣтовъ на стѣнѣ онъ увидалъ знакомый профиль рыцаря въ шлемѣ. Тамъ, собственно, рыцаря не было, а были только цвѣты, но они складывались какъ-то такъ, что образовали голову рыцаря. А вонъ дальше парижанка въ шляпѣ съ перомъ, — тоже знакомая... А вонъ какой-то толстый и мурластый мужчина, вродѣ соборнаго дьякона... Иванъ Николаевичъ очень любилъ искать такъ на обояхъ разныя разности; въ этой игрѣ было много сюрпризовъ, подчасъ очень забавныхъ. Вотъ, напримѣръ, дьяконъ, парижанка и рыцарь слились въ одну большую картину. Рѣка... камышъ... лодка... Въ лодкѣ охотникъ, онъ цѣлится во что-то...

Да, въ гиппопотама... А вонъ вдали пирамиды... Это, вѣроятно, Гэнри Стэнли поѣхалъ за Ливингстономъ...

Внизу хлопнула рама. Послышался пьяный голосъ лавочника.

— ...все перебью... И морду... Штрафъ?.. Наплевать... Заплачу... А все-таки изобью...

— Опять загулялъ...—цѣлясь въ крокодила, подумалъ Иванъ Николаевичъ, давно уже знавшій, что разъ лавочникъ собирается бить морду, значитъ, запилъ.

Окно опять захлопнулось и Иванъ Николаевичъ, убивъ крокодила, сталъ искать, не подвернется ли еще какой дичины... Въ Африкѣ ее хоть лопатой греби...

Напротивъ, черезъ дорогу, исправникъ тоже лежалъ на диванѣ, истребляя папиросу за папиросой, и тоже фантазировалъ, — не о голубкѣ, не о краяхъ, гдѣ все совершенство, не объ охотѣ на бегемота, а о томъ, что было бы, если бы онъ вдругъ отличился какъ-нибудь особенно — какъ, чѣмъ, это все равно,—и его сдѣлали бы губернаторомъ? Какъ бы онъ сталъ жить, держать себя, какимъ бы голосомъ говорилъ? Непремѣнно баскомъ, мягкимъ, бархатнымъ баскомъ...

— Да, да, батенька... Прошу васъ... — проговорилъ, улыбаясь, исправникъ губернаторскимъ баскомъ, обращаясь къ кому-то, кто, онъ зналъ, будетъ очень, очень польщенъ такимъ обращеніемъ.

— Ты что, Андрюшъ?—спросила его жена, читавшая въ сосѣдней комнатѣ толстую, истрепанную книгу подъ заглавіемъ „Хорошій тонъ—руководство для свѣтскихъ людей“.

— Нѣтъ. Я такъ... Про себя... — отвѣчалъ исправникъ.

Онъ непремѣнно былъ бы мягкимъ, хорошимъ губернаторомъ, со всѣми одинаковымъ, ласковымъ. И всѣ бы его любили...

— Слышь, Андрюшъ... А Андрюшъ?...

— Ну?

— Вотъ здѣсь сказано, что неприлично подчеркивать на конвертѣ фамилію... ну, кому письмо... А ты всегда подчеркиваешь...

— Ну, вотъ... Не все ли равно? Наплевать...

И ложа у него своя была бы въ театрѣ... И актрисочку бы себѣ завелъ, эдакую молоденькую, свѣженькую мордашечку...

Внутри исправника что-то заиграло и отъ удовольствія онъ дрыгнулъ ногой и тихонько засмѣялся.

Подъ исправникомъ, въ нижнемъ этажѣ, въ темненькой гостиной скучалъ о. Евстигнѣй. Онъ взялся было за „Кормчаго“, но чуть было не уснулъ надъ нимъ и, отложивъ журналъ въ сторону, подошелъ къ аристону, стоявшему на маленькомъ столикѣ въ углу. Недѣлю тому назадъ ребятишки баловали, баловали имъ какъ-то вечеромъ да и свернули какую-то штуку внутри: теперь неладится все что-то... Начнетъ себѣ ничего,

какъ слѣдуетъ, а потомъ вдругъ: дзинь, динь, динь... и загнусавитъ, — Господь его знаетъ, что это съ нимъ сдѣлалось... Порывшись въ стопкѣ нотъ, о. Евстигнѣй выбралъ одинъ кружочекъ, положилъ его какъ нужно, на аристонъ и завертѣлъ ручкой. „Коль сла-а-авенъ нашъ Госп-о-о-одь— затянулъ аристонъ,—въ Сіо.....дринь-динь-динь.... гы-ы-ы...кррр..." О. Евстигнѣй остановился, озабоченно покачалъ головой, потрогалъ аристонъ, потрясъ его, перевернувъ кверху ногами, и опять взялся за ручку: „коль сла-а-авенъ нашъ... кррр... дринь...гы-ы-ы..." Встряхнувъ его опять, какъ слѣдуетъ, о. Евстигнѣй перемѣнилъ кружочекъ, но результатъ получился еще печальнѣе: „во саду ли... кррр... въ огородѣ... дринь... кррр... гуляла... дррринь... дзинь... гы-ы-ы"...

— Надо къ часовщику снести, пусть посмотритъ...—вздохнулъ о. Евстигнѣй и, оставивъ аристонъ, взялся опять за „Кормчаго", въ надеждѣ, что тотъ перевезетъ его на своихъ страницахъ чрезъ море послѣобѣденной скуки, заливавшее Древлянскъ.

Единственнымъ древляниномъ, который не скучалъ, былъ Павелъ Алексѣевичъ Святодуховскій, учитель гимнастики въ губернской гимназіи, прозванный ребятами „Гадюкой". То-есть собственно говоря, сперва скучалъ и онъ, и даже очень скучалъ, но—вдругъ геніальная мысль осѣнила его, мысль написать проектъ о реформѣ средней школы. Раньше объ этомъ онъ и не думалъ совсѣмъ.

но теперь вдругъ воспламенился. Непремѣнно проектъ! Стоитъ это ему пустяки, а начальство, глядишь, и похвалитъ: теперь это въ большомъ фаворѣ — реформируютъ во-всю, потому приказано... А написать хитрое ли дѣло? Въ основу: все, что есть, ни къ чорту не годится, это главное; кухаркиныхъ дѣтей вонъ, а тамъ валяй во всю. А готово, подлилъ, — въ умѣренномъ количествѣ, — соуса отеческаго попеченія и дѣло въ шляпѣ... Павелъ Алексѣевичъ сѣлъ за столъ, взялъ листъ бѣлой бумаги, подложилъ подъ него транспарантъ и каллиграфически вывелъ: „Проектъ реформы средней школы". Рядъ округленныхъ вступительныхъ фразъ и перо его забѣгало, не поспѣвая за летящею въ карьеръ, несмотря ни на какія препятствія, мыслью... Все уничтожить, все сломать, все не годится... Зданія гимназіи отдаются подъ больницы, казармы, остроги, водочные заводы — источникъ дохода; министерство земледѣлія отводитъ участки на казенныхъ земляхъ... Строятся школьные поселки... Схема: квадратъ—посрединѣ домъ инспектора, по угламъ четыре небольшихъ домика для учениковъ, въ каждомъ по четыре. Но... м-м-м... инспекторъ не годится. Директоръ?.. Нѣтъ, не вяжется съ отеческимъ попеченіемъ... Отца?.. Прекрасно!.. Отца,—любовь и авторитетъ... Юношество обучается, во-первыхъ танцамъ и гимнастикѣ, во-вторыхъ, какому-нибудь ремеслу (выпиливанье лобзикомъ рамокъ для подношенія „отцу" и его супругѣ въ день ангела, уходъ за златорунными баранами

и ихъ стрижка, вытачиванье кубарей для кухаркиныхъ дѣтей и пр. и пр. и пр.), ну, и какимънибудь тамъ наукамъ... А главное, близкое знакомство съ природой: птички, лошадки, коровки и все такое. Это будетъ имѣть громадное воспитательное значеніе!.. И какъ можно меньше книгъ!.. И какъ можно больше физическихъ упражненій! Можно завести и крокетъ, и лаунтеннисъ... Здоровый духъ въ здоровомъ тѣлѣ... А главное, главное, какъ можно больше отеческаго попеченія!..

Подумавъ, Павелъ Алексѣевичъ зачеркнулъ эту фразу и счелъ за лучшее остаться при отеческомъ попеченіи въ умѣренномъ количествѣ.

„Мы оставляемъ спеціалистамъ подробную разработку настоящаго плана, — писалъ Павелъ Алексѣевичъ. — Мы поставили себѣ цѣлью указать только въ общихъ чертахъ то направленіе, по которому, по нашему глубокому убѣжденію, должны быть направлены работы по переустройству нашей школы. И слѣдуя только *этимъ* путемъ, положивъ въ основу реформы только *эти* принципы, мы можемъ достигнуть *желаемой* цѣли: оздоровленія русской школы, приспособленія ея къ нашимъ національнымъ особенностямъ, полной гармоніи ея съ истинно-русскимъ духомъ. Да, только этимъ путемъ мы можемъ сдѣлать изъ нашихъ дѣтей, изъ нашихъ *дорогихъ* дѣтей, гражданъ, которые, полные беззавѣтной преданности и трогательнаго самозабвенія, отдадутъ всѣ свои силы, всю душу, всю жизнь „царю и отечеству на пользу“...

Поставивъ знакъ восклицанія, Павелъ Алексѣевичъ четко подписалъ свою фамилію и сдѣлалъ залихватскій, сочный росчеркъ.

... И Павелъ Алексѣевичъ спасалъ Россію, проявляя отеческое попеченіе, податной инспекторъ охотился на гиппопотамовъ, лавочникъ грозилъ разбить морду, земскій спалъ, крестьяне ждали движенія воды, исправникъ губернаторствовалъ, жена его изучала хитрую науку разговора посредствомъ вѣера, о. Евстигнѣй спалъ надъ „Кормчимъ“, — а кругомъ царила могильная тишина, полная какой-то тоскливой мути и безграничной, невѣроятной одури, заразившей даже это блѣдное, скучное, похожее на какой-то гигантскій, безконечный зѣвокъ, небо...

И вдругъ крикъ какой-то... Другой, третій... Что такое?

Моментально всѣ гиппопотамы, аристоны, губернаторы, кормчіе, — все было забыто и во всѣхъ окнахъ вдругъ появились заспанныя физіономіи, горящія нестерпимымъ, стихійнымъ любопытствомъ.

По улицѣ бѣжалъ во весь духъ молодой сапожникъ-подмастерье, Ванька Стрюцкій, за нимъ слѣдомъ летѣлъ со свирѣпымъ лицомъ и съ ножомъ въ рукѣ его хозяинъ, Степанъ Завейгоревъ.

— Стой... Не уйдешь... Догонимъ!..—повторялъ Завейгоревъ сдавленнымъ голосомъ, наддавая все болѣе и болѣе.

Ванька летѣлъ стрѣлой.

— Что такое?.. А?.. Что такое?.. Ахъ, зарѣжетъ онъ его, зарѣжетъ!.. Господи, да что же это такое будетъ... Ахъ, ахъ!.. Держите разбойника, душегуба...

Улица ожила.

Откуда-то выскочилъ съ заспаннымъ лицомъ городовой Сучокъ и, еще не зная, въ чемъ дѣло, пустился бѣжать за сапожникомъ. Къ нему присоединился другой, Тонконюховъ, и тоже полетѣлъ вслѣдъ, громыхая сапогами и путаясь въ шашкѣ, которая то и дѣло попадала ему между ногъ. За ними бросились разные добровольцы, любители ловить жуликовъ, тушить пожары и пр. Увеличиваясь съ каждымъ шагомъ, толпа съ шумомъ, какъ лавина, неслась по улицамъ, возбуждая всюду жгучее любопытство и тревожную оторопь. Тамъ и сямъ по крышамъ карабкались разбуженные шумомъ обыватели, которые хотѣли видѣть, гдѣ загорѣлось. Торопливые вопросы, противорѣчивые отвѣты летали чрезъ улицу съ лихорадочной поспѣшностью... Бѣшеный волкъ, утопленникъ, арестантъ убѣжалъ, убійцу изловили, пожаръ, вѣдьма объявилась, оборотня поймали?.. Никто ничего не зналъ...

О. Евстигнѣй, высунувшись изъ окна до половины, повалилъ два горшка съ геранью, матушка, бросившись къ воротамъ, уронила столикъ съ аристономъ. Исправникъ забылъ губернатора и, моментально надѣвъ мундиръ и схвативъ шашку, выскочилъ на улицу и бросился, сломя голову, за толпой, несшейся уже въ концѣ улицы...

Вдовушка въ полномъ дезабилье бомбой влетѣла въ комнату Ивана Николаевича и, вся дрожа, повторяла:

— Ахъ, онъ зарѣжетъ его, зарѣжетъ непремѣнно! Онъ не спуститъ...

— Да что не спуститъ-то? Что Ванька сдѣлалъ?..

— Какъ что сдѣлалъ?.. Ахъ, милыя вы мои!.. Да онъ съ женой его путается давно ужъ... А самъ-то, знать, и узналъ...

— Ври больше!.. Она ему въ матери годится...

— Ну, вотъ!.. Ты знаешь больше...

— Бѣгутъ, бѣгутъ!..—раздались крики на улицѣ.

Сапожникъ настигалъ Ваньку... Оба блѣдные, съ расширенными глазами, бѣжали изъ послѣднихъ силъ... За ними неслась громадная толпа съ исправникомъ во главѣ. Впереди мчались на смерть перепуганныя свиньи, куры, овцы, собаки, утки...

Шумъ, ревъ, крики, плачъ, визгъ, лай, вой...

Все ближе и ближе сапожникъ... Ванька едва бѣжитъ. Еще минута и...

У всѣхъ замерло сердце. Женщины завизжали. Вотъ-вотъ взмахъ ножа и Ванька полетитъ кубаремъ на пыльную дорогу...

Но—что такое?!.. Всѣ протираютъ глаза... Что это значитъ?!..

Сапожникъ обогналъ Ваньку, турманомъ подлетѣлъ къ своей лавченкѣ и, точно подкошенный, упалъ на скамейку у воротъ... Ванька шагомъ, шатаясь, дотащился кое-какъ до хозяина и безъ силъ повалился рядомъ съ нимъ. Чрезъ минуту

вокругъ нихъ тѣснилась, запрудивъ всю улицу, запыхавшаяся, возбужденная толпа. Немного пришедшіе въ себя, сапожники съ изумленіемъ глядѣли на бѣгущіи къ нимъ со всѣхъ сторонъ народъ, на сухощаваго усатаго исправника при шашкѣ, но безъ сапогъ, въ войлочныхъ туфляхъ, на городовыхъ, на пожарныхъ...

— Что это вы, братцы?.. — едва переводя духъ, спросилъ сапожникъ, обращаясь къ толпѣ.

— Нѣтъ, ты что, мерзавецъ, за людьми съ ножомъ бѣгаешь — а?.. — загремѣлъ исправникъ. — Взять его!..

Городовые бросились на Завейгорева.

— Стой, стой!..—закричалъ Ванька, бросаясь на защиту хозяина.—Что вы обалдѣли, что-ли?..

У городовыхъ руки опустились. Всѣ разинули рты.

Со всѣхъ сторонъ посыпались вопросы: что это значитъ? Зачѣмъ бѣжали? Зачѣмъ ножикъ?.. Ахъ, батюшки, батюшки... Что же это такое? А?..

— Мол-лчать! — загремѣлъ опять исправникъ, только что бывшій добрымъ губернаторомъ.—Молчать!

Всѣ стихли. Обращаясь къ Завейгореву, исправникъ строго проговорилъ:

— Отвѣчать на вопросы...

— Слушаю, вашскородь... — отвѣчалъ Завейгоревъ, бывшій солдатъ.

— Куда и зачѣмъ бѣжали?.. Отвѣчать толкомъ...

— А такъ, кругъ квартала.

— Зачѣмъ?

Завейгоревъ усмѣхнулся, приподнявъ свои большіе, висящіе внизъ усы, дѣлавшіе его похожимъ на моржа.

— А сидѣли мы, значитъ, вашскородь, послѣ обѣда, работàли... Ну, и соскушнилось что-то... Взялъ я это у лавочника газету „Свѣтъ" почитать—ха-арошая газета, вашскородь... Ну, Ванюха читаетъ, а я работàю... Хорошо... И вотъ, вашскородь, пишутъ о какомъ-то не то нѣмцѣ, не то агличанинѣ, что больно, дескать, бѣгаетъ прытко... Сколько, бишь, верстовъ въ часъ-то, Ванюха?..

— Не помню...—отвѣчалъ подмастерье.—Много чтой-то...

— Ну, мы и заспорили... — продолжалъ сапожникъ. — Кто, значитъ, изъ насъ прытче бѣгаетъ? Я говорю: я, и онъ говоритъ: я... то-есть, не я— я, а онъ, Ванюха, вашскородь... Ну, дальше, больше... Споръ... Объ закладъ побились... На бутылку, вашскородь, ужъ извините... кто скорѣе, то-есть, четыре квартала обѣжитъ... Старуха говоритъ, не связывайся, обгонитъ, а я говорю, врешь, за себя постоимъ... Вотъ и вышло: старъ да пѣтухъ, молодъ да протухъ... Обогналъ я, вашскородь...

Исправникъ былъ въ затрудненіи.

— А ножикъ, ножикъ зачѣмъ?.. Вретъ онъ что-нибудь, вашскородь... — послышались голоса со всѣхъ сторонъ.—Ножикъ зачѣмъ?

— Какой ножикъ?. —удивился Завейгоревъ.

— Какъ какой? А въ рукахъ-то что?

— А-а, этотъ... — спохватился сапожникъ. — А этимъ мы подметки подрѣзаемъ... Какъ былъ въ рукахъ при работѣ, значитъ, такъ и остался...

Всѣ были очень разочарованы.

Исправникъ чувствовалъ себя какъ будто сконфуженнымъ, скомпрометированнымъ.

Чтобы выйти изъ неловкаго положенія, обращаясь къ Сучку и Тонконюхову, онъ энергично скомандовалъ:

— Взять ихъ обоихъ!..

Тѣ бросились на сапожниковъ.

— Да, вашскородь, за что же?..—взмолился Завейгоревъ.

— За нарушеніе общественной тишины и спокойствія... Веди!..

— Да, вашскородь, мы рази...

— Ма-алчать!..—отрѣзалъ исправникъ и, круто повернувшись, съ величайшимъ достоинствомъ пошелъ самой серединой улицы, какъ бы желая показать всѣмъ, что даже войлочныя туфли не въ силахъ подорвать авторитета власти.

Сапожниковъ повели въ „чижовку".

Толпа медленно расходилась. Нѣкоторые смѣялись, но большинство было разочаровано, раздосадовано: они думали убійство, а тутъ вонъ что... Чортъ бы ихъ побралъ, этихъ дураковъ... Весь городъ взбудоражили... Всыпать, какъ слѣдуетъ, по первое число, и будутъ знать...

...Охъ, Господи Батюшка, только четыре часа еще?!... Ну, дни—конца нѣтъ!..

— — —

Дѣти.

Я очень раскаивался, что не взялъ съ собой никакихъ книгъ въ N., маленькую швейцарскую деревушку, куда я пріѣхалъ отдохнуть на мѣсяцъ. Стояли жаркіе дни, работа не клеилась; въ библіотекѣ отеля я нашелъ лишь нѣсколько разрозненныхъ и истрепанныхъ томовъ „Revue des Deux Mondes“ и съ десятокъ англійскихъ поучительныхъ романовъ, goody-goody books, какъ зовутъ ихъ англичане. Скучая, я завязалъ было нѣсколько знакомствъ, но это только усилило скуку. Моими компаньонами по отелю были нѣсколько вездѣсущихъ англичанокъ проблематическаго возраста, брянчащихъ на разбитомъ піанино и поющихъ; затѣмъ три почтенныхъ англичанина необыкновенно воинственнаго характера; цѣлые дни они читали „Daily Mail“, а потомъ неистово спорили о политикѣ; скромная, тихая нѣмецкая вдова съ двумя дочерьми, типичными хорошенькими Гретхенъ, наивно восхищавшимися и горами, и цвѣточками, и птичками, служила пріятнымъ контрастомъ этимъ воинственнымъ джинго; было

еще нѣсколько французовъ, необыкновенно корректныхъ и деликатныхъ; послѣ обѣда они садились въ тѣнь большого клена и, куря сигары и прихлебывая ликеры изъ небольшихъ рюмочекъ, сперва бесѣдовали о политикѣ, а потомъ начинался мирный разговоръ о клубничкѣ. Отдѣльно отъ всѣхъ держался какой-то подозрительный графъ испанскаго вида, путешествовавшій съ еще болѣе подозрительной „племянницей", красивой брюнеткой съ жгучимъ румянцемъ на смугломъ лицѣ. Молодой шведъ съ мечтательными глазами часто вечеромъ садился за рояль и превосходно игралъ Грига, Зиндинга, Чайковскаго или импровизировалъ, но какъ только кто-нибудь входилъ въ салонъ, игра сразу прекращалась, и шведъ пугливо исчезалъ. Онъ ни съ кѣмъ не знакомился и все лазилъ погорамъ.

И гимны Чемберлэну, и клубничка надоѣли мнѣ очень скоро, такъ же, какъ и неизсякаемый энтузіазмъ Гретхенъ, и скука снова охватила меня.

Я сидѣлъ у себя на балконѣ, смотрѣлъ на горы и дышалъ несравненнымъ швейцарскимъ воздухомъ. Дымокъ папиросы лѣниво поднимался вверхъ и тихо таялъ въ тепломъ, сверкающемъ воздухѣ; также лѣниво зарождались, плыли и разсѣивались въ моей душѣ неясныя, пріятныя грезы; я испытывалъ то отсутствіе желаній, въ которомъ говорятъ, счастье. Такое душевное состояніе очень пріятно, если оно не затягивается; въ противномъ

случаѣ оно вырождается въ скуку и исчезаетъ, сопровождаемое самымъ задушевнымъ зѣваньемъ.

— А я говорю тебѣ, что лошади не курятъ...— донесся вдругъ до меня дѣтскій голосокъ.

Я посмотрѣлъ въ садъ и увидѣлъ съ десятокъ играющихъ, несмотря на жару, дѣтей. Тутъ были англичане, французы, одинъ русскій, одинъ мексиканецъ. Собранная со всѣхъ концовъ міра, эта дѣтвора тѣмъ не менѣе сходилась чрезвычайно быстро, несмотря даже на то, что большинство плохо владѣло французскимъ языкомъ, который былъ принятъ между ними.

Маленькій Жоржъ былъ лошадью, Willy кучеромъ. Они уже обѣжали садъ нѣсколько разъ и Жоржъ уже совсѣмъ вошелъ въ свою роль лошади, какъ вдругъ кто-то далъ ему шоколадную папиросу. Сперва онъ хотѣлъ было спрятать ее въ карманъ, но искушеніе было слишкомъ сильно и папироса очутилась во рту. Кучеръ увидалъ это и— очарованіе игры сразу исчезло.

— Лошади не курятъ!..—сказалъ онъ.—Спрячь...

Лошадь хотѣла было возразить что-то, но, очевидно, не нашлась, согласная въ душѣ со своимъ кучеромъ. Она минуту поколебалась и рѣшила, чтобы не разставаться съ вкусной папиросой, опять превратиться въ Жоржика.

— Я не хочу больше играть въ лошадки,—заявилъ онъ.

Willy съ разочарованнымъ видомъ сталъ снимать съ него возжи.

Съ крикомъ подбѣжали къ нимъ остальныя дѣти.

— Давайте играть въ охоту! — закричалъ мексиканецъ Рафаэлито, чу́дно-красивый мальчикъ лѣтъ шести.

— Давайте!.. Давайте!..

Сейчасъ же началось обсужденіе, кто будетъ охотниками, кто звѣремъ. Чѣмъ руководствовались дѣти, выбравъ Willy „звѣремъ", я не могъ понять, но, очевидно, у нихъ были какія-то соображенія, такъ какъ выборъ ихъ палъ на Willy не сразу; были предложены и Рафаэлито, и Вася, маленькій русскій, но большинство нашло, что они не годятся. Willy съ удовольствіемъ согласился быть „звѣремъ", и охотники съ крикомъ бросились за оружіемъ. Чрезъ минуту они уже возвратились, кто просто съ палками, а кто и съ „настоящими" ружьями изъ жести.

— Ну, звѣрь, бѣги туда въ кусты и...

— Постой!.. постой!.. Какимъ звѣремъ онъ будетъ?..—перебилъ Вася.

Коротенькое молчаніе. Всѣ соображаютъ.

— Козой...—говоритъ Жоржикъ.

— Нѣтъ, козой я не хочу...—отвѣчаетъ „звѣрь".

— Слономъ!..—предлагаетъ Рафаэлито.

— Слономъ!.. Слономъ!..—закричали всѣ, но какъ-то не дружно.

— Нѣтъ, слономъ не хорошо...—задумчиво проговорилъ Коко, соображая что-то.

— Я буду медвѣдемъ...—сказалъ Willy.

Это предложеніе было принято и недавній кучеръ съ необычайной быстротой превращается въ медвѣдя. Онъ старается дѣлать свирѣпое лицо, рычитъ и вотъ-вотъ растерзаетъ кого-нибудь изъ охотниковъ. Многіе изъ послѣднихъ уже готовы проколоть его пикой или положить на смерть мѣткою пулей, но ихъ усердіе не нравится Рафаэлито.

— Стойте, да стойте же!..—кричитъ онъ. — Кто же такъ охотится?.. Пусть медвѣдь убѣжитъ въ лѣсъ, а мы будемъ искать его... Слышишь, медвѣдь?

— Слышу... Я побѣгу туда, въ кусты...

— А мы будемъ искать... — говоритъ Рафаэлито.—И ты долженъ растерзать кого-нибудь.

— И-и-и!..—завизжали дѣвочки, прыгая не то отъ страха, не то отъ восхищенья.

— Ну, бѣги!..—скомандовалъ Рафаэлито.

Медвѣдь дѣлаетъ свирѣпое лицо и, рыча, убѣгаетъ въ ближайшіе кусты. Рафаэлито дѣлаетъ послѣднія распоряженія. Въ рукахъ у него большая палка—ружье, за поясомъ сбоку кривой сучекъ — сабля и двѣ маленькихъ палочки, вытащенныя изъ клумбы, пистолеты. Осмотрѣвъ оружіе, охотники раздѣляются на двѣ партіи и идутъ къ лѣсу; дѣвочки, тоже вооруженныя „на всякій случай“, слѣдуютъ въ арріергардѣ и возбужденно визжатъ. Спустя пять минутъ, послѣ тысячи ухищреній и предосторожностей, „медвѣдь“, лежавшій въ кустахъ на виду у всѣхъ, открытъ. Раздается его страшный ревъ и одинъ изъ охот-

никовъ, Вася, падаетъ мертвымъ подъ ударомъ могучей лапы звѣря. Рафаэлито мужественно бросается къ разъяренному звѣрю, наноситъ ему рану въ спину, но это не останавливаетъ хищника; онъ бросается къ дѣвочкамъ, которыя разбѣгаются во всѣ стороны, испуганно крича и забывъ объ оружіи.

— Пу!.. Пу!.. Пу!..—стрѣляютъ охотники и съ ревомъ медвѣдь валится на траву.

— Какая великолѣпная шкура!..—говоритъ Рафаэлито, гладя Willy по животу.

Убитый звѣремъ охотникъ сперва лежитъ неподвижно, закрывъ глаза, но потомъ это ему надоѣдаетъ и онъ, осторожно приподнимая голову, начинаетъ съ интересомъ слѣдить, за перипетіями опасной охоты. Но звѣрь убитъ; возникаетъ вопросъ, что же дѣлать съ мертвымъ охотникомъ. Кто-то предлагаетъ похоронить его съ музыкой, но убитый медвѣдь не выдерживаетъ и, не открывая глазъ, заявляетъ, что съ музыкой хоронятъ только военныхъ.

— Медвѣди не разговариваютъ!..—кричатъ всѣ и медвѣдь замолкаетъ и, какъ это ни скучно, продолжаетъ неподвижно лежать на травѣ.

Скучно и Васѣ, убитому охотнику, и вотъ онъ,— все съ закрытыми глазами,—заявляетъ, что онъ не хочетъ болѣе быть мертвымъ.

— Ну, что же это такое?!..—кричатъ дѣвочки.— Медвѣди говорятъ, мертвые говорятъ!.. Кто же такъ играетъ?..

Вася вскакиваетъ, поднимается медвѣдь и — дѣти видятъ, что они дѣти, а не охотники и не звѣри, что въ рукахъ у нихъ не оружіе, а палки; изъ области фантазіи они быстро переходятъ въ дѣйствительность. Но идея похоронъ съ музыкой не пропала безслѣдно и плѣняетъ ихъ воображеніе. Изъ нея рождается новая идея, о войнѣ, и чрезъ нѣсколько минутъ по кустамъ уже раздается „пу!.. пу!.. пу-пу-пу!.. — то возгорѣлось жаркое сраженіе. Всѣ сперва совершаютъ чудеса храбрости, а потомъ падаютъ мертвыми. Willy, оставшійся невредимымъ, не знаетъ, что дѣлать, и обращается къ мертвымъ за совѣтомъ: такъ какъ цѣлью войны должны были быть лишь похороны съ музыкой, то зачѣмъ же всѣхъ перестрѣляли? Кто же будетъ хоронить ихъ?.. Пусть Рафаэлито будетъ мертвымъ, а остальные пусть встаютъ... Мертвые встали и скоро мимо меня потянулась печальная процессія: впереди шли музыканты, за ними слѣдовала погребальная колесница (дѣтская колясочка), везомая четверкой лошадей, за гробомъ шли войска. Убитый генералъ былъ суровъ и важенъ и, пріоткрывъ глазъ, слѣдилъ за порядкомъ своихъ собственныхъ похоронъ, изрѣдка отдавая шопотомъ приказанія, то, чтобы музыка играла громче, то, чтобы лошади не разговаривали... Шествіе скрылось за угломъ дома и чрезъ нѣсколько минутъ мертвый генералъ уже летѣлъ мимо моего балкона, особенно двигая локтями и дѣлая: „фу-ффу, фу-ффу...“

У-у-у...“ Онъ уже больше не генералъ, а паровозъ...

Меня невольно взяла зависть и я пожалѣлъ, что я не могу уже вообразить себя ни медвѣдемъ, ни генераломъ, ни паровозомъ, и въ этихъ превращеніяхъ забыть скуку, которой дѣти не знаютъ. Какая тутъ скука! Видѣть себя, да мало того, что видѣть, *чувствовать* себя лошадью, мертвецомъ, медвѣдемъ, въ палкѣ видѣть то верховую лошадь, то ружье, то трубу, то саблю; бѣгать по саду отеля и чувствовать себя то въ дремучемъ лѣсу, то на шумныхъ улицахъ большого города, то на станціи желѣзной дороги, и все это въ теченіе какихъ-нибудь двухъ часовъ, подъ окриками благовоспитанной бонны, строго запрещающей паровозу пылить ногами, звѣрю рычать и кусаться, убѣждающей лошадь не бѣгать очень быстро и не изорвать платья о кусты какой-то колючки,— какое творчество, какая захватывающая самого творца фантазія!.. Имъ не нужны ни Чемберлэны, ни политическія комбинаціи государствъ, ни театръ, ни чувствительные стихи о розѣ и соловьѣ, которые декламируютъ мои Гретхенъ, ничего имъ не нужно. У нихъ слишкомъ много своего внутри, чтобъ они нуждались въ чемъ-нибудь чужомъ.

Мнѣ захотѣлось прослѣдить, когда же я утратилъ эту фантазію, эту вѣру въ фантазію, когда яркія краски міра и жизни поблекли для меня и слились во что-то неопредѣленное, сѣрое, однообразное.. Я перебиралъ въ своемъ умѣ длинный рядъ го-

довъ... Да, вотъ оно, то время, когда въ своей комнатѣ я открывалъ каждый день тысячи Америкъ, когда два стула были для меня кораблемъ, а полъ комнаты превращался въ безконечный океанъ, волны котораго, какъ щепку, подбрасывали мое утлое суденышко. Потомъ, немного времени спустя, я сталъ стыдиться стульевъ-кораблей и такихъ путешествій, я *не могъ* болѣе такъ путешествовать,—точно моя фантазія завяла въ духотѣ жизни, какъ вянетъ цвѣтокъ подъ зноемъ бездождія. Но на смѣну стульевъ-кораблей и охотъ на моего друга Сережу-медвѣдя, эта полузавядшая, но все еще сильная фантазія создала намъ другой міръ: мы говорили и вѣрили, что, *когда мы выростемъ*, мы пойдемъ воевать съ индѣйцами или искать клады, спрятанные разбойниками гдѣ-нибудь въ глухихъ, непроходимыхъ лѣсахъ; мы уже не могли вообразить себя ни индѣйцами, ни кладоискателями теперь же, мы знали, что мы дѣти, у которыхъ есть и папы, и мамы, и гувернантки съ глупыми выговорами, но мы вѣрили, что день нашего освобожденія не далекъ, что тогда мы устроимъ свою жизнь такъ, какъ хотимъ: вмѣсто скучнаго зубренія уроковъ — битвы съ индѣйцами, вмѣсто чинныхъ прогулокъ по бульвару, лазанье по крутымъ, неприступнымъ утесамъ въ поискахъ за скрытымъ сокровищемъ. Но день шелъ за днемъ, и каждыя сутки уносили частичку этой фантазіи и вѣры. Скоро мы поняли, что кладоискательство и избиваніе ин-

цѣйцевъ „не бываетъ“, что все это только въ книгахъ такъ. Книги обманули насъ, но увы, мы ничего не вынесли изъ этого опыта, мы повѣрили другимъ книгамъ, которыя говорили намъ о борьбѣ съ торжествующимъ зломъ, о славной побѣдѣ или еще болѣе славной смерти въ этой борьбѣ, и о многомъ, многомъ другомъ... И опять время опровергло то, что говорили книги,—о, не все, конечно, но много, слишкомъ много... Въ это же время у насъ родилось сперва смутное, потомъ все болѣе и болѣе ясное понятіе о „ней“; мы горячо вѣрили въ то, что „она“ гдѣ-то существуетъ, что придетъ день, когда мы положимъ къ ея ногамъ и свою славу, и подвиги, и свое сердце. Мы уже видѣли его, это чудное лицо, блещущее въ ореолѣ красоты, молодости и любви. Она звала, манила насъ... Ея улыбка жгла наше сердце и заливала его бурными, подымающими и уносящими куда-то въ волшебную высь, волнами.

Но прошли года... Гдѣ оно, это фантастическое, великолѣпное прошлое? Гдѣ его яркія краски, его свѣжесть, его тепло, его радость? Какъ можно сказать, что „не жаль мнѣ прошлаго ничуть“? О, нѣтъ, жаль его, жаль до боли, до слезъ!.. И именно потому, что его нѣтъ, потому, что его жаль, и хочется иногда „забыться и заснуть“...

Внизу шумѣли дѣти... Я пристально вглядывался въ милыя, свѣтлыя лица этихъ странныхъ, прелестныхъ созданій, въ которыхъ мы никакъ не можемъ узнать себя, и невольно думалъ

о томъ времени, когда потухнетъ блескъ этихъ большихъ, широко открытыхъ, точно изумленныхъ красотой міра и жизни, глазъ, когда жизнь безжалостно прерветъ этотъ звонкій, задушевный смѣхъ. Мексиканцы, русскіе, французы, нѣмцы, англичане, теперь они не знаютъ, что такое „русскій“ или „англичанинъ“, они разницы между собой не видятъ, знаютъ, что всѣ они люди, одинаковые люди, но придетъ время, когда у нихъ отнимутъ эти сучки и палки и дадутъ имъ настоящія ружья и, одѣвъ ихъ въ разные мундиры, велятъ убивать другъ друга, и они будутъ убивать и гордиться этимъ. Одни изъ нихъ будутъ писать въ „Daily Mail“, что убивать нужно, а другіе будутъ читать и соглашаться съ этимъ... Вотъ въ садъ вышла мать Willy, и онъ съ радостнымъ крикомъ бросается къ ней навстрѣчу, и его дѣтская душа грѣется и нѣжится въ безподобной материнской улыбкѣ. И Вася, и Коко, и Рафаэлито, всѣ понимаютъ, почему Willy такъ любитъ свою мать; имъ самимъ это чувство знакомо и дорого. А съ годами они забудутъ объ этомъ чувствѣ и взмахомъ сабли, выстрѣломъ пушки будутъ гасить тысячами эти безподобныя материнскія улыбки...

Теперь и Willy, и Вася, и Рафаэлито большіе эгоисты и готовы подраться за сладкую конфетку, но если кто-нибудь скажетъ имъ, что лучше отдать эту конфетку бѣдному ребенку, они поймутъ и охотно сдѣлаютъ это. Любовь и жалость имѣютъ всегда свободный доступъ въ дѣтское сердце. Те-

перь всѣ эти мальчики и дѣвочки будутъ плакать, если отдавятъ ногу щенку и услышатъ его жалобный визгъ, а пройдутъ года, многіе изъ нихъ будутъ сходить съ ума, утопая въ роскоши, а кругомъ нихъ будетъ нужда, горе и слезы, и эти слезы не будутъ трогать ихъ, они будутъ говорить, что „это печально, но это міровой законъ: страданія всегда были и будутъ". И они будутъ увѣрены, что они по праву занимаютъ мѣста избранниковъ и, защищая эти мѣста, они будутъ давить, заставлять страдать другихъ... Теперь для нихъ жалость, любовь слаще всякой конфетки, а тогда ради конфетки они забудутъ все.

Да, изъ этихъ милыхъ существъ современемъ выйдутъ, можетъ быть, Чемберлэны, побѣдоносные генералы, ростовщики, модныя кокотки, сумасшедшіе эгоисты и самопоклонники, служители мрака и зла; борясь за конфетки, они будутъ лгать, обманывать другъ друга, умерщвлять другъ друга, и жизнь ихъ будетъ сплошной, бѣшеной, жестокой погоней за неуловимымъ счастьемъ, и спутниками ихъ въ этой погонѣ будутъ страданія и отчаяніе... Только очень немногія изъ этихъ бѣлокурыхъ милыхъ головокъ осѣнитъ счастье своими лазурными крыльями, но и то—поймутъ ли они, что это счастье склонилось надъ ними, замѣтятъ ли его, не пройдутъ ли мимо?...

О, почему мы не остаемся дѣтьми, почему каждый прожитый мигъ отнимаетъ у насъ частичку великой дѣтской мудрости?..

На волѣ.

Затихла Шексна, задремала...

Только на перекатахъ, на каменныхъ грядахъ слышенъ немолчный серебряный говоръ свѣтлыхъ, быстрыхъ струй рѣки, только тамъ вода ея, вся серебряная, вся живая, блещетъ и дрожитъ, и льется. Въ другихъ мѣстахъ рѣка, какъ зеркало, такая же тихая, сонная, покойная, какъ это бездонное небо, и въ глубинѣ ея луна плыветъ, такая же, какъ въ небѣ, задумчиво величавая и прекрасная, какъ любовь. Звѣздъ въ небѣ почти не видно,—всѣ онѣ милліонами пали на землю и, какъ рой золотыхъ громадныхъ пчелъ, играютъ теперь въ прохладныхъ струяхъ рѣки, за кормой парохода, веселой толпой бѣгутъ къ песчанымъ отмелямъ, пугая спящихъ тамъ куличковъ, разсыпаются милліонами искръ, и опять бѣгутъ, дрожатъ, льются, полныя жизни и веселья... И другія, болѣе крупныя, золотыя звѣз-

ды тихо, безшумно, какъ блуждающіе огоньки, плывутъ тамъ и сямъ надъ рѣкой, — то горятъ фонари на мачтахъ каравановъ. Тяжело нагруженные каюки, блестя въ лучахъ луны своей обшивкой изъ свѣжаго теса, кажутся вылитыми изъ серебра. Иногда, вся освѣщенная кострами, пойма тихо проходитъ мимо насъ. То багровыя, то черныя въ свѣтѣ костровъ фигуры косцовъ встаютъ съ земли и смотрятъ на пароходъ. Порой долетитъ оттуда молодой веселый смѣхъ или одинокая тоскующая пѣсня... Скроются костры сѣнокоса за поворотомъ рѣки, за черной стѣной лѣса и опять вокругъ лишь серебро луны да темные, неясные контуры береговъ...

Вотъ вдругъ вздрогнулъ этотъ серебряный, полный аромата только что скошенной травы и стрекота кузнечиковъ, сумракъ.

— Эй, перевозчикъ!..—зазвенѣлъ на берегу свѣжій женскій голосъ.—Перевозчи-и-къ!..

На палубѣ, очарованные красотой лѣтней ночи, черными группами неподвижно застыли немногочисленные пассажиры. Днемъ тутъ были и пѣсни, и смѣхъ, и крѣпкая ругань, и даже плясъ,— сгонщики домой съ Волги ѣдутъ и куражатся, чувствуя въ мошнѣ кое-что. А теперь и сгонщики стихли... Изрѣдка пробѣжитъ лишь по палубѣ смутный, легкій, какъ пойменный вѣтеръ, говоръ и опять все тихо,—только колеса парохода плещутся и бьются въ зеркалѣ рѣки да глухо ропщетъ машина внизу...

Глубокій вздохъ...

— Эхъ, милый, милый...

— Свидимся скоро...

— Не... обманешь?

— Что зря-то лопотать?

Молчаніе.

— Полюбился ты мнѣ вотъ какъ... — слышится опять сдержанный голосъ, въ которомъ бьется и бурлитъ горячая страсть.—Такъ всю себя и отдала бы тебѣ!..

И одинъ темный силуэтъ, на скамейкѣ, рядомъ со мною, близко придвинулся къ другому.

— А ты?.. Скажи, а?.. Ну, скажи... Люба ли я тебѣ? А?..

Другой силуетъ сдѣлалъ какое-то движеніе и женскій голосъ, чуть дрогнувъ отъ счастья, восхищенно прошепталъ:

— Милый ты мой!.. Соколикъ...

Рядомъ со мной, охваченныя огнемъ страсти, пылали двѣ души. Я хотѣлъ было уйти, но слишкомъ много красоты было въ этой, залитой серебромъ луны, любви, слишкомъ много чаръ въ этой музыкѣ души любящей женщины и—я остался.

— И за что только полюбила я такъ тебя?—шептала она.—Вчера и думушки не было, и не знала, что и на свѣтѣ на бѣломъ ты живъ есть, а сегодня дороже...

Бѣлый кудрявый столбъ пара разорвалъ вдругъ

сумракъ и затрепетала чуткая тишина ночи отъ могучаго рева парохода.

Вотъ и пристань...—дрогнулъ голосъ.—Не забудь меня, смотри, ненаглядный ты мой...

— Тихій!—скомандовалъ на мостикѣ капитанъ и далъ два отрывистыхъ свистка.

— Есть!—звонко отвѣчалъ голосъ съ носа парохода.

Влюбленные встали и исчезли въ темномъ люкѣ, ведущемъ въ третій классъ. Я успѣлъ разсмотрѣть ихъ немного. Она, рослая, сильная блондинка, была одѣта, какъ обыкновенно одѣваются зажиточныя мѣщанки; на головѣ ея серебрился бѣлый шелковый платокъ. Онъ—такой же рослый и сильный,—былъ въ коротенькой сѣрой поддѣвкѣ и высокихъ сапогахъ. По виду онъ могъ быть приказчикомъ, лоцманомъ, капитаномъ буксирнаго парохода.

Мы причалили.

Изъ парохода хлынулъ на слабо освѣщенную пристань темный потокъ пассажировъ. Бѣленькій платочекъ моей сосѣдки мелькнулъ на сходняхъ. Поглядѣвъ осторожно вокругъ, она направилась къ носу парохода, гдѣ уже неподвижно стояла рослая стройная фигура въ сѣрой поддѣвкѣ.

Отдаваясь какой-то непонятной силѣ, я тоже перешелъ туда.

— Изъ моихъ никого нѣтъ,—торопливо, возбужденно проговорила она.—Такъ безпремѣнно въ воскресенье обратно?

— Въ воскресенье... А вдругъ... твой мужъ?

— Нѣтъ, не пріѣдетъ... Я ужъ урвусь... Ты-то смотри...

— Я-то буду...

Она на пристани, онъ на пароходѣ стояли другъ противъ друга и глядѣли одинъ другому въ лицо, точно пытая: любитъ-ли? любитъ-ли?.. И вдругъ на лицахъ ихъ одновременно расцвѣла улыбка: любитъ...

Лучъ электрическаго свѣта падалъ на нее изъ рубки перваго класса. Пышная, румяная блондинка съ высокой грудью и открытымъ, смышленымъ лицомъ, съ бойкимъ взглядомъ большихъ сѣрыхъ глазъ, она была очень хороша собой, хороша той сильной, здоровой, правильной красотой, которая встрѣчается только у женщинъ — да и то рѣдкихъ—сытыхъ торговыхъ приволжскихъ селъ. Въ его молодой, статной фигурѣ было много силы, въ энергичной складкѣ рта, въ сухомъ носѣ съ чуть-чуть приподнятыми ноздрями, въ темныхъ, свѣтящихся какимъ то сдержаннымъ, матовымъ огнемъ глазахъ много страсти... На рукѣ его я замѣтилъ свѣтлую полоску обручальнаго кольца...

— Ну, прощай...—прошептала она, не отрывая отъ него взгляда.—Милый ты мой...

— Прощай...

— Такъ смотри...

— Ну, ну...

Едва отошла она нѣсколько шаговъ, какъ онъ опять тихонько позвалъ ее:

— Настя!..

Она обернулась.

— Что ты?

Онъ молчалъ и глядѣлъ на нее. Какъ зачарованная, она замерла... Гдѣ-то внизу булькала вода... Небо страстно вздрагивало отъ далекихъ зарницъ...

— Второй!...—крикнулъ капитанъ.

Пароходъ заревѣлъ.

Грустно улыбнувшись, Настя скрылась. Изъ синяго сумрака пристани долеталъ ея голосъ: она шутила и смѣялась съ кѣмъ-то.

Онъ неподвижно смотрѣлъ туда, казалось, ждалъ чего-то, звалъ. И она услыхала этотъ безмолвный зовъ и опять вынырнула изъ темноты: сердце неодолимо тянуло ее назадъ.

— Вася, милый, какъ тяжко!.. Ужъ лучше бы мнѣ и не знать тебя!..

Стиснувъ его руку, она опять жадно впилась въ его лицо. И вдругъ безшабашная улыбка вспыхнула на ея лицѣ.

— Ужъ и погуляемъ же мы съ тобой!.. — шепнула она.

Не выпуская ея руки, онъ отвѣтилъ ей улыбкой, такой же безшабашной, но какъ будто неувѣренной—точно отъ страсти у него голова закружилась.

— Третій!..—раздалось на мостикѣ.

Ревъ свистка. Пристань и пароходъ зашумѣли.

— Убирай сходни!..

— Ну, такъ помни же...

— Вася, милый...

— Отдай носовую!.. Назадъ!.. Стопъ!.. Отдай кормовую... Впередъ, тихій!..

Шумъ колесъ... Пристань поплыла въ темноту.

— До полнаго!..

Грустное „прощай!“ долетѣло съ пристани и умерло въ свѣтѣ луны. Что то бѣлое затрепетало и забилось въ темнотѣ, какъ крыло подстрѣленной чайки. Василій, чуть подавшись впередъ, неподвижно смотрѣлъ туда, гдѣ онъ угадывалъ Настю...

На высокомъ берегу, надъ пристанью, смутно забѣлѣлась женская фигура. И въ этомъ бѣломъ, едва замѣтномъ, тихо тающемъ въ сумракѣ, пятнѣ было много грусти...

Опять пустыня рѣки съ блуждающими огоньками серебряныхъ каравановъ и ароматная пойма, полная стрекота кузнечиковъ.

— Э-эхъ, бабы!..—вздохнулъ вдругъ кто-то.

И сколько чувства было въ этомъ вздохѣ! Былъ въ немъ и укоръ кому-то за что-то, и сожалѣніе о чемъ-то дорогомъ, и любовь, сумасшедшая любовь къ этимъ бабамъ, которыя заставляютъ сожалѣть такъ о чемъ-то.

— М-да!..—сочувственно вздохнулъ Василій.

— Сударушка что ли?—опять спросилъ тотъ же голосъ послѣ короткаго молчанія.

— Н-нѣтъ...

— Нѣтъ?!...—удивился силуэтъ.

— На пароходѣ повстрѣчались... — тихо отвѣчалъ Василій.—Вчерась...

— Гулящая?

-- Нѣтъ, въ законѣ... Мужняя жена...

— Славная бабеха...—съ убѣжденіемъ проговорилъ силуэтъ и, сплюнувъ въ сторону, чиркнулъ спичкой.

Робкій огонекъ освѣтилъ его молодое тонкоочерченное лицо съ темнорусой вьющейся бородкой, небольшими усиками и парой сѣрыхъ, всегда улыбающихся какой-то особенно доброй улыбкой, глазъ--одно изъ тѣхъ лицъ, которыя сразу вызываютъ во всѣхъ какую-то непонятную, но искреннюю симпатію. Одѣтъ онъ онъ былъ въ красную рубаху, рваный жилетъ и черные штаны. Голову его украшалъ, чуть держась на затылкѣ, истасканный кожаный картузъ. Я узналъ его: это былъ матросъ, который внесъ мои вещи съ пристани на пароходъ. Онъ сидѣлъ на сложенномъ кругомъ канатѣ, рядомъ съ Васильемъ, занявшимъ прежнее мѣсто на скамейкѣ.

— Что-жъ, посулила повидаться?..

— Да...—нехотя отвѣчалъ Василій.

Матросъ сильно затянулся, огонекъ папиросы опять освѣтилъ его бороду и кончикъ носа и зажегъ красныя искорки въ бѣлкахъ глазъ.

— Смерть люблю такихъ... — проговорилъ онъ задумчиво. — Самая настоящая баба,—полюбила такъ все бери, ничего не жаль...

Сидѣвшій со мной рядомъ крѣпкій, рослый старикъ съ большой сѣдой бородой пошевелился.

— Сука это, а не баба...—сказалъ онъ сурово.— Нешто это законъ мужней женѣ съ чужакомъ путаться? На кой лядъ она тогда къ попу-то ходила? И жила бы со всѣми, по собачьи...

— Коли охота Шарику на цѣпи сидѣть, и пусть его сидитъ, а на другихъ пусть не брешетъ...—отвѣчалъ матросъ.—Есть сила—валяй...

— Ты задави ее, силу то, коли ея больно много въ тебѣ,—сказалъ старикъ. — Она разгуляется, такъ...

— Кабы нужно было силу давить, такъ въ насъ ее не положили бы...—перебилъ матросъ.—А ежели она въ человѣкѣ есть, значитъ, надо, чтобы онъ ей ходъ давалъ во всю...

— Анъ врешь... Богъ заповѣдалъ человѣку укрощать себя, смирять...

— А ты съ Богомъ-то чай пилъ?

— Нѣтъ, не пилъ... — степенно отвѣчалъ старикъ.

— А если не пилъ, такъ знать тебѣ это не откуда, милый человѣкъ, — возразилъ матросъ, попыхивая папироской.—Можетъ, Богъ-то какъ разъ наоборотъ велѣлъ,—кто знаетъ? Ежели ты строишь пароходъ, такъ ты въ него ставишь машину и, ежели машина сильна, работать можетъ, такъ пароходъ большихъ денегъ стоитъ, а нѣтъ, такъ будетъ у тебя не пароходъ, а одно слово наплевать... Такъ и въ человѣкѣ. Есть сила—человѣкъ,

а нѣтъ—мѣсто пустое... А есть машина, такъ давай ей полный ходъ. Вотъ какъ по нашему...

— То пароходъ, а то человѣкъ...

— А то старовѣръ... — нетерпѣливо перебилъ матросъ.—Закоптилъ лампадками зеньки-то и не видишь, куда идешь, а другимъ указываешь... Эхъ ты, философъ!.. Вотъ намедни ѣхалъ съ нами одинъ такой же гусь, вродѣ тебя... Милліонщикъ... И разговорились мы съ нимъ... Семьдесятъ четыре года, на покоѣ лѣтъ пять ужъ живетъ. Сперва, говоритъ, нужно было о дѣлѣ заботиться, жизнь свою строить, а теперь надо, вишь, здоровье беречь... Дуракъ ты, думаю, старый чортъ!.. Сперва строить, потомъ беречь, а жить-то когда?

Наступило молчаніе. Ночь была также тиха, ясна и торжественна... Въ ароматной поймѣ немолчно стрекотали кузнечики. Рои золотыхъ пчелъ все неслись за кормой, сверкая и разсыпаясь милліонами искръ...

— И ты, братъ, не слушай такихъ воронъ...— продолжалъ матросъ, обращаясь къ Василью. — Полный ходъ давай сердцу, волю...

— И попадешь въ неволю...—сказалъ старикъ.

— Ну, и держи твое на бечевочкѣ,—отвѣчалъ матросъ, — а то такъ вотъ хоть этимъ канатомъ привяжи его. А другихъ не замай, пусть потѣшаются... Нашелъ королеву и валяй... Отводи душу... Не изъ бараньяго стада, видно, не бякаетъ...

Онъ помолчалъ.

— Вотъ и у меня одна такая-то была... — про-

говорилъ онъ тихо и мечтательно, вспоминая.— Эхъ, ужъ и баба... Душу всю вынула...

Онъ опять закурилъ.

— Куда же ты дѣвалъ ее, такое сокровище?— спросилъ старикъ.—Гдѣ-жъ она?

— Не знаю...—отвѣчалъ матросъ.

— Ну?—произнесъ вопросительно Василій.

— Чего: ну?.. Разсказать что-ли?.. Эхъ, вспомнишь, такъ сердце ноетъ... Годовъ... да десять, поди, прошло, а она вотъ, какъ живая, стоитъ, дьяволъ... На Волгѣ дѣло это было... Стопъ! Задній ходъ!.. — прервалъ вдругъ себя матросъ и осклабился, сверкнувъ своими бѣлыми, крѣпкими зубами. — А ты оскоромиться, старина, не боишься? Петровки-то прошли ужъ... Поди, баба-то тебѣ, что чорту ладанъ?..

— Разсказывай, разсказывай, милый человѣкъ...—отвѣчалъ старовѣръ. — Я не изъ пугливыхъ.

— О?.. Ну, коли такъ, слушай...—сказалъ матросъ и, усѣвшись поудобнѣе на канатѣ, началъ, задумчиво глядя на льющееся серебро Шексны:—на Волгѣ то дѣло было... Попалъ я туда не то, чтобы по своей охотѣ, ну, да несовсѣмъ и поневолѣ. Дѣло вышло такъ. Рожденъ я бысть и воскорми мя мати моя въ первопрестольномъ градѣ Москвѣ, гдѣ мой папаша кадиломъ кадилъ и паки и паки говорилъ,— жеребячьей породы я, дьякона сынъ... Ну, подросъ я—въ духовное училище, а потомъ и въ семинарію пожалуйте, премудрости всей этой Соло-

моновой обучаться... Уговаривали было отца пустить меня по ученой части, скрозь гимназію да въ университетъ, — однако, тотъ не пожелалъ, потому напуганъ очень былъ: старшій братъ мой пошелъ по этой дорожкѣ да изъ университета-то прямымъ сообщеніемъ, безъ пересадки, за бугры и угодилъ. Отецъ и боялся: „и тебя сгубятъ эдакъ", говоритъ... Ну, и пустилъ по духовной премудрости... И съ самаго начала премудрость эта мнѣ не по скусу пришлась. Однако учись, говорятъ, потому жрать надо. И учился, — черезъ пень колоду... И чѣмъ больше въ разумъ вхожу, тѣмъ тошнѣе мнѣ эта самая наука ихъ, просто не въ моготу... Бякать учатъ, а я не изъ бякалъ... Ну, да что тутъ бобы-то разводить? Терпѣлъ я, терпѣлъ, потомъ вдругъ бацъ, прорвало: по уху ректору заѣхалъ. Сейчасъ меня, раба Божьяго, за ушко да на солнышко; иди, добрый молодецъ, на всѣ четыре стороны!.. Ну, вернулся домой, къ отцу, — тамъ всѣ въ ревъ! Лучше бы, вишь, померъ я, легче бы имъ было, а то куды, дескать, теперь ты дѣнешься, пропащая твоя головушка? Хоть у отца кое-какія деньжонки и были, ну, а безъ дѣла все-таки, самъ понимаешь, сидѣть не полагается.. Ну, кое-какъ чрезъ отцовыхъ пріятелей у купца краснорядца я пристроился, — вродѣ какъ быдто эдакого глаза, наблюдать, чтобы приказчики не очень въ хозяйскій карманъ смотрѣли... Однако и это пришлось не по скусу. Недолго просидѣлъ я тутъ да и... ну, да чего тутъ канитель-то тя-

нуть?.. Всего я попробовалъ, всякія мѣста пыталъ, пока на свое мѣсто, во вшивую команду не попалъ. Тутъ ужъ мнѣ все по душѣ пришлось, потому воля, самъ по себѣ, царствуй на страхъ врагамъ, сколько влѣзетъ. А воля это для человѣка главное. Гляди, братъ, какъ бываетъ на свѣтѣ: сынъ дьякона и вдругъ душа зимогора... Н-ну, и зажилъ я—куда хочу, туда лечу... И на душѣ легкость, просто какъ на крыльяхъ... Другіе изъ нашего брата, зимогора, злы бываютъ, скулить любятъ, а у меня не то,—одно слово, какъ рыба въ водѣ... Однако, недолго процарствовалъ я эдакъ, — съ годъ, должно, — и опять въ папашины лапы попался. Разыскалъ онъ меня въ Рыбинскѣ, на Вшивой Горкѣ, мать привезъ, плачутъ оба, Христомъ Богомъ молятъ, не губи, дескать, себя, пожалѣй насъ, стариковъ... Да чего, говорю, не губи? Больно мнѣ хорошо тутъ... Нѣтъ, хоть ты что!.. Это, говорятъ, юность все, силъ воскипѣніе, это пройдетъ и все будетъ по хорошему... А потомъ, дескать, мы женимъ тебя—эва какъ! — и будешь ты... Ну, одно слово, слушай да облизывайся!... Ты, говоритъ, хоть попробуй только, потѣшь насъ... Ну, что же, попробовать можно, отчего не попробовать? Сдалъ я имъ на этотъ разъ... Увезли они меня это домой опять, пріумыли, пріодѣли, все, какъ слѣдуетъ, мѣсто давай мнѣ искать, устроить все хотятъ... Зря, говорю, сбѣгу. А они опять за свое: попробуй... Н-ну, дома-то меня больно хорошо всѣ знали, какого я поля ягода, и

пристроить меня было трудно. И попалъ я чрезъ одного благодѣтеля,—у поповъ вездѣ благодѣтели есть,—въ одно имѣніе на Волгу, на верхній плесъ, вродѣ эдакъ помощника управляющаго, что-ли... Жалованье положили, какъ слѣдуетъ, и все такое... Пріѣхалъ я и началъ дѣлами ворочать, — надо старикамъ удружить...

Весна была, самый развалъ... Ворочаю я это дѣлами-то, а въ душѣ, чувствую, посасывать начинаетъ, на волю опять тянетъ. Выйдешь, бывало, вечеромъ на Волгу и сидишь. Привольное мѣсто такое было, ширь, просторъ. Лѣса это кругомъ синіе, а внизу Волга... Пароходы по ней бѣгутъ, караваны тянутся. Глядишь на нихъ, а сердце ноетъ, сосетъ тоска его, — такъ бы вотъ и бросился за ними... Ну, самъ посуди, что это за жизнь? Поскрипѣлъ перомъ, съ мужиками поругался, нажрался да спать, а потомъ опять скрипѣть... Индо жирѣть сталъ... Какъ мнѣ такую жизнь вынести, коли вотъ въ матросы попалъ, такъ и то тяжело? Связанъ, а это мнѣ хуже всего... И брошу, ну ихъ къ лѣшему въ болото, и съ пароходомъ-то ихъ... А тогда и того хуже... Ну, духъ-то и сперся внутри... Эдакъ вотъ съ ребятами бываетъ: сидитъ - сидитъ да ни съ того, ни съ сего какъ заоретъ, али по травѣ кубаремъ, али въ ухо какому пріятелю, такъ, здорово живешь, заѣдетъ. Потому духу въ немъ много сопрется, ну, онъ ходу и проситъ... А какой въ емъ и духъ-то еще—такъ, близиръ, одинъ,—а дастъ разà, гля-

дишь, и полегчаетъ... Такъ и со мной было—разà тоже дать опять охота была, — да... Крѣпился, крѣпился я, — нѣтъ, вижу, толку нѣтъ!.. Да главное, и зря: крѣпись аль не крѣпись, все на тоже выйдетъ. Ну, взялъ я это листикъ бумажки и — милые родители, дескать, благодарю васъ за любовь да за заботу вашу, но только адью, мнѣ это не подходитъ, и все тамъ, какъ нужно... Потомъ собралъ свое лопотьишко да и ходомъ, на просторъ... Покружился по Волгѣ, туды, сюды, спустилъ для легкости все, что было, и сразу точно совсѣмъ другой человѣкъ сдѣлался. Ну, и попалъ я о ту пору въ Козьмодемьянскъ, а тамъ лѣсная ярмарка какъ разъ идетъ. Эхъ, вотъ гдѣ жизнь-то!.. Народу на рѣкѣ, и на плотахъ, просто какъ блохъ въ хорошемъ тулупѣ, такъ и кишитъ: пѣсня́ это идетъ, да все съ присвистомъ, съ гикомъ,—отдирай, примерзло!.. Дѣвки, бабы — всѣ тутъ... Пріѣдетъ хозяинъ на плоты, сейчасъ ему уру и на водку пожалуйте... И пошла писать!.. Веселая жизнь!.. Ну, значитъ, и я съ ними барки грузить давай. Отгрузились это, ярмарка кончилась,—надо дальше, къ Нижнему. Ну, и нанялся я водоливомъ на барку съ брусомъ; до Нижняго, думаю, доплыву, а тамъ видно будетъ... Ладно... Прибѣжалъ это пароходишка сверху, зацѣпилъ насъ, здоровенныя четыре баржищи,—фыкъ-фыкъ, а ни съ мѣста. Задору-то много, а силы, вотъ какъ въ староверѣ, на грошъ нѣтъ. Потомъ справился кое-какъ, потащилъ. Недолго наплавали мы,

однако, съ нимъ и вовсе стали: машина что-то поломалась. Ну, подчалились кое-какъ къ берегу, чтобы другимъ не мѣшать, стоимъ. Механика въ Нижній отправили съ поломанной частью, другую чтобы отлить... День проходитъ, другой, а мы стоимъ... Скука смертная, потому дѣла никакого, жри да спи... И компаніи никакой... Только и утѣшенія, бывало, слѣзешь на берегъ да и слоняешься по горамъ, а то на горячій песокъ на берегу брюхомъ ляжешь и смотришь, какъ караваны идутъ, пересвистываются... Я ужъ думалъ было наплевать на все да махнуть въ Нижній, — анъ вотъ тутъ зацѣпка-то эта самая и вышла...

Какъ разъ надъ нами, на горѣ, помѣстье какое-то барское было, — дай, думаю, посмотрю, отъ нечего дѣлать, какъ люди живутъ. Взобрался я какъ-то вечеркомъ туда, на обрывъ этотъ самый, сижу тамъ, покуриваю, вдругъ слышу—шаги... Что такое? Оглянулся—такъ у меня сердце и покатилось! Видывалъ я бабъ не мало, ну, а такой еще не приходилось, глаза лопни! Догадался, что барыня здѣшняя, помѣщица. Ну, сижу это, притихъ, и гляжу на нее... А кусты тутъ густые, прегустые были, орѣшникъ, калина, дубнякъ, ей меня и не видно. Ну, стоитъ и на Волгу смотритъ... Сама вся въ бѣломъ, а сзади нея солнце садится,—такъ она вся на зарѣ-то и горитъ. Стройная эдакая, легкая, грудь высокая, глазищи большущіе, черные и волосъ, что твое вороново крыло... Въ рукахъ книжка... Лавченочка тутъ небольшая, надъ

обрывомъ стояла, — сѣла она и все на рѣку глядитъ, любуется. И вижу, на лицѣ эдакое облако точно, словно не въ духѣ она... Посидѣла, посидѣла, потомъ вздохнула эдакъ легонько да и пошла себѣ домой...

И съ самаго этого вечера меня и забрало, братецъ ты мой, да вѣдь какъ! Куды ни пойду, что ни дѣлаю — вездѣ она... И знаю, что канитель одна—гдѣ намъ до эдакихъ-то? — а нѣтъ, не могу съ собой совладать, хоть ты что... Пришелъ это вечеръ, я опять туда, дескать, хоть глазкомъ однимъ взгляну. Ну, пришла, поглядѣла на рѣку минутку да и назадъ... А лицо эдакое сурьезное все, — что-нибудь не ладно у нея, думаю... Еще больше разгорѣлся я, просто мѣста себѣ не нахожу!.. Эхъ, и баба же, чортъ бы ее побралъ совсѣмъ! Ну, понимаешь, всю землю обойди, другой такой не сыщешь... Королева!.. Сердце у меня такъ и рветъ, такъ и мечетъ... И обиды, обиды тамъ — всей Волгой не вымоешь! Прячься по кустамъ, какъ лѣшій какой, и выглянуть не смѣй—да что я не человѣкъ, что ли? Всю ночь не спалъ... Чую, сердце ходу проситъ, опять скопленіе паровъ въ немъ дѣлается... А тутъ еще дождь ударилъ, не выходила она дня три, четыре что-то... Ну, просто хоть на стѣну... А механикъ нашъ все не ѣдетъ... Наконецъ, разведрилось... Чуть вечеръ,—а ясно такъ было, тепло, духъ это отъ деревьевъ да отъ травы, — чуть вечеръ, я туда. Крадусь это легонько кустами-то, вдругъ—она!..

Стоитъ на дорожкѣ и на меня смотритъ!.. Я такъ и обмеръ,—вотъ что значитъ она, настоящая баба-то!..

— Что ты тутъ дѣлаешь?—спрашиваетъ, и брови нахмурила.

— Гуляю,—говорю.

— Кто же такъ гуляетъ? — говоритъ. — Что ты прячешься?

Ну, думаю, попалъ голубчикъ. Однако справился...

— Васъ боялся потревожить,—говорю.

— А почему ты зналъ, что я тутъ?

— Видѣлъ, — говорю,—сидѣли вы тутъ, ну и остерегался.

Посмотрѣла эдакъ бокомъ, точно не вѣритъ...

— Ты, что же, здѣшній?

— Нѣтъ,—говорю,—съ барки вонъ той, водоливъ... Поломка въ пароходѣ вышла и стоимъ...

Ушла... Пошелъ и я къ себѣ на барку, и еще пуще мнѣ свѣтъ не милъ сталъ — потому обидно, что оробѣлъ я предъ ней. Что, боюсь я, что ли, чего? Нѣтъ, ничего... А оробѣлъ. Что она мнѣ? Такъ съ души и воротитъ, самому себѣ въ рыло наплевать хочется...

Ну, чортъ съ тобой, думаю, ладно, покажу же я себя!.. Самому на себя плевать нечего—что я не вольная птица, что ли? И смѣлости вдругъ во мнѣ открылось просто до безконечности... Ну, а какъ пожалуйте на выносъ, думаю,—тогда что? Потому чувствую, жить безъ нея не могу, точно

околдовала она меня, проклятая. И такая на меня опять хмурость да тоска нашла, просто хоть на осину. Это всегда такъ съ человѣкомъ бываетъ, когда онъ не знаетъ, куда ему идти... А не знаетъ потому, что привязанности въ немъ много, самъ себѣ дорогу загородилъ...

И такъ вотъ протерзался я день, два... Нашъ механикъ пріѣхалъ, да что-то не по мѣркѣ тамъ отлили, не годится штука-то... Хозяину депешу послали, чтобы другой пароходъ выслалъ... А онъ отвѣчаетъ: всѣ въ разгонѣ, чинитесь, какъ знаете... И идетъ эта самая канитель, а мнѣ просто силъ нѣтъ. Потомъ, была не была, повидалася, думаю, и—пошелъ. Пришелъ и сѣлъ, да не за кустъ, а на самую, что ни на есть середину лавки—на, дескать, выкуси!..

Слышу, идетъ... Такъ у меня внутри все и задрожало, совладать съ собой не могу, то ли отъ радости, то ли отъ злости... Увидала меня, нахмурилась.

— Чего ты тутъ все шляешься?—говоритъ.

— Извините, пожалуйста, сударыня...—говорю.— Я, дескать, не зналъ, что мѣшаю вамъ... Если мое присутствіе, дескать, стѣсняетъ васъ, я больше не приду...

Покраснѣла легонько.

— Кто вы такой?—спрашиваетъ.

— Я,—говорю,—имѣлъ уже честь доложить вамъ, что я водоливъ, сударыня,—вонъ съ той барки...

Глядитъ съ удивленіемъ эдакъ.

— Что это, — спрашиваетъ, — святки, что ли, у васъ?

— Нѣтъ,—говорю,—я въ своемъ собственномъ видѣ, сударыня. А что ежели я и почеловѣчьи говорить умѣю да хвостикомъ не виляю, такъ это потому, что потерся-таки я на людяхъ маленько да и... въ книжкахъ-то, какъ и вы, читывалъ — хоть немного, а читывалъ...

Вижу смекаетъ маленько и любопытно ей все это очень.

— А теперь что же, бросили?

— Бросилъ,—говорю.

— Почему?

— А потому,—говорю,—что ерунда одна... Одинъ говоритъ одно, другой—другое, третій—третье и всѣ врутъ... Жизнь есть и живи...

— А какъ жить? — говоритъ. — Книги-то вотъ и научатъ...

— Нѣтъ,—говорю,—онѣ только съ толку сбиваютъ, всѣ въ разныя стороны тянутъ. Наплюй на нихъ да и живи, какъ Богъ на душу положитъ...

Гляжу, покосилась на скамейку, а не садится, потому, понимаешь, сѣсть одной, какъ быдто, конфузно, а меня посадить рядомъ — и того хуже... Потомъ, вижу, усмѣшечка эдакая по лицу пробѣжала...

— Что же, говоритъ, мы стоимъ? Сядемъ...

И отъ этой усмѣшечки ея такъ меня въ жаръ и бросило, потому, понимаю, забавляется, занятно ей, какъ она, барыня, и вдругъ съ зимогоромъ

сидѣть будетъ да разговоры разговаривать—тамъ какой онъ ни на есть, а все-таки зимогоръ, въ опоркахъ. Чудно ей это кажется. И еще больше обозлился я.

— Ну,—говоритъ,—разскажите мнѣ что-нибудь о себѣ... А то, дескать, я все скучаю...

— Чего намъ, вахлакамъ, разсказывать?—говорю.—День да ночь и сутки прочь...

— Да это и вездѣ такъ,—говоритъ.

Ну, тары-бары растобары, и выходитъ, вродѣ какъ скучаетъ она, и тошно ей все, дескать. А тошно отъ того, дескать, что люди въ тѣснотѣ живутъ и всяческія стѣсненія сами на себя налагаютъ... А жить надо такъ, что вали, дескать, впередъ и дави... И говоритъ она все это не попросту, а съ вывертомъ, по книжкѣ, какъ у нихъ это полагается, однако, къ чему гнетъ, смекаю... Жалости, вишь, въ людяхъ много, а это отъ глупости идетъ. Надо всѣхъ передавить, которые пословже, то-есть, тогда и просторнѣе будетъ и человѣкъ лучше станетъ, — это по ея-то выходитъ такъ. А я говорю, врешь, молъ, ты; на кой, молъ, лѣшаго слабаго давить, коли онъ и такъ слабъ? Мѣста тебѣ, что ли, мало? Ты сама себя не стѣсняй, а людямъ пакостить нечего. И не тронь ихъ. Если на тебя напираетъ какой, ну, дай ему разà, чтобы до Касьяновъ пропомнилъ, постой за себя, а ежели тебѣ кто не мѣшаетъ, такъ чего его трогать-то? Такъ ли я говорю?

— Такъ...—отвѣтилъ Василій.

— Ну, вотъ... А она опять за свое: тѣсно ей, вишь, жить мѣшаютъ... Ихъ жалѣть надо, а жалость жисть портитъ... Вотъ, говоритъ, погляди на лѣсъ — большое да сильное дерево, такъ оно все вокругъ себя душитъ... Такъ-то, говорю, лѣсъ, дерево стоеросовое; ему приказано здѣсь расти, и стой, не разсуждай, расти, и не уйдешь никуда, а у насъ эва ширь какая: куда хочу, туда лечу... Опять птицы или звѣри, говоритъ, посмотри, всѣ жрутъ одинъ другого, никому и горюшка нѣтъ. Такъ птица или звѣрь, говорю, жретъ потому, что ему надо жрать, а не изъ лютости... Да и гдѣ ты, молъ, видѣла, чтобы воробей воробья жралъ? Ну? А у тебя, чай, сердце-то побольше воробьинаго... Смѣется... Нѣтъ, говоритъ, сердца у меня совсѣмъ нѣтъ. Ой, врешь, говорю. Право, говоритъ, нѣтъ... Такъ бы вотъ и передушила всѣхъ... А чего одна-то дѣлать будешь? На людяхъ веселѣе... Нѣтъ, говоритъ, меня они тѣснятъ... Врешь и врешь, говорю, потому кто меня тѣснить можетъ, ежели я того не желаю? Кого я тѣсню? Такъ, какъ ты, говоритъ, не всѣ жить могутъ... А ты моги, говорю...

Долго мы проговорили съ ней эдакъ, до темноты. Все меня о нашемъ житьѣ-бытьѣ разспрашиваетъ,—удивительно ей, какъ это люди такъ жить могутъ, т.-е., босая-то команда. И никакъ она въ толкъ не возьметъ, какъ это я благоденственное и мирное житіе на такую жизнь промѣнялъ. Я это ей разсказываю, а она глядитъ на меня эдакъ

вродѣ, какъ съ почтеніемъ. За Волгой уже мѣсяцъ взошелъ. Духъ идетъ отъ всего—просто не надышешься. И въ груди жаръ какой-то, ровно передъ грозой, эдакъ словно сперлось что... И вся моя злоба прошла, тихій эдакій сталъ,—хоть бы и бякать въ пору. А она такая пригожая сидитъ, не насмотришься... И усмѣшечку ея забылъ. Пошла домой, руку подала, и эдакъ по просту, безъ всякихъ тамъ этихъ вывертовъ... Совсѣмъ затихла, хорошая такая стала да ласковая. Эхъ, бабы!..

Ну, ладно...—продолжалъ матросъ, помолчавъ.—И еще милѣе, еще дороже стала она мнѣ съ того вечера. И вся моя злоба стихла... Хочется себя настроить опять на злобу-то—обида, дескать,—анъ нѣтъ, не беретъ... И ни на минуту она у меня изъ головы не выходитъ, но только прежней муки ужъ нѣтъ, сердце играть начинаетъ, сдается, словно по нраву я ей пришелся. Это, братъ, ужъ видно, когда баба къ тебѣ благоволитъ, сердце чуетъ... Однако сомнѣніе все-таки беретъ: а можетъ, она, дескать, и не думаетъ? Усмѣшечку эту вспомнишь и опять зажжетъ... А все-таки лучше... И радостно какъ-то, и боязно, что зря вся эта радость, и грустно чего-то... Ну, да чего тутъ размазывать-то? Всякому, — вонъ и старовѣру, чай,—это извѣстно, ядъ-то этотъ самый бабій...

И опять я робѣть ея началъ, въ мысляхъ-то. Пришелъ вечеръ,—сердце тянетъ туда, а идти боишься. Однако пошелъ. Сидѣлъ, сидѣлъ,—нѣтъ, нейдетъ... Другой день такъ, третій, и опять злость

во мнѣ забушевала да обида: что она, чортъ, играть, что ли, думаетъ со мной? Наконецъ, пришла, бѣлая вся эдакая съ лица да хмурая, какъ въ первый разъ я ее видѣлъ... И все съ книжкой своей... Увидала меня, поклонилась, но руки не подала и не сѣла: я, дескать, только на минутку, на Волгу взглянуть зашла...

И опять вся моя злость сразу прошла—вижу, что-то ей все не по себѣ, томится все. И жалко мнѣ ее стало. Спрашиваю, не нездорова ли, дескать. Нѣтъ, говоритъ, такъ, отъ думъ все больше. Все, говоритъ, это ерунда, и на книжку показываетъ. Давить, давить, — гдѣ другихъ давить, когда самой себя боишься? Положили передъ тобой соломенку и знаешь, что соломенка, а перешагнуть боишься... И всѣ мы, дескать, такіе... И тотъ, кто книжки-то эти написалъ, филозо́фъ-то этотъ самый... На словахъ поди-ка какъ, а на дѣлѣ соломинокъ боимся... Всѣ дрянь, все слова однѣ... Да какъ размахнется, да какъ книжечку-то эту самую съ обрыва швыркъ!.. Фьюю... Только листики зафырчали, какъ она внизъ-то закувыркалась, моя матушка, — ау, Митькой звали!.. Ну, и выходитъ по ея какъ будто такъ, что на все ей наплевать охота... Тоже сила ходу проситъ...

Ну, опять просидѣли мы вечеръ съ ней...

Я такъ весь и горю... Скажи, т.-е., она мнѣ: прыгай съ горы въ Волгу — безъ разговору, въ одинъ моментъ... Да что тамъ въ Волгу,—по жилочкамъ далъ бы всего себя растянуть для нея...

И вижу, что она ко мнѣ тоже, какъ-будто, все больше склоняется... Чуетъ сердце-то, а вѣрить боюсь. А чтобы ей какъ заикнуться,—куды тебѣ! Куды и храбрость вся дѣвалась... Ни передъ одной бабой отродясь такъ не робѣлъ... Вотъ теперь, чуть что ежели Марфутка захрандучитъ, по зряшности, по бабьей глупости своей, сейчасъ въ зубы: рразъ! „Я, кричитъ, съ княземъ спала, я артишоки кушала, а ты, мужикъ, смѣешь меня...“ А-а, князь? Р-разъ!.. Артишоки? Два... Вотъ какъ я ихъ! А съ той не то...

На другой день,—какъ сейчасъ, все помню,—не на обрывѣ, а въ саду встрѣлся я съ ней, въ самомъ дальнемъ углу... Оврагъ тамъ эдакій глухой, темный...

Поздоровались, все, какъ слѣдуетъ... Ну, говоритъ, теперь моей скукѣ конецъ. Какъ такъ?—говорю. А такъ,—и смѣется эдакъ легонько,—чрезъ три дня мужъ пріѣдетъ... А вѣрно, она мнѣ говорила, что замужемъ и что мужъ въ Питерѣ еще—они всегда тамъ живутъ, а сюда только лѣтомъ наѣзжаютъ.

Такъ меня словно обухомъ по лбу и хватило.

— Что, говоритъ, съ вами?

И смѣяться сразу перестала, въ лицо мнѣ смотритъ... А глазищи эдакіе большущіе... Горятъ...

— Ничего,—говорю.—Отъ жары, должно, кровь въ голову бросилась...

Потупилась, губу закусила... И молчитъ. Вижу, поняла... А у меня въ головѣ, какъ молотъ сту-

чить: мужъ... мужъ... мужъ... И загорѣлся... И-и, хоть на стѣну! Я буду по кустамъ прятаться, а онъ... Въ глазахъ круги красные, земля подъ ногами ходуномъ идетъ...

Посмотрѣла она опять на меня, засмѣялась легонько да хорошо, хорошо какъ-то эдакъ:

— Пошутила я,—говоритъ.—Никто ко мнѣ не пріѣдетъ...

Такъ словно гора съ плечъ у меня свалилась! Вижу, пытала... А ну, какъ вретъ? Ну, какъ пріѣдетъ?.. Гляжу это ей въ глаза,—ласковые такіе, такъ и грѣютъ, — нѣтъ, вижу, не вретъ. Такъ и заиграло, такъ и просіяло все вокругъ...

Засмѣялась опять легонько, по хорошему.

— Ну, говоритъ, — мнѣ домой пора... До свиданья...

Ушла...

А у меня муть на душѣ, безпокойство,—мѣста себѣ не найду... Пошелъ берегомъ, туда, сюда,— нѣтъ, просто силушки нѣтъ!.. Тягота...

До ночи такъ прошлялся... И чѣмъ дальше, тѣмъ все безпокойнѣе мнѣ,—такъ и жжетъ меня всего, въ вискахъ стучитъ, въ ушахъ звонъ... Мѣсяцъ это опять всталъ за рѣкой... Духъ такой съ поймы, просто дышать нечѣмъ, въ груди спираетъ, а голова вотъ-вотъ разлетится... А кругомъ тишь, благодать—эхъ, люблю я Волгу, кошка ее залягай!.. Не рѣка, а одно слово—раздолье!..

Ну, влѣзъ это я опять на гору, садомъ иду, и словно не самъ иду, не своей волей, а словно

кто тащитъ меня. И безъ боязни всякой иду, безъ думушки, смѣло этакъ — все смѣхъ ея ласковый въ ушахъ звенитъ. И сердце горитъ, какъ смола— любитъ, дескать... Ну, прямо, какъ чумовой...

Вышелъ къ дому,—огромаднѣющій, одно слово, Кавказъ и Меркурій... И весь бѣлый отъ мѣсяца-то. Вокругъ цвѣты всякіе понасажены, духъ отъ нихъ идетъ тяжелый эдакій... И огни въ домѣ всѣ потушены...

Гляжу, окошко одно растворено... Пробрался къ нему, слушаю,—ничего не слыхать. Была не была— прыгъ на подоконникъ!.. Опять слушаю — опять ничего... Гляжу, что-то бѣлѣется... И пахнетъ эдакъ пріятно, вродѣ какъ отъ цвѣтовъ. Я въ комнату... Шагъ, два... Иду, руки впередъ протянулъ, не наткнуться бы на что... Вдругъ чиркъ!.. Огонь!.. Я зажмурился... Потомъ глядь,—она... Сидитъ на постели, — въ одной рукѣ спичка, а въ другой левольвертикъ — такъ прямо на меня и уставила...

— Ну?—нетерпѣливо проговорилъ Василій.

— Ну... Потухла спичка... Стою... Вотъ ты изъ какихъ; говоритъ, а у самой голосъ дрожитъ и эдакій словно мѣдный сдѣлался. Ну, говоритъ, отойди вонъ въ тотъ уголъ и стой тамъ смирно, пока я огонь засвѣчу... Я ничего тебѣ не сдѣлаю, ничего, какъ есть... А если хоть еще на шагъ подойдешь, такъ пеняй на себя... Понялъ?.. Понялъ, говорю. Ну, иди... Отошелъ я, стою. Зажгла она свѣчу... Сидитъ это въ постели, въ одной рубахѣ.

и глядитъ на меня, глазищи такъ и горятъ,— разсерчала здорово... А ты послушный, говоритъ... Такъ меня ровно кто плетью огрѣлъ, индо въ жаръ бросило: предъ бабой спасовалъ... Однако, дѣлать нечего, стою, потому левольвертикъ на столѣ лежитъ, какъ будто, ненарокомъ дуломъ ко мнѣ повороченъ... Чернѣетъ это дырка-то... Сядь, говоритъ, чего стоять-то?.. Сѣлъ я, а внутри такъ все и подымается. Зачѣмъ пожаловалъ?.. А на тебя, говорю это съ усмѣшечкой—не боюсь, дескать,—на тебя, молъ посмотрѣть захотѣлось, вонъ ты краля какая... И, дѣйствительно, не баба, а прямо сказать, патретъ. Тѣло это бѣлое, грудь высокая... Лицо румяное, такъ и пышетъ... Косы черныя, какъ змѣи, по подушкѣ расползлись... И огня, видно, въ бабѣ—одно слово, пожаръ... Сперва было поправила рубаху, закрылась маленько, а потомъ про себя усмѣхнулась эдакъ, чортъ, повела легонько плечомъ и опять вся грудь на виду... Ну, смотри, говоритъ, а я пока почитаю... И книжку со стола беретъ... Какова? Налюбуешься, говоритъ, досыта и пойдешь, куда нужно... А я весь дрожу, потому вижу, издѣвается, чортъ, и ничего съ ней не подѣлаешь... Всталъ было я да къ окну,—сейчасъ руку на столикъ, къ пистолетику. Нѣтъ, говоритъ, пришелъ въ гости, такъ ужъ сиди... Опять сѣлъ... Сижу и гляжу, — въ глазахъ индо огненные круги пошли и все тѣло какъ въ туманѣ въ какомъ горячемъ. Проходитъ часъ, сижу, едва-едва на стулѣ держусь... Еще

часъ—просто хоть издыхай!.. А глазъ оторвать не могу. И убилъ бы ее за обиду и... замиловалъ бы словно до смерти... Свѣтать начинаетъ... Ну, что, говоритъ, насмотрѣлся? Сытъ? Сытъ, говорю, а голосъ это сипитъ, ровно и не мой. Ну, такъ прощай теперь, говоритъ. Прощай, говорю. Всталъ я, подошелъ къ окошку,—ноги просто какъ скованныя, потому спину-то, чую, глаза ея жгутъ да усмѣшка эта: Будешь ли, говоритъ, еще по окнамъ лазить? Молчу. Засмѣялась—да вѣдь какъ! Точно чугунъ топленый въ душу льетъ, дьяволъ! Выпрыгнулъ я это въ садъ, схватилъ камень здоровенный, — разнесу, думаю... Размахнулся да... въ садъ камень и бросилъ... Иду да все: чортъ, чортъ, дьяволъ... А самъ дрожу весь... Такъ бы и убилъ...

Прихожу это къ себѣ, въ свою конуру, на барку,—нѣтъ, силушки моей нѣту! Лучше голову о стѣну расколотить, чѣмъ такъ терпѣть... Куда ни поглядишь, все либо глаза ея видишь—смѣются, подлые!—либо плечо голое, грудь, руку бѣлую да полную... Ни о снѣ, ни о ѣдѣ и помину нѣтъ, просто какъ дурманомъ кто опоилъ... Промаячилъ я день кое-какъ, ночь опять пришла... Нѣтъ, не могу... Отплачу хоть чертовкѣ за издѣвку ея... А въ душѣ муть — никакъ я въ толкъ не возьму золъ ли я ужъ очень на нее, люба ли она очень мнѣ стала; не разберу и шабашъ, а тянетъ, просто какъ на буксирѣ... Ну, прямо сказать, пропалъ человѣкъ...

Чуть стемнѣло, я въ садъ, залегъ въ кусты и лежу, жду. Вижу, вошла къ себѣ въ комнату со свѣчей, занавѣсъ спустила. На селѣ, слышу, пробило на колокольнѣ сколько-то... Огонь у нея потухъ.

Иду... А сердце такъ и ходитъ, того гляди, разорвется... Влѣзъ на подоконникъ, спрыгнулъ въ комнату.

— Опять?—слышу голосъ.

— Опять...—говорю.

Зашевелилось что-то.

— Бей,—говорю,—одинъ конецъ...

— Что такъ?

— А такъ ужъ,—говорю.

Зажгла огонь.

— Что тебѣ надо?

И какъ увидалъ я ее, такъ во мнѣ опять все и заполыхало.

— Тебя,—говорю,—надо,—вотъ что!..

Гляжу на нее, и самъ не знаю, что со мной дѣлается: и избилъ бы ее, истерзалъ бы всю, и замиловалъ бы до смерти... А то вотъ словно сѣлъ бы у ея ногъ да и давай бы ревѣть... И избилъ бы всю...

— Душу ты изъ меня всю вынула, вѣдьма,—говорю, а самъ, какъ листъ осиновый, дрожу.— Чортъ, говорю, ты, а не баба. Ну, бей, говорю. Все равно пропадать... Только не тяни, говорю, а то истерзаю я тебя, какъ не знаю что...

Поднялась на локоть, смотритъ на меня. Головой качаетъ...

— Нѣтъ, не растерзать тебѣ меня,—смѣется.— Силенки у тебя нѣтъ... Вотъ во всемъ домѣ только старикъ одинъ, да двѣ бабы, да я... а боишься... На, вотъ и это возьми. И безъ этого ничего ты мнѣ не сдѣлаешь...

Протягиваетъ мнѣ пистолетикъ свой, а сама усмѣхается.

— Ой, говорю, не смѣйся!.. Ой, не шути!..

А самъ дрожу.

— Не боюсь я тебя...

Ка-акъ я брошусь на нее, какъ вцѣплюсь ей въ плечи!.. Голова закружилась, полъ подъ ногами ходуномъ пошелъ... Трясу я это ее, впился, какъ звѣрь, трясу, а она хоть бы слово,—смѣется, чортъ!.. И вдругъ мнѣ жаль ее стало,—просто до слезъ. Пустилъ я ее и такъ мнѣ тошно стало, хоть въ петлю... А она лежитъ, такая бѣлая, пригожая... И припалъ я къ губамъ ея да такъ и впился, словно всю душу ея впить въ себя хотѣлъ...

Оттолкнула она меня эдакъ легонько, сѣла.

— Ну, слушай, — говоритъ, и голосъ эдакій сурьезный сталъ.—Любишь ты меня?

— Люблю, говорю.

— Исполнишь,—говоритъ,—что я попрошу?

— Все исполню, говорю.

— Ну, ладно, — говоритъ, — эта ночь твоя... А завтра, чтобы тебя здѣсь не было... Понялъ?

Каково загнула? А? У меня вся душа такъ на дыбы и встала: Какъ такъ, чтобы не было?.. Да ни за какія!..

— Слушай, — говоритъ, — больше дѣлать намъ нечего. Полюбила я тебя, скрывать не буду, но только вмѣстѣ намъ не жить... Потому не пара мы, не одного поля ягоды... И уходи теперь, потому послѣ еще тяжелѣе будетъ.

Какъ ни вертись, вижу, вѣрно говоритъ.

— Ну, понялъ?—говоритъ.

— Понялъ...

— Согласенъ?..

Эхъ, здорово трудно было, а ничего не подѣлаешь.

— Согласенъ, говорю.

— Ну, я тебѣ вѣрю...—говоритъ. — Иди сюда...

И обвила меня руками.

— Сильный ты,—шепчетъ.—И люблю я тебя за это... У насъ такихъ нѣтъ...

Ну, очнулась на зорькѣ да и говоритъ:

— Иди теперь, пора... Только помни, что обѣщалъ...

Такъ во всѣ глаза и глядитъ на меня, — вотъ-вотъ заплачетъ... Только нѣтъ, выдержала... А видно, что тяжко... А зорька за садомъ горитъ,— вотъ-вотъ солнце встанетъ...

— Иди, говоритъ...

Поглядѣлъ я на нее въ останный разъ... Прижалась ко мнѣ, обнимаетъ... Схватилъ, на столикѣ лежало, колечко ея да кы-ыкъ въ окно ахну, кы-ыкъ стегану!..

Прилетѣлъ въ село... Пароходъ бѣжитъ... Я на него... Дуй!.. Чеши, чортъ тебя побери совсѣмъ!.. Полный!..

Припалилъ въ Нижній и напился пьянымъ до полусмерти. Проспался—еще, а потомъ еще...

Ну, дня черезъ три, какъ выпустилъ я пары-то немного, попалъ я на Самолетскую пристань пароходы выгружать,—потому безъ гроша остался... Злой, какъ чортъ... Тянетъ меня опять къ ней, просто бѣда, чую, что не вытерплю... Ну, разъ утромъ грузимъ мы это пароходъ верховой... Отгрузились, свистокъ... Стою я это, потъ вытираю, глядь на палубѣ—она!.. А пароходъ ужъ отвалилъ, колесами лопочетъ... Такъ во мнѣ все и затрепыхалось... Увидала меня, вздрогнула, приглядывается — потому въ лохмотьяхъ весь и грязный, какъ чортъ болотный. Узнала... Бѣлая вся стала... Головой эдакъ легонько наклонилась... А я столбъ столбомъ, какъ жена Лотова, смотрю на нее... А пароходъ все дальше да дальше... И... и... эхъ, да что ужъ...

Помолчавъ мгновенье, видимо, взволнованный, зимогоръ продолжалъ тихо, точно размышляя:

— Сперва думалъ, за мной поѣхала... Дескать, не выдержало сердце... А потомъ понялъ, что отъ меня... Боялась, что слово свое не исполню... И уѣхала... Ну, и опять закрутилъ я, и долго крутилъ... Потомъ маленько полегчало мнѣ, а потомъ и совсѣмъ все прошло... А только и теперь вспомнишь, такъ засосетъ... Вотъ это баба!.. Эта,

братъ, бякать не будетъ... Эта своей дорогой идетъ: никакихъ бакановъ ей не нужно и на всякій перекатъ наплевать... И про соломинки-то говорила, такъ это такъ только... сумлѣнье одно... Эти не только чрезъ соломинку, чрезъ каменную стѣну перешагнутъ, коли видятъ, что перешагнуть нужно.

— А видалъ ты ее послѣ?—спросилъ Василій, находившійся, очевидно, подъ сильнымъ впечатлѣніемъ разсказа.

— Нѣтъ, не видалъ... Не ходилъ я больше въ тѣ мѣста. Все больше коло Рыбинска околачиваюсь да по Шекснѣ вотъ... Потому и здѣсь народъ тоже рѣчной, вольный... Люблю я это...

— А... колечко ея гдѣ?—спросилъ Василій.

— Пропилъ...—отвѣчалъ матросъ. — Сперва на гайтанѣ съ крестомъ все носилъ, а потомъ пропилъ...

— И то дѣло...—вздохнулъ старовѣръ...

Молчаніе.

— Да... Вотъ посмотришь эдакъ-то вокругъ себя,—задумчиво проговорилъ зимогоръ,—и видишь, какъ жизнь-то люди понимать не могутъ... Все съ опаской да съ оглядкой... Вродѣ какъ по канавѣ плывутъ...

— Какъ это такъ по канавѣ?

— А такъ... Вотъ въ „Черную гряду"*) при-

---

*) Черная гряда—шлюзъ на Маріинской системѣ, первый отъ Рыбинска. „Канавами" зовутъ на системѣ каналы.

демъ, и посмотри, какъ по канавѣ-то плаваютъ... Посадятъ тебя въ клѣтку, за шлюзы-то за эти, да и напустятъ воды, сколько слѣдуетъ, по плепорціи. А потомъ поднимутъ шлюсь: пожалуйте, съ Богомъ... И иди, да только тихимъ ходомъ, чтобы берега не подмывало; волну-то не разводи... По стрункѣ иди, гляди впередъ въ оба,—потому узко... Вотъ такъ и люди живутъ... А зачѣмъ?.. То ли дѣло, вышелъ изъ канавы-то да и дуй...

— Это какъ есть...—вздохнулъ Василій и поднялъ глаза въ небо, точно спрашивая его о чемъ-то.

— И по канавѣ-то идутъ какъ... — продолжалъ матросъ. — Смотрѣть тошно... Все, какъ барку, буксиромъ тяни... А самъ что нейдешь? А чортъ его знаетъ что... Барки... Куда ее рѣка, али вѣтеръ, али лошадь тащитъ, туда и ползетъ. А пароходъ самъ себѣ господинъ, у него свой ходъ...

И вдругъ, неожиданно обратившись ко мнѣ, зимогоръ воскликнулъ:

— А ты что молчишь, баринъ? Али не такъ я говорю?

— Нѣтъ, такъ,— отвѣчалъ я.—А только... если пароходу ходу не даютъ, тогда какъ?

— Это никакъ невозможно, — съ убѣжденіемъ отвѣчалъ онъ, тряхнувъ головой.—Не даютъ, такъ самъ возьми... Лобъ расшиби, а по своему поставь...

— Да, такъ если...

— А то какъ же?... Какъ человѣку можно дорогу загородить?.. Нельзя этого, если онъ не хочетъ...

Онъ помолчалъ, точно соображая.

— Только человѣкъ долженъ отрѣшиться, — продолжалъ онъ.—Свободно чтобы было, хочется? Можно,—отрѣшись...

— Отъ чего?

— А отъ всего. Вотъ на тебѣ картузикъ шелковый, рубля два, поди, плоченъ, и сапожки, и на шеѣ вонъ удавочка съ двумя балабошками, въ одномъ карманѣ часики, въ другомъ денежки, въ третьемъ платочекъ... Каюту тебѣ подавай съ лестричествомъ... Артишоки тебѣ, какъ вонъ моей Марфуткѣ, поди, нужны... А отними у тебя все это, каковъ ты человѣкъ тогда будешь? Самый разнесчастный... Привязанности въ тебѣ ко всему много, а это все вродѣ, какъ цѣпи... А коли хочешь, чтобы тебѣ ходъ вездѣ былъ, такъ удавочку-то сними, и часики, и картузикъ... Вотъ гляди на меня: портки, рубаха, жилетка да картузъ... да еще поясокъ,—весь тутъ, кругомъ шестнадцать, яко благъ, яко нагъ, яко нѣтъ ничего... А посчитай-ка на себѣ—поди до сотни насчитаешь этихъ балабошекъ-то... Сними ихъ, тогда тебѣ и слободно будетъ... И будетъ тебѣ ходъ повсюду, безъ фарватера...

— Иванъ!..—крикнулъ кто-то съ мостика.

— Здѣсь...—отозвался матросъ, чуть поворачивая голову по направленію зова и, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжалъ спокойно: — только часики эти съ балабошками сними... Тогда и слободно будетъ.

— Эхъ, парень!.. Тебѣ ли про слободу толковать?.. — укоризненно проговорилъ голосъ сзади меня.—Слобода, слобода... А какая это слобода, коли всякая баба тебя на ниточкѣ на край свѣта уведетъ?..

Я обернулся: это былъ какой-то темный, оборванный и худенькій человѣчекъ, похожій на странника. Лица его не было видно, онъ стоялъ спиной къ лунѣ.

— Безъ бабы не проживешь, милый человѣкъ...— просто отвѣчалъ матросъ, чуть вздохнувъ, и, помолчавъ одно короткое мгновеніе, заговорилъ медленно-медленно, точно боясь выпустить что-то изъ души, какую-то тайну, которую онъ берегъ для себя. А ты... вѣрно говоришь... Кабы да отрѣшиться и отъ нея... еще бы лучше, вольнѣе было... И она... тоже, какъ шлюсь... Потому къ ней душа привязана и того... полету-то ужъ и нѣтъ... Это ты вѣрно... Тогда совсѣмъ бы вольный человѣкъ былъ... Только съ сердцемъ-то не сладишь...

— А ты сладь...—живо отвѣчалъ странникъ.— Потому не сладишь, тебѣ же хуже будетъ, чудакъ человѣкъ! А рай *) ты врагъ себѣ, ну? Ты понять должòнъ,—все понять наскрозь... Вонъ ты давеча про слабаго-то говорилъ,—кажись бы и правильно, а разберешь, и выходитъ правильно да не совсѣмъ...

— Это какже такъ?—спросилъ зимогоръ.

*) Развѣ.

Всѣ съ любопытствомъ посмотрѣли на странника.

— А такъ...—сказалъ онъ мягкимъ, груднымъ голосомъ.—Слободы тебѣ нужно, такъ ли? А ты подумай-ка: отчего ея нѣтъ? Привязанности въ людяхъ много, — вѣрно... Отрѣшись — вѣрно... А въ зубы-то зачѣмъ всякому самъ норовишь—ну?

— Зачѣмъ въ зубы? И въ зубы зря не надо...— проговорилъ матросъ. — Ты меня не тронь и я тебя не трону... А ежели самъ напираешь, такъ не взыщи...

Странникъ неодобрительно крякнулъ.

— Потому свое мѣсто знай...—замѣтилъ матросъ.

— Правильно...—тряхнулъ головой Василій.

— Анъ и нѣтъ, анъ неправильно...—воскликнулъ странникъ. — Онъ напираетъ, а ты плюнь, не связывайся... Потому дуракъ, значитъ, ежели напираетъ...

— Что же, по твоему, ѣздить на себѣ всякому дать, что ли?

— Зачѣмъ ѣздить? Это тоже не рука...—отвѣчалъ странникъ. — Ѣздить не давай, а въ зубы тоже не моги...

— Да какже быть-то?

— А наплюй, отойди...—повторилъ странникъ, подвигаясь ближе.—Потому пойми, дурашка: онъ на тебя напираетъ, ты на него да еще на кого, а тотъ еще... Поэтому слободы-то и нѣтъ, что всѣ напираютъ... Чѣмъ бы жить, люди только зубами

другъ на друга все лязгаютъ да по собачьи урчатъ. Нешто можно жисть на напираніе тратить? Напираетъ, — значитъ, дуракъ... А ты, коли все наскрозь понимаешь, наплюй да отойди... Пусть его въ пустое мѣсто претъ...

— Такъ въ чемъ же жизнь-то тогда будетъ?— спросилъ я, заинтересовавшись. — Напирать не нужно, картузика, какъ вонъ Иванъ говоритъ, не нужно, бабы не нужно, ничего не нужно,—жить-то чѣмъ тогда?..

Странникъ обернулся ко мнѣ и внимательно посмотрѣлъ на меня своими большими, полными какого-то жидкого свѣта глазами, — одними изъ тѣхъ глазъ, которые, кажется, видятъ всегда что-то такое, что скрыто отъ другихъ. По его блѣдному исхудалому лицу скользнула легкая, свѣтлая улыбка.

— Въ чемъ тогда жизнь будетъ?—повторилъ онъ, опираясь обѣими руками на посохъ.—Этого словами не скажешь, братикъ... Это человѣкъ чувствовать должонъ... Ну... вольнó тогда будетъ... лёгко... Поглядѣлъ на небо — чудесно, на рѣку, скажемъ, — чудесно, на людей — опять чудесно... Въ томъ и жизнь... Лёгко чтобъ было... Веселó... Понялъ?..

Зимогоръ глубоко прерывисто вздохнулъ и молча, пытливо посмотрѣлъ на странника...

— А вѣдь, пожалуй... того... и правильно онъ говоритъ...—проговорилъ онъ задумчиво.

— Иванъ!..—крикнули опять съ мостика.

— Н-ну, не терпится...—проворчалъ матросъ и отвѣтилъ:—здѣсь!

— Чего-жъ ты тамъ чешешься?

— Чай, не горитъ...

— Ну, поговори тамъ еще, чортъ...—разразился кто-то.—Я тебѣ поговорю... я тебѣ покажу...

— Ну, чего ты покажешь?.. Видывалъ я...—отвѣчалъ Иванъ, лѣниво вставая.—Вотъ видишь, я и иду, а ты кричишь... А еще помощникъ называешься, картузъ съ позументомъ носишь... Вродѣ, быдто, барина... Ну, чего вамъ?..

— Поди, погаси огонь въ первомъ классѣ...

— Ладно... Погасимъ... И безъ крику погасимъ... Потому кричать тебѣ не къ лицу—помощникомъ называешься, вродѣ быдто барина...

Кто-то засмѣялся... Помощникъ выругался...

Иванъ медленно спустился въ темный люкъ...

— Молодъ еще, потому...—задумчиво проговорилъ странникъ.—А придетъ время, Господь дастъ, укротится сердце и раскроются глаза-то у души, и видно все будетъ... Потому съ душой человѣкъ, живой... Только до точки настоящей еще не дошелъ...

И, помолчавъ немного, онъ вздохнулъ и проговорилъ какъ-то особенно мягко и ласково:

— Что-жъ, вздремнуть рай маленько, до солнышка?.. Ишь ночка-то прошла, и не видали...

Онъ снялъ свою скуфеечку, набожно перекрестился и, положивъ свою котомку въ головы, легъ на полъ, около трубы, легъ какъ-то особенно

хорошо, уютно,—чувствовалось ясно, что на душѣ у него теперь „чудесно"...

Звѣзды за кормой погасли... Луна, поблѣднѣвшая и томная, устало спускается за далекій сосновый боръ. На востокѣ уже забѣлѣлось... Легкій, едва замѣтный парокъ скользитъ по зеркальной поверхности рѣки и таетъ въ тихомъ посвѣжѣвшемъ воздухѣ, напоенномъ ароматомъ свѣжескошенной травы.

Какіе-то сѣрые холодные тоны легли на рѣку, на небо, на прибрежные лѣса и луга,—разсвѣтъ скоро...

Пароходъ громко и протяжно заревѣлъ. Могучій звукъ тяжело ударился нѣсколько разъ о хмурые берега и умеръ гдѣ-то за лѣсомъ... Вдали слабо свѣтились блѣдные огоньки: это была „Черная Гряда"...

Авангардъ

Громадный бѣлый пароходъ, обогнувъ синѣющій вдали мысъ Сорренто, быстро несся по голубому заливу къ Неаполю.

— „Вильгельмъ Великій"...—проговорилъ хозяинъ отеля, стоявшій рядомъ со мной на набережной.

— Откуда?—спросилъ я.

— Изъ Южной Африки... Онъ долженъ привезти намъ интересныхъ гостей...

— Какихъ гостей?..

— Пять нѣмцевъ... Мнѣ телеграфировали оставить комнаты для нихъ...

— Что же въ нихъ интереснаго?

— А какъ же: колонизаторы... Ихъ много здѣсь проѣзжаетъ. Туда ѣдетъ—едва-едва на билетъ соберетъ, а оттуда, черезъ нѣсколько лѣтъ, уже съ состояніемъ... Золотое дно...

— Куда же именно они ѣдутъ?

— И въ Трансвааль, и въ свои восточныя владѣнія... Больше однако къ себѣ...

Вечеромъ того же дня моимъ сосѣдомъ по table d'hôte'у оказался высокій, сильный мужчина съ открытымъ, смѣлымъ, загорѣлымъ лицомъ. Хотя по всему было видно, что въ такъ называемомъ „порядочномъ" обществѣ пріѣзжій вращался мало, тѣмъ не менѣе держался онъ очень увѣренно, громко спрашивалъ у лакеевъ вина, съ аппетитомъ, не стѣсняясь, ѣлъ, авторитетно сморкался, чѣмъ приводилъ присутствовавшихъ англичанокъ въ большое негодованіе. Я съ любопытствомъ смотрѣлъ на интереснаго путешественника и его такихъ же сильныхъ, увѣренныхъ въ себѣ товарищей, ожидая случая ближе познакомиться съ этими передовыми бойцами, разносящими нашу культуру въ глухіе, забытые Богомъ, уголки земли... Случай этотъ не заставилъ себя ждать. Подвыпивъ немного и насытившись, мой сосѣдъ самъ обратился ко мнѣ съ какимъ-то вопросомъ о Неаполѣ, я отвѣтилъ, и разговоръ завязался.

— Вы, кажется, съ Германскимъ Lloyd'омъ пріѣхали?—спросилъ я.

— Да, на „Вильгельмѣ"...

— А-а... Издалека?

— Изъ Южной Африки, изъ нашихъ владѣній...

— Вы родомъ оттуда?

— Нѣтъ, на время ѣздилъ... Я всего восемь лѣтъ тамъ прожилъ. Теперь домой...

— Ну, что, какъ тамъ жизнь?—спросилъ я.

Нѣмцы переглянулись.

— Да какъ вамъ сказать?.. Жить можно...—отвѣчалъ мой сосѣдъ съ убѣжденіемъ.—Сперва трудно, а потомъ ничего, привыкаешь и даже такъ входишь во вкусъ, что... ха-ха ха!.. и домой не тянетъ...

Его товарищи шумно засмѣялись.

— Нѣтъ, это, положимъ, пустяки...—замѣтилъ одинъ изъ нихъ, державшій себя съ нѣсколько большимъ тактомъ (онъ былъ отставной офицеръ, какъ узналъ я потомъ).—Но жизнь ничего—жить можно... Только бросить надо всѣ старыя привычки, по другому смотрѣть на вещи... Тогда ничего...

— Какія привычки?..—спросилъ я.

— Да всякія... Жизнь суровая, широкая, требуетъ всѣ силы, все вниманіе, раздумывать, колебаться некогда,—чтобы разъ-два и готово...

— Чѣмъ же, собственно, занимаются тамъ колонисты?

— Всѣмъ... Тамъ мало такихъ, которые бы занимались однимъ дѣломъ,—отвѣчалъ мой сосѣдъ, положивъ локти на столъ и потягивая вино. — Тамъ нужно все умѣть. Земля—земля, слоновая кость—слоновая кость, страусъ—страусъ, водка—водка,—все чтобы въ дѣло шло при случаѣ... Вотъ я, напримѣръ, сѣлъ на землю сперва, два года работалъ, скопилъ кое-что, продалъ землю, потомъ вглубь страны къ озерамъ съ караваномъ ушелъ, торговать давай, покупать, продавать, опять покупать, опять продавать. Съ неграми дѣло скоро дѣлается...

Всѣ усмѣхнулись.

— Prosit!.. — сказалъ одинъ, поднимая стаканъ.

— Prosit!..

Всѣ выпили и снова налили вина.

— Noch eine...—крикнулъ мой сосѣдъ, показывая гарсону на пустую бутылку.

Англичанки вдругъ всѣ встали и демонстративно удалились. Нѣмцы проводили ихъ насмѣшливыми взглядами и, такъ какъ завтракъ кончился, вынули портсигары.

— Скажите, пожалуйста, правда это, что разсказываютъ наши газеты о тяжеломъ положеніи черныхъ въ колоніяхъ?—спросилъ я.

Нѣмцы опять незамѣтно переглянулись.

— Ерунда!.. Чистѣйшая ерунда!..—воскликнулъ мой сосѣдъ.

— Но, однако, приводятъ факты...

— Такъ что же слѣдуетъ изъ этихъ фактовъ?.. Будь мы въ положеніи черныхъ, это такъ, но ихъ нельзя судить съ нашей точки зрѣнія... Въ этомъ вся и ошибка...

— Ну, я не думаю, чтобы была такая ужъ разница между людьми...—усумнился я.

— Ха, не думаете!.. — вдругъ покраснѣлъ нѣмецъ.—Въ этомъ-то вся и бѣда, что здѣсь никто ничего не знаетъ, и тѣмъ не менѣе всѣ „не думаютъ"!.. Чуть что—шумъ на весь міръ: варварство, жестокость!.. Съѣздите и узнаете...

Онъ почему-то сразу разгорячился.

— Проповѣдывать издали—одно, а дѣло дѣлать а мѣстѣ—другое...

— Ja, ja...—кивали головами нѣмцы.

— Попробуйте, обойдитесь безъ этого, безъ это-о „варварства“-то! Васъ и на недѣлю не хва-итъ—живьемъ сожрутъ васъ эти черные „братья“... I костей не разыщешь... „Братья“!.. Не братья, а волочь...

Товарищи его густо разсмѣялись.

— Тамъ безъ этого нельзя... Желѣзная рука ервое дѣло!

— Что вы, собственно, называете „желѣзной укой“?

— А то, чтобы его жизнь и смерть была въ ва-немъ кулакѣ—вотъ что!..—отвѣчалъ нѣмецъ, жавъ на столѣ свой могучій кулакъ.—Чтобъ онъ охнуть безъ разрѣшенія не смѣлъ въ вашемъ рисутствіи, чтобы трепеталъ день и ночь!..

— И они... подчиняются такому режиму?—спро-илъ я, невольно смущаясь.

— Какъ же онъ смѣетъ не подчиниться?..

— Что же ему будетъ, если...

— Все!..—стукнулъ нѣмецъ по столу—Все!.. Палка подъ рукой—голову размозжи, револьверъ—пулю въ лобъ, деревня—запаливай со всѣхъ кон-цовъ, а побѣгутъ—пулю вдогонку!..

— Ja, ja... Безъ этого нельзя...—говорили нѣм-цы.—Борьба... Если не вы, такъ васъ, — другого выбора нѣтъ.

Я понялъ по тону. что все. о чемъ они разска-

зывали, было ими продѣлано, и не разъ. Чувство глубокой непріязни поднялось во мнѣ къ этимъ здоровымъ, самоувѣреннымъ людямъ, но я сдержалъ себя, желая ближе познакомиться съ этимъ авангардомъ нашей культуры.

— Вся ошибка тѣхъ, которые, какъ вы, негодуютъ на эти... ха-ха-ха!.. жестокости, — продолжалъ мой сосѣдъ,—заключается въ томъ, что вы предполагаете въ негрѣ такого же человѣка, какъ и всѣ...

— Я думаю, это такъ и есть,—сказалъ я.

— Вы ошибаетесь, это совсѣмъ не такъ...—горячо возразилъ культуртрэгеръ.—Совсѣмъ не такъ. Это не человѣкъ и человѣкомъ никогда не будетъ... Это скотина, которая признаетъ только одно—палку... И скотина должна быть на что-нибудь полезна или убираться къ чорту. Мы расчищаемъ путь для... цивилизаціи, а на насъ же въ претензіи. „Варвары“, „злодѣи“!.. Ха, а не будь насъ, такъ, какъ было это съ сотворенія міра пустыней, такъ и осталось бы...

— Ja, ja...

— А теперь мы городовъ тамъ настроили, желѣзныя дороги провели, торговлю развили, земледѣленіе... Газеты, театры есть, рестораны!.. Ха!.. Что же, вамъ бы все даромъ дать это?.. Вамъ и даютъ даромъ, только не мѣшайте!..

— Ja, ja...

— Только не мѣшайте,—одно нужно, не больше... И все пойдетъ, какъ по маслу... За нѣмец-

кую Африку, чортъ возьми!..—поднялъ онъ стаканъ.—Hoch!..

— Hoch!.. Hoch! . Hoch!..

Всѣ выпили.

— Эй!.. Еще бутылку!..—крикнулъ одинъ изъ нихъ.

— За всѣхъ тѣхъ, кто работаетъ для нея не словомъ, а дѣломъ!.. Hoch!

— Hoch!.. Hoch!.. Hoch!..

— И что же: все, о чемъ вы разсказываете, дѣлается совсѣмъ открыто?—спросилъ я.

Нѣмцы немного замялись.

— М-м-м... — нерѣшительно промычалъ отставной офицеръ.—Видите ли, не надо думать, что все это... явленія, такъ сказать, обычныя, повсемѣстныя... Въ городахъ, по побережью, вы можете прожить годъ и не знать ничего объ этомъ,—тутъ жизнь уже, такъ сказать, въ рамкахъ. А это тамъ, въ глуши, гдѣ только этимъ и можно держать ихъ въ повиновеніи...

— Ja, ja... Это подальше...—разсмѣялись нѣмцы.— На свободѣ...

— Вы не повѣрите, на какія выдумки приходится иногда тамъ пускаться, чтобы образумить этихъ черныхъ чертей, — захохоталъ одинъ изъ культуртрэгеровъ, только что съ увлеченіемъ выпившій за процвѣтаніе нѣмецкой Африки и начинавшій пьянѣть.—Вотъ недавно... въ прошломъ году... или въ позапрошломъ?.. нѣтъ, въ прошломъ... взбунтовались черные,—чортъ ихъ знаетъ,

что имъ въ голову вступило!.. Ну-съ, а дѣло было внутри страны, туда, къ Матабелямъ... Кругомъ пустыня, глушь страшная. Мы — человѣкъ десять насъ было всего, бѣлыхъ-то, въ караванѣ, носильщики всѣ разбѣжались,—засѣли мы въ сарай какой-то, такъ, изъ прутьевъ сплетенъ, какіе-то торговцы устроили, сидимъ... Какъ тѣ сунутся, такъ мы сейчасъ „хлопъ", и—кубаремъ!.. Ну, и они не зѣвали: обзавелись ужъ которые ружьями, какъ же!.. Цивилизація... Ха-ха-ха!.. Ну, мы въ нихъ, они въ насъ—настоящее сраженіе... Только имъ-то насъ не видно, а они всѣ, какъ на ладонкѣ: любого выбирай! Однако, одному изъ нашихъ пробили таки голову... Сидимъ день, два, три, провіантъ у насъ начинаетъ подходить къ концу,—положеніе не изъ забавныхъ... А тѣ такъ кольцомъ и охватили, — о выходѣ и не думай!.. Да былъ съ нами миссіонеръ одинъ — ха-ха-ха!.. Онъ то насъ и выручилъ... Да вѣдь какъ!.. Мы было уже пробиваться хотѣли силой, — все одно, умирать, а святой отецъ и надумай. Стойте, говоритъ, я улажу дѣло... Ну, пришла это ночь, луна взошла... Свѣтло, просто, какъ днемъ... Вотъ святой отецъ сочинилъ себѣ балахонъ изъ простынь, одну простыню на голову повѣсилъ и—на крышу... Влѣзъ, сталъ по самой серединѣ и стоитъ, и руки поднялъ, вродѣ какъ благословляетъ. Посмотрѣть издали, ну, совсѣмъ женщина, вродѣ какъ съ неба спустилась... Бѣлая вся на лунѣ-то... Стоитъ нашъ отче и стоитъ... Вдругъ у тѣхъ

шумъ поднялся, дальше, больше... Забѣгали, засуетились, кричатъ... Что такое? „Бѣлая дама, бѣлая дама!..“ слышимъ... Ха-ха-ха!.. Увидали, значитъ... „Бѣлая дама“!.. и—въ разсыпную!

Всѣ захохотали.

— За кого же они приняли миссіонера?—спросилъ я.

— А за мадонну...—отвѣтилъ мой сосѣдъ.

— Развѣ среди нихъ есть христіане?

— Да, конечно... Среди тѣхъ, которымъ приходится часто сталкиваться съ бѣлыми,—среди носильщиковъ, напримѣръ. Вѣдь, это для нихъ пустое дѣло... Иные разъ по десяти крестятся,—только крестикъ блестящій имъ дай. Теперь еще не такъ, а раньше такъ все бери, только этихъ игрушекъ имъ дай!.. Ну, а окрестили, крестикъ дали, больше ничего ему и не надо... Какъ онъ молился своимъ деревяшкамъ, такъ и продолжаетъ молиться, развѣ только имена перемѣнитъ: одинъ — Христосъ, другой — св. Іосифъ тамъ, третій — мадонна... Да, на чемъ, бишь, я остановился?... Да!.. „Бѣлая дама! бѣлая дама!...“ И въ разсыпную... Думали, значитъ, сама мадонна къ нимъ на выручку явилась,—миссіонеры-то напѣли имъ въ уши: мы, дескать, съ небомъ свои люди... Ну-съ, они въ разсыпную, а мы, значитъ, въ карэ и впередъ!.. Мадонна наша впереди дуетъ и все благословляетъ, величественно эдакъ... Ха-ха-ха!.. А отъ тѣхъ и слѣда нѣтъ. Ну, и спаслись... А потомъ, недѣли черезъ двѣ, снова къ

нимъ въ гости нагрянули, цѣлымъ отрядомъ, расплачиваться... Ну, тутъ ужъ имъ такъ пришлось, что...

— Ja, ja...—перебилъ бывшій офицеръ, обмѣнявшись съ товарищами быстрымъ взглядомъ. — Безъ этого нельзя...

— Что же вы съ ними сдѣлали?—попробовалъ я осторожно.

Мой собесѣдникъ, понявъ предостереженіе офицера, спохватился.

— Ну... наказали тамъ, кого нашли виновнымъ...

— Какъ наказали?..

— Да какъ наказываютъ?.. Развѣ все упомнишь? Деревню, кажется, спалили... Повѣсили двухъ-трехъ...

Я понялъ, что большаго не добьюсь отъ нихъ, и мнѣ стало жутко: что же, значитъ, въ дѣйствительности тамъ было?

Я вспомнилъ обо всемъ, что приходилось раньше слышать о подвигахъ этихъ насадителей желѣзныхъ дорогъ, кабаковъ „и даже театровъ" въ пустыняхъ, и снова чувство непобѣдимаго отвращенія къ этимъ людямъ поднялось во мнѣ. Я всталъ изъ-за стола.

— Вотъ вы интересуетесь всѣмъ этимъ...—проговорилъ мой сосѣдъ, тоже вставая.—Пойдемте ко мнѣ, я покажу вамъ кое-какія вещицы, которыя я везу оттуда...

Я овладѣлъ собой и согласился, и мы подня-

лись въ комнату нѣмца, всю заставленную багажомъ.

— Большая часть ихъ, къ сожалѣнію, запакована въ этихъ ящикахъ, такъ что не достанешь,—сказалъ онъ.—Ну, а разная мелочь вотъ тутъ...

Онъ раскрылъ громадный, сильно потертый чемоданъ и началъ показывать мнѣ разныя диковинки: громадныхъ пестрыхъ бабочекъ въ коробкахъ, необыкновенно нарядную змѣю въ спирту, великолѣпные рога антилопы, двухъ безобразныхъ идоловъ, серебристые, изящные листики какого-то растенія, служащіе, по его словамъ, неграмъ табличками для записей, два дротика, небольшой щитъ, человѣческій черепъ съ дыркой во лбу и затылкѣ.

— Негръ?—спросилъ я, невольно содрогаясь.

— Да...—отвѣчалъ онъ и поспѣшно прибавилъ:—это не я, не я... Я его въ лѣсу нашелъ... Муравьи-то какъ обточили,—лучше всякаго препаратора...

Онъ вытащилъ большую папку.

— Вотъ здѣсь нѣсколько фотографій...—проговорилъ онъ.—Вотъ это мой первый домъ; видите, съ чего я началъ? Пришлось потерпѣть!.. Вотъ это—караванъ уходитъ внутрь страны: вотъ я,—похожъ?.. Вотъ мы на охотѣ, каковы?.. Смотрите, сколько набили, хоть лопатой греби тамъ звѣря... Вотъ это опять на охотѣ; каковъ экземплярчикъ-то?..—спросилъ онъ, щелкая ногтемъ по

фотографіи, изображавшей трехъ бѣлыхъ, сидѣвшихъ на громадномъ мертвомъ слонѣ, и нѣсколькихъ, вооруженныхъ копьями и ружьями, негровъ стоявшихъ вокругъ.—Ну, это опять караванъ... Это ихъ деревня... А вотъ это... тамошнія прелести...

Онъ какъ-то мерзко хихикнулъ и подалъ мнѣ фотографію. На ней были изображены двѣ совершенно голыя молоденькія негритянки въ крайне непристойной позѣ. Одна изъ нихъ какъ-то судорожно, неестественно отвернулась въ сторону.

— Что это, какъ странно она держится?.. — невольно спросилъ я.

— А отворачивается,—стыдно!.. Еще бы, тоже женщиной, вродѣ человѣка себя считаетъ!.. Стыдится... Ха-ха-ха!.. Сперва было ломалась—да пригрозили, ну, и того... А вотъ это другія... Посмотрите... Еще лучше...—проговорилъ онъ, смѣясь и подавая мнѣ пачку фотографій.—Да куда вы? Что съ вами?

Я бросилъ бывшую въ рукахъ у меня карточку и, ничего не отвѣчая удивленному культуртрэгеру, быстро вышелъ изъ комнаты.

Встрѣча.

Алексѣй Павловичъ поздравилъ хозяйку со днемъ ея рожденія, пожелалъ ей шутливо и любезно всякихъ благъ, выпилъ „съ холодку“ рюмку дорогого портвейна и съ сознаніемъ человѣка, исполнившаго свой долгъ, посмотрѣлъ вокругъ себя своими маленькими, сіяющими глазками... Среди гостей было много знакомыхъ. Алексѣй Павловичъ любезно раскланивался направо и налѣво, строго соразмѣряя свои поклоны съ рангомъ своихъ знакомыхъ. Отставному генералу, помѣщику, онъ поклонился очень почтительно, чуть не въ поясъ, и лицо его засіяло необычайно, когда отставное превосходительство протянуло ему руку, но тотчасъ же вся фигура Алексѣя Павловича измѣнилась, какъ только къ нему подошелъ молодой докторъ, только что начавшій практику: лицо сдѣлалось очень солиднымъ, станъ выпрямился и голосъ пріобрѣлъ какія-то особенныя, низкія, бархатныя нотки. Затѣмъ Алексѣй Павловичъ опять

просіялъ и мелкими шажками устремился на встрѣчу полной, великолѣпно одѣтой дамѣ, женѣ городского головы и милліонера; онъ сказалъ ей нѣсколько комплиментовъ, справился о здоровьѣ супруга, побранилъ погоду и, сладко улыбнувшись, ловко уступилъ свое мѣсто около милліонерши другимъ... Два молодыхъ земца подошли къ нему. Алексѣй Павловичъ опять сталъ солиденъ, но не строго, а снисходительно солиденъ, потрепалъ земцевъ по плечу съ видомъ человѣка опытнаго, понимающаго увлеченія молодежи, пошутилъ и первый засмѣялся на „а", точно смѣхъ его выходилъ откуда-то изъ живота: „ха-ха-ха!.."

Всѣ эти измѣненія фигуры, жестовъ, выраженія глазъ, голоса, — все это продѣлывалось Алексѣемъ Павловичемъ съ необычайной легкостью, почти безсознательно: долгая привычка выработала это мгновенное примѣненіе его организма къ окружающей средѣ. Его станъ сгибался или выпрямлялся, образуя углы отъ 90 до 179°, его лицо сіяло или застывало въ выраженіи какого-то особеннаго, почти неземного величія, помимо его воли, вполнѣ естественно, какъ естественно собакѣ при запахѣ дупеля замирать въ живописной стойкѣ, при приближеніи оборванца лаять, на ласку хозяина отвѣчать усиленнымъ маханьемъ хвоста. Эта способность или, вѣрнѣе, этотъ талантъ былъ совершенно неизвѣстенъ Алексѣю Павловичу въ молодости, но жизнь понемногу выработала

его и довела до совершенства. Благодаря именно этому таланту, Алексѣй Павловичъ считался теперь лучшимъ врачемъ N—ска, очень крупнаго губернскаго города, имѣлъ хорошій домъ-особнякъ, пару лошадей и богатыхъ кліентовъ, которые очень и очень цѣнили милаго Алексѣя Павловича, славнаго, любезнаго, милѣйшаго, добрѣйшаго Алексѣя Павловича... Въ свою очередь Алексѣй Павловичъ отвѣчалъ имъ горячей взаимностью; всякое недомоганіе ихъ, всякое „бобо“ тревожило его безконечно, и онъ употреблялъ все свое знаніе, всѣ улыбки, всѣ выраженія лица, всѣ сладчайшія интонаціи голоса для того, чтобы скорѣе избавить ихъ отъ этого „бобо“...

Алексѣй Павловичъ однимъ поклонился, нѣкоторымъ сказалъ нѣсколько комплиментовъ, другимъ улыбнулся, третьихъ похлопалъ по плечу и, выпивъ еще рюмку портвейна, собирался уже „повинтить“, какъ вдругъ за нимъ раздался голосъ хозяйки:

— Алексѣй Павловичъ, голубчикъ, можно васъ...

— О, Анна Петровна, весь къ вашимъ услугамъ...—горячо перебилъ ее Алексѣй Павловичъ и ясно улыбнулся.

— Одна дама желаетъ съ вами познакомиться или, вѣрнѣе, возобновить старое знакомство...—сказала, любезно улыбаясь, хозяйка, и показавъ рукой на стоящую рядомъ съ ней гостью, спросила:—не узнаете?

Алексѣй Павловичъ съ любезной, хотя нѣсколько

неувѣренной улыбкой, — точно онъ боялся улыбнуться слаще чѣмъ слѣдовало,—вглядывался въ лицо полной, нѣсколько грубо, хотя и богато одѣтой дамы, съ улыбкой смотрѣвшей на него своими большими сѣрыми глазами.

— Не узнаете?—засмѣялась она.—Хороши вы, мужчины, нечего сказать!.. А когда-то, вѣдь, ручки цѣловалъ...

Алексѣй Павловичъ недоумѣвалъ, но улыбался, видя, что брилліанты гостьи были очень крупные.

— Простите великодушно, но... — развелъ онъ руками...

— А Вѣру Гурьеву забыли?..

— Вѣру?.. Гурьеву?..—нахмурилъ брови Алексѣй Павловичъ, вспоминая, и вдругъ воскликнулъ:—Да неужели же это вы?.. Вѣра?!.. Не можетъ быть!..

— Наконецъ-то!..—засмѣялась барыня, подавая ему руку.—А не скажи я, такъ и не узналъ бы... А вѣдь ухаживалъ когда-то, ручки цѣловалъ!.. Ха-ха-ха...

И въ манерѣ говорить, и въ смѣхѣ, и въ брилліантахъ, во всей фигурѣ гостьи было что-то самоувѣренное, почти вызывающее: такъ держатся только люди, сознающіе свою силу и желающіе всюду, всегда и отъ всѣхъ признанія этой силы. Даже на невзыскательнаго въ этомъ отношеніи Алексѣя Павловича барыня произвела непріятное впечатлѣніе и, осыпая ее комплиментами, удивляясь, восклицая, онъ невольно вспоминалъ Вѣру

и сравнивалъ ее съ своей собесѣдницей... Узнавъ, что мужъ Вѣры Ивановны только что купилъ имѣніе подъ N-скомъ, гдѣ будетъ строить большую фабрику, Алексѣй Павловичъ любезно освѣдомился о его фамиліи и Вѣра Ивановна громко, самоувѣренно, точно тряхнувъ мѣшкомъ золота, назвала имя одного изъ извѣстныхъ капиталистовъ. Алексѣй Павловичъ почтительно поклонился.

Понемногу собесѣдники увлеклись разговоромъ, стали вспоминать прошлое. Вѣра Ивановна громко смѣялась надъ этими воспоминаніями смѣхомъ, въ которомъ слышалась не грусть о прошломъ, а легкое, снисходительное презрѣніе къ нему.

— Дури тогда много въ головѣ было... „Идей“ всякихъ... — сказала она. — Помните, вы стишки мнѣ ваши показывали—поэ-этъ!.. А ручки какъ цѣловали, а?.. Ха-ха-ха... Теперь ужъ не будете цѣловать?..

— И очень даже... Почему же нѣтъ?—протестовалъ Алексѣй Павловичъ.—И очень даже...

И взглядомъ онъ показалъ Вѣрѣ Ивановнѣ, что и теперь еще она можетъ сойти за даму, пріятную во всѣхъ отношеніяхъ. Та только разсмѣялась.

Не нервный человѣкъ былъ Алексѣй Павловичъ, привыкшій ко всему, но онъ не могъ побѣдить въ себѣ чувства какой-то непріязни къ Вѣрѣ Ивановнѣ; его раздражало въ ней все, и громкій разговоръ, и самоувѣренный смѣхъ, и ея шуточки. Въ полусумракѣ уголка гостиной, гдѣ они сидѣли, передъ нимъ упорно всплывалъ образъ

блѣдной дѣвушки съ большими серьезными сѣрыми глазами, съ роскошной золотой косой, со стройнымъ, гибкимъ станомъ. Какъ далеко то время и какъ оно близко! И какъ измѣнилось все!.. Точно это прошлое и настоящее были не части одной и той же жизни, а два отдѣльныхъ, совсѣмъ разныхъ существованія, точно тѣ люди и эти были двѣ разныя породы, чужія, враждебныя одна другой...

Алексѣй Павловичъ былъ въ странномъ состояніи. Его неодолимо тянуло заглянуть въ прошедшее, онъ ежеминутно задумывался, на минуту опять приходилъ въ себя, безсознательно, по привычкѣ, улыбался и опять задумывался. Ему было не по себѣ... Міръ былого, воскресшій вмѣстѣ съ блѣднымъ личикомъ стройной дѣвушки, столкнулся съ міромъ настоящаго, міромъ поклоновъ, самодовольнаго смѣха, богатыхъ гостиныхъ,—и это столкновеніе внесло разладъ въ душу Алексѣя Павловича. Этотъ разладъ все усиливался, усиливалось желаніе посмотрѣть назадъ, вспомнить, побыть одному... Алексѣю Павловичу стало почему-то очень грустно. На минуту онъ освободился отъ этого состоянія, взглянулъ на себя, какъ на посторонняго человѣка, со стороны, и искренно удивился: „что это со мной сегодня дѣлается?“— подумалъ онъ.

Онъ старался слушать Вѣру Ивановну, поддакивалъ, улыбался, но его болѣзненное ощущеніе все усиливалось и усиливалось, и Вѣра Ивановна раздражала его все болѣе и болѣе.

Онъ вдругъ всталъ и сталъ прощаться.

— Да куда это вы? — удивилась подошедшая хозяйка.

— Маленькій визитъ необходимо сдѣлать...— солгалъ Алексѣй Павловичъ.—Серьезный больной...

— Ну, вотъ, больной...—отозвалась хозяйка недовольно и съ милымъ цинизмомъ прибавила:— не умретъ... Подождетъ вашъ больной... Посидите еще...

— Долгъ прежде всего... — отвѣчалъ Алексѣй Павловичъ, стараясь улыбкой смягчить величественную суровость этой истины.

— Ну, долгъ,—протянула хозяйка.—Вѣра Ивановна, прикажите же ему остаться...

— Не послушаетъ теперь...—засмѣялась Вѣра Ивановна.—Если бы раньше, когда ручки цѣловалъ, тогда другое дѣло... Ха-ха-ха...

Это постоянное упоминаніе о цѣлованіи ручекъ почему-то очень раздражало Алексѣя Павловича.

— Экое... животное!..— подумалъ онъ и, любезно улыбаясь и извиняясь, простился съ дамами.

Чрезъ какія-нибудь двадцать минутъ онъ былъ уже дома, снялъ въ передней шубу и, предшествуемый лакеемъ, прошелъ въ свой огромный и роскошный кабинетъ. Лакей зажегъ лампу на письменномъ столѣ и спросилъ:

— Грогъ прикажете?

— Да, подай...

Алексѣй Павловичъ всегда пилъ грогъ по вечерамъ.

Лакей безшумно исчезъ. Алексѣй Павловичъ медленно снялъ фракъ и надѣлъ удобный халатъ, подбитый теплымъ и нѣжнымъ бѣличьимъ мѣхомъ.

— Нѣтъ, сюда...—сказалъ онъ лакею, ставившему дымящійся грогъ на письменный столъ.

Лакей поставилъ приборъ на маленькій столъ около низкаго дивана, заваленнаго подушками, и опять исчезъ.

Алексѣй Павловичъ зажегъ сигару и, откинувшись на подушки дивана, сталъ терпѣливо ждать пока его грогъ остынетъ. Отъ стакана тихо подымался легкій, нѣжный парокъ. Мысли Алексѣя Павловича невольно слѣдовали за этими сѣроватыми, точно кисейными, волнистыми струйками и вмѣстѣ съ ними понеслись куда-то далеко, далеко, — въ прошедшее. Алексѣй Павловичъ отдавался этимъ мыслямъ и воспоминаніямъ необыкновенно легко, съ какимъ-то особеннымъ удовольствіемъ. Вотъ оно, его прошедшее, встало предъ нимъ, какъ давно видѣнный и забытый прелестный сонъ, какъ чудная, но совершенно незнакомая страна,—Алексѣю Павловичу не было какъ-то времени заглядывать часто въ эту страну...

И среди ароматнаго пара, поднимающагося отъ грога, опять встало блѣдное личико дѣвушки съ большими сѣрыми глазами. Да, это Вѣра, это она, милая, прелестная дѣвушка... А вотъ и онъ, студентъ второго курса, съ едва пробивающимися усиками и длинными волосами. Онъ

встрѣтился съ Вѣрой только недавно, и она сразу остановила на себѣ его вниманіе...

Нѣсколько бѣглыхъ разговоровъ, и между ними возникла какая-то связь. Они стали искать новыхъ и новыхъ встрѣчъ, чтобы говорить, чтобы быть вмѣстѣ, чтобы испытывать эту невыразимо прелестную робость и волненіе зарождающагося чувства... Онъ, полный юношескаго пыла, полный высокихъ думъ и горячихъ, благородныхъ, чувствъ, говорилъ ей о жизни, о ея смыслѣ, о ея цѣли, говорилъ, что надо работать для другихъ, отдать имъ все, даже жизнь, если надо. И Вѣра внимательно слушала, широко открывъ свои чудные сѣрые глаза, и ея сердце говорило ей, что въ этихъ новыхъ для нея рѣчахъ—правда, что въ нихъ—счастье...

Ихъ чувство все росло...

Вечеръ... Лѣсъ затихъ, замеръ, облитый луннымъ свѣтомъ, охваченный страстнымъ дыханіемъ лѣтней ночи. Тихо все такъ, что кажется, слышенъ серебристый шопотъ звѣздъ,—нѣтъ, это не звѣзды, это гдѣ-то въ травѣ, подъ горой, звенитъ ручей... Слышно еще что-то, неуловимое, таинственное, немного пугающее... Душа просится изъ сладко-ноющей груди на волю, точно ей хочется раствориться въ этомъ тепломъ ароматномъ воздухѣ, улетѣть туда, въ высь, къ звѣздамъ, безконечно расшириться, залить весь міръ своей любовью и радостью жизни...

Замолкла горячая рѣчь Алексѣя Павловича,

не говорится ему ни о страданіяхъ людскихъ, ни о борьбѣ, чтобы уничтожить эти страданія,—слишкомъ хороша ночь, чтобы можно было вѣрить, что въ этомъ прекрасномъ мірѣ есть страданія, слезы, что надо бороться, жертвовать. Онъ замолкъ, и молча, безсознательно, глядѣлъ на взволнованную почему-то дѣвушку. Ея волненіе сообщилось и ему, смутило его, понесло куда-то высоко, высоко...

Онъ взялъ Вѣру за руку и чуть-чуть пожалъ ее. Слабое пожатіе въ отвѣтъ и—еще выше унесся онъ отъ земли, такъ высоко, что голова закружилась. Въ груди его загорѣлось что-то горячее, горячее... Онъ тихонько нагнулся и въ долгомъ, безмолвномъ поцѣлуѣ приникъ къ рукѣ дѣвушки...

И это все...

Они вскорѣ разстались и потеряли другъ друга изъ вида. Она, дочь богатаго водочнаго заводчика, осталась въ своемъ міркѣ, онъ, бѣдный, почти нищій, студентъ второго курса, продолжалъ свою работу, созиданіе фундамента для будущаго великолѣпнаго, какъ онъ тогда вѣрилъ, зданія жизни. Онъ страдалъ сперва въ разлукѣ, но молодость взяла свое, и онъ утѣшился. Но долго не могъ онъ забыть ни той ночи, ни того единственнаго, безмолвнаго, долгаго поцѣлуя. Эти короткіе моменты остались въ его воспоминаніи, какъ что-то необыкновенное, неземное, свѣтлое, ароматное, ему иногда казалось даже, что ничего этого никогда не было, что это былъ только сонъ...

— Такъ измѣниться!..

Вмѣсто граціознаго образа дѣвушки предъ нимъ всталъ образъ рослой, дородной Вѣры Ивановны, онъ услыхалъ ея громкій голосъ, деревянный смѣхъ, и ему показалось, что вотъ-вотъ она скажетъ опять что-нибудь о цѣлованіи ручекъ... Онъ досадливо тряхнулъ головой, чтобы не видѣть ее болѣе. Онъ какъ-будто испытывалъ къ ней злобу за то, что она такъ измѣнилась, за то, что этимъ измѣненіемъ она какъ бы нарушала чудную гармонію былого, той ночи, того единственнаго поцѣлуя...

Онъ всталъ, прошелся по комнатѣ и вдругъ сразу остановился, замѣтивъ свое отраженіе въ зеркалѣ надъ каминомъ. Да неужели же это онъ? Онъ пристально вглядывался въ черты своего лица. Да, это онъ, какъ это ни странно... Изъ зеркала на него внимательно смотрѣло полное, сытое лицо съ мелкими морщинками на лбу, на щекахъ, съ тяжелыми мѣшками подъ глазами... Сквозь жидкіе волосы просвѣчиваетъ лысина. Все это еще ничего бы, но выраженіе, выраженіе!.. Такъ и кажется, что сейчасъ все лицо расплывется въ сладкую улыбку и начнетъ кланяться кому-то въ пространство... Сколько въ немъ самоувѣренности, самодовольства, беззаботной сытости и чего-то сладкаго, заискивающаго!.. А вѣдь когда-то подъ этимъ черепомъ бились горячія, безпокойныя мысли, когда-то съ этихъ губъ слетали крылатыя, благородныя слова!.. Когда-то сердце билось въ

груди такъ часто и горячо, такъ умѣло оно болѣть, и негодовать, и восторгаться... Теперь же удары его также холодны и спокойны, какъ звукъ маятника въ сосѣдней комнатѣ...

И это онъ, Алексѣй Луговинъ, „Больная Совѣсть!"...

„Больная Совѣсть!"... Такъ въ насмѣшку звали его когда-то товарищи за его чрезвычайную чуткость ко всякой неправдѣ, скрытой въ отношеніяхъ людей между собой, въ самыхъ обыденныхъ явленіяхъ жизни, въ которыхъ никто не разбирается и на которыя никто и вниманія не обращаетъ, такъ онѣ обычны. А студентъ Алексѣй Луговинъ обращалъ вниманіе, вдумывался въ нихъ и искренно страдалъ. Случалось ему по дорогѣ въ театръ встрѣтить оборваннаго нищаго, на морозѣ, и весь вечеръ его былъ отравленъ: ему было стыдно расходовать на себя тридцать копеекъ— онъ ходилъ на „галерку",—въ то время, какъ есть люди, просящіе копейку на хлѣбъ! Его совѣсть говорила, что „такъ нельзя", а его молодость отвѣчала, что и онъ хочетъ хоть немножко жить, хоть немножко повеселиться; его разумъ доказывалъ ему, что если бы онъ и отказался отъ театра, то нищихъ отъ этого не убавилось бы. И весь вечеръ, во время спектакля, разумъ, молодое сердце и молодая совѣсть вели споръ между собой; опера не доставляла никакого удовольствія юношѣ, и онъ возвращался домой разстроеннымъ.

Иногда его товарищи собирались „туда", къ

женщинамъ, и звали его. Онъ краснѣлъ, хмурился и, чтобы сразу прекратить этотъ тяжелый для него разговоръ, уходилъ. Товарищи хохотали, называя его маменькинымъ сынкомъ, барышней, весталкой и пр... Вообще, къ женщинамъ онъ тогда питалъ нѣчто вродѣ религіознаго благоговѣнія, считая ихъ какими-то особенными, высшими существами, прекрасными и чистыми, и хотя въ воображеніи, разгоряченномъ молодой кровью, онъ и любилъ этихъ женщинъ, ласкалъ ихъ, боготворилъ, въ жизни онъ сторонился ихъ, избѣгалъ. Пользоваться же женской лаской за плату, ѣхать „туда"—одна эта мысль приводила его въ ужасъ и онъ часто, разгорячившись, произносилъ рѣзкія филиппики противъ „этого разврата", противъ „этой мерзости". За все это онъ и получилъ кличку „Больной Совѣсти"...

Съ теченіемъ времени эта болѣзненность, по мнѣнію его товарищей, его совѣсти еще болѣе обострилась и дѣло дошло до того, что Луговинъ часто сомнѣвался, въ правѣ ли онъ ѣсть обѣдъ за тридцать копеекъ, жить въ комнатѣ за семь рублей въ мѣсяцъ, сидѣть на лекціяхъ въ то время, когда другіе на него работаютъ.

Въ это время онъ кончилъ университетъ и вошелъ въ жизнь...

Тутъ воспоминанія Алексѣя Павловича потеряли свою ясность и вмѣстѣ съ ней интересъ. Онъ видѣлъ, что студентъ Луговинъ, „Больная Совѣсть", превратился въ „нашего милѣйшаго Алексѣя Па-

вловича“, но какъ это случилось, онъ прослѣдить не могъ,—до такой степени это совершилось исподволь, незамѣтно. Это превращеніе ему самому казалось теперь до такой степени страннымъ, удивительнымъ, что онъ просто не могъ вѣрить ему. Онъ снова принялся разглядывать себя въ зеркалѣ и съ недоумѣніемъ качалъ головой.

Потомъ вдругъ онъ вспомнилъ своихъ товарищей, и свое превращеніе сразу перестало казаться ему такимъ удивительнымъ и необычайнымъ. Онъ увидѣлъ, что такому превращенію подверглись всѣ... да, да, всѣ его товарищи, не многіе, а именно всѣ,—разница только въ степени. Тогда это были студенты, юноши, полные огня, благородства, чистыхъ побужденій, которыхъ не грязнили даже мимолетныя молодыя увлеченія, вродѣ поѣздки „туда“—не грязнило потому, что вслѣдъ за грѣхомъ шло глубокое раскаяніе, болѣніе, а потомъ вновь подъемъ духа, пареніе... А теперь всѣ они превратились въ Алексѣевъ Павловичей, въ безгрѣшно суровыхъ прокуроровъ, ловкихъ адвокатовъ, мудрыхъ докторовъ, благоразумныхъ профессоровъ... Одни изъ нихъ, какъ Алексѣй Павловичъ скоро забыли юношескія грезы и, поплававъ долгое время по теченію всевозможныхъ общественныхъ Drang'овъ, смѣло и откровенно заняли свое мѣсто на жизненномъ пиру и стали жить припѣваючи, тонко и умѣло лавируя между всякими подводными и надводными камнями; другіе еще „либеральничали“ въ клубѣ за бутылкой водки, громили среду,

такихъ людей, какъ Алексѣй Павловичъ, самихъ себя, но тѣмъ не менѣе крѣпко держались за свои болѣе или менѣе тепленькія мѣстечки, за повышенія, награды и прочія блага. Третьи, наконецъ, даже не оставляли, какъ будто, своихъ юношескихъ идеаловъ, но Алексѣй Павловичъ понималъ, что они только ловко пользовались этими идеалами для того, чтобы на нихъ выстроить зданіе собственнаго благополучія. Онъ вспомнилъ объ одномъ изъ такихъ, объ очень извѣстномъ писателѣ, пользующемся широкой славой либерала. Этотъ писатель плакалъ о голодномъ мужикѣ, громилъ, проклиналъ, призывалъ и—проживалъ до двадцати тысячъ въ годъ, жуируя за границей и упиваясь апплодисментами своихъ безчисленныхъ поклонниковъ дома...

Было нѣсколько и такихъ, которые долго оставались вѣрными „идеаламъ„ и „завѣтамъ“. Теперь они влачили жалкое существованіе въ затасканномъ среди Drang'овъ плащѣ разныхъ „традицій“, которыя для другихъ давно уже перестали быть традиціями. Между этими рыцарями забытыхъ словъ было много пьянчужекъ, которые, въ грязной портерной, послѣ нѣсколькихъ бутылокъ сквернаго пива, принимались плакать и иногда раскаиваться, иногда громить... Но отвѣтомъ на ихъ громы бывала лишь насмѣшливая улыбка. Да на утро, проспавшись, они и сами стыдились своихъ громовъ...

И, произведя этотъ мысленный смотръ своимъ прежнимъ пріятелямъ, Алексѣй Павловичъ какъ

будто поуспокоился: не онъ одинъ такой. Но это превращеніе людей, эта тайна жизни невольно влекла къ себѣ его умъ: почему это такъ все случается? Почему этотъ процессъ превращенія повторяется неизмѣнно съ милліонами людей: въ молодости герои, святые, а чрезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ... свиньи. Конечно, свиньи,—даже свой студенческій долгъ до сихъ поръ онъ не заплатилъ обществу вспомоществованія нуждающимся студентамъ... И не то, чтобы жаль этихъ денегъ ему, а такъ какъ-то все, сегодня да завтра, то некогда, то забылъ, то еще что-нибудь. Конечно, свиньи, — опять повторилъ какъ-то равнодушно Алексѣй Павловичъ. Этотъ эпитетъ ничуть не пугалъ его, онъ зналъ, что дѣло не въ названіи, не въ словѣ, онъ зналъ, что слово—это звукъ пустой, дымъ, а что скрыто подъ этимъ словомъ, такъ это знаетъ только онъ, а ему все равно... Другіе же зовутъ его нашимъ милѣйшимъ Алексѣемъ Павловичемъ.

Онъ хотѣлъ было вернуться къ загадкѣ этого превращенія, но почувствовалъ, что онъ утомленъ. Онъ сладко зѣвнулъ, подошелъ къ столику и выпилъ остатки остывшаго грога.

— Да и къ чему, въ сущности, всѣ эти умствованія? — подумалъ онъ. — Умствуй или не умствуй, — цѣна одна...

Безсознательно онъ обвелъ глазами свой обширный, дорогой кабинетъ, и сразу въ немъ зародилось сомнѣніе, свиньи ли, въ самомъ дѣлѣ, онъ и

всѣ тѣ другіе? Какъ ни какъ, онъ работалъ, добился своего, живетъ, какъ слѣдуетъ,—вѣдь, своимъ горбомъ все это добыто, не съ неба свалилось... И онъ почувствовалъ въ душѣ какое-то самоудовлетвореніе, какъ будто благодарность къ самому себѣ за то, что онъ добылъ себѣ и этотъ кабинетъ, и грогъ, и пару лошадей, и все... Не свиньи, а люди,—рѣшилъ онъ,—не святые, не герои, а простые, обыкновенные люди, какихъ милліоны...

Онъ испытывалъ пріятную истому во всемъ тѣлѣ и въ душѣ, точно его воспоминанія и думы были чѣмъ-то вродѣ легкой гимнастики или массажа. Онъ сладко потянулся, полулежа на мягкомъ диванѣ, и сочно, громко, до слезъ зѣвнулъ.

— Д-да... — пробормоталъ онъ. — Жизнь это жизнь...

И, хотя фраза эта рѣшительно ничего не значила, она почему-то окончательно успокоила его.

Внизу задребезжалъ колокольчикъ, глухо стукнула дверь.

— Кого это еще принесло?—съ неудовольствіемъ подумалъ Алексѣй Павловичъ и насторожился.

Скоро въ дверь осторожно постучали и вошелъ лакей.

— Просятъ къ больному васъ...

— Отъ кого еще?—недовольно спросилъ Алексѣй Павловичъ.

— Отъ г-жи Никитиной... Сынъ ея сильно за-

болѣлъ,—отвѣчалъ лакей.—Сразу схватило, говоритъ горничная...

Алексѣй Павловичъ мысленно прикинулъ важность,—для него,—этого визита.

— Ты сказалъ, что дома нѣтъ?..

— Такъ точно...—отвѣчалъ выдрессированный лакей.—Сказалъ, что у больного. Какъ, молъ, пріѣдутъ, сейчасъ доложу...

— Ну, и отлично...—замѣтилъ хозяинъ и, какъ-бы желая оправдаться, не скомпрометировать себя предъ лакеемъ, добавилъ ворчливо:—не машина тоже, а человѣкъ... И мнѣ нужно когда-нибудь отдохнуть...

Лакей многозначительно, но почтительно промолчалъ.

— Такъ, если опять придутъ, скажи, что не вернулся... Завтра утромъ съѣзжу...

— Слушаю-съ...

Лакей исчезъ.

Алексѣй Павловичъ быстро раздѣлся, тщательно вымылся холодной водой, легъ въ чистую, пріятно пахнущую свѣжимъ бѣльемъ, постель, зѣвнулъ раза три и заснулъ...

Всю ночь ему снился лѣсъ, лунная ночь и блѣдная дѣвушка съ большими глазами... Онъ громко храпѣлъ, а душа его просилась вонъ изъ тѣсной груди, туда, въ небо, къ звѣздамъ, и его сердце сладко замирало, когда онъ приникалъ въ долгомъ, безмолвномъ поцѣлуѣ къ горячей, чуть дрожащей отъ волненія, ручкѣ дѣвушки. На мгно-

веніе онъ просыпался, но тотчасъ же, повернувшись на другой бокъ, опять засыпалъ, точно торопясь къ своимъ грезамъ. И опять давно забытый поцѣлуй наполнялъ его душу неизъяснимымъ блаженствомъ, въ то время какъ носъ его выводилъ солидныя, бархатныя трели, сопровождаемыя легкимъ, подзадоривающимъ подсвистываніемъ...

Праздникъ.

Громадный, двухсвѣтный, залитый электрическимъ свѣтомъ, залъ фэшенэбельнаго и очень дорогого отеля Empress Palace весь блещетъ и горитъ... По бѣлоснѣжнымъ столамъ, среди фарфора, хрусталя и серебра приборовъ, протянулись изящныя гирлянды свѣжихъ розъ; цвѣтами же убраны и дорогіе массивные канделябры, и громадныя люстры, спускающіяся съ потолка, и блестящій, холодный мраморъ стѣнъ. Въ серебряныхъ вазахъ, какъ тяжелые слитки золота, рдѣютъ ананасы съ зелеными султанами, нѣжно-пушистые персики, сочныя тяжелыя груши, горятъ крупные апельсины, страстно краснѣютъ душистыя яблоки среди янтаря и пурпура винограда... Теплый, чистый воздухъ полонъ нѣжнаго аромата фруктовъ и умирающихъ цвѣтовъ... Въ окно, изъ-за тяжелыхъ бархатныхъ портьеръ, тысячью серебряныхъ глазъ робко глядитъ синяя итальянская ночь и, дивясь этому великолѣпію, точно стыдится своего скромнаго наряда...

Маленькій, розовый и необыкновенно опрятный maître d'hôtel окинулъ взглядомъ блещущую сервировку столовъ, толпу корректныхъ лакеевъ въ черныхъ фракахъ, музыкантовъ, торопливо настраивающихъ свои скрипки на хорахъ,—все было въ порядкѣ.

— Звоните!...

Одинъ изъ лакеевъ вышелъ изъ столовой и тотчасъ же гдѣ-то за стѣной завылъ гонгъ.

Maître d'hôtel распахнулъ широкія тяжелыя двери и въ залъ ворвался гулъ голосовъ многочисленной толпы, наполнявшей великолѣпные салоны отеля,—цѣлый рядъ громадныхъ комнатъ, устланныхъ толстыми коврами, полныхъ дорогой мебели, старой бронзы, картинъ, зеркалъ... Однѣ за другими въ залъ входили декольтированныя дамы въ шелку и бархатѣ и мужчины въ превосходно сшитыхъ фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ. Maître d'hôtel почтительно, но съ глубокимъ сознаніемъ собственнаго достоинства, кланялся имъ...

Бѣглый разноязычный говоръ, сдержанный смѣхъ, легкое шарканье ногъ наполнили залу. Нѣжный запахъ цвѣтовъ утонулъ въ ароматѣ дорогихъ духовъ и великолѣпіе стола какъ бы слегка померкло въ блескѣ драгоцѣнныхъ камней, обнаженнаго женскаго тѣла и дорогихъ, большею частью свѣтлыхъ, тканей.

Едва гости сѣли за столъ, какъ на хорахъ грянулъ оркестръ. Всѣ были немного возбуждены, довольны, веселы.

Начался обѣдъ...

Заботливо выдрессированные лакеи быстро и безшумно разносили на серебряныхъ блюдахъ изысканныя, хорошо пахнущія кушанья. Тутъ была и рыба Рейна, и нѣжныя лангусты, и ракушки Средиземнаго моря, и жирныя пулярды, и разукрашенные фазаны, и дичь изъ лѣсовъ Сибири, и вкусное pâté de foie gras, и нѣжная спаржа, и дорогія трюфели. Похожія однѣ на растопленный янтарь, другія на рубинъ, въ тонкихъ бокалахъ заискрились ароматныя вина...

Сдержанный вначалѣ, разговоръ началъ понемногу оживляться. Дамы, скрывая свою досаду на то, что ихъ сосѣдки были красивѣе ихъ, моложе, что ихъ костюмы были дороже, брилліанты крупнѣе, соперничали одна съ другой обворожительными улыбками, любезными фразами, изящными манерами. Мужчины сыпали комплиментами и всячески старались угодить своимъ сосѣдкамъ. Глаза ихъ незамѣтно скользили по обнаженному холеному тѣлу женщинъ и дѣвушекъ. И женщины и дѣвушки чувствовали на себѣ эти скользящіе взгляды и щеки ихъ становились все розовѣе. Когда глаза мужчинъ и женщинъ встрѣчались, то, казалось, что своимъ особеннымъ, горячимъ блескомъ они говорили одни другимъ что-то такое, о чемъ языкъ говорить не смѣлъ.

Пожилые завидовали молодымъ, некрасивые красивымъ, ненаходчивые остроумнымъ, и всѣ старались превзойти одинъ другого и употребляли

всѣ усилія, чтобы не показать какъ-нибудь то, что происходило въ ихъ душѣ, когда они видѣли себя не на первомъ планѣ. Только одинъ старичекъ,—когда-то левъ, а теперь нѣчто беззубое и накрахмаленное,—не удержался и пустилъ шпильку по адресу молодого, изящнаго дэнди, моднаго романиста, съ котораго дамы не спускали глазъ, и каждая фраза котораго вызывала у нихъ улыбки. Старичекъ съ добродушнѣйшимъ выраженіемъ на желтомъ, дрябломъ лицѣ, но съ жгучей завистью въ сердцѣ, пожалѣлъ вслухъ, что онъ не писатель, потому что писатель теперь — все: даже итальянскихъ теноровъ, и тѣхъ вытѣснили они изъ дамскаго сердца. Романистъ только слегка презрительно улыбнулся, а дамы разсердились и нашли старичка безтактнымъ. Сосѣдка его, пышная, великолѣпная блондинка, съ молочною грудью, позволявшая до сихъ поръ старичку дотрогиваться, какъ бы нечаянно, до ея обнаженной руки, теперь, когда онъ попытался повторить эту неосторожность, демонстративно отстранилась отъ него... Старичекъ понялъ, что сглупилъ, и разсердился на писателя еще болѣе. Многіе мужчины сочувствовали ему...

Но тутъ было подано шампанское и въ его золотыхъ волнахъ утонула и злоба, и зависть, и недовольство собой. Послышались поздравленія съ праздникомъ, шутки, пожеланія счастья, успѣховъ... Разговоръ сталъ еще оживленнѣе, смѣхъ еще непринужденнѣе... Часъ тому назадъ, въ салонахъ,

они осторожно разсказывали другъ другу разныя скандальныя исторіи о присутствующихъ, выражая свое презрѣніе, негодованіе, возмущеніе, но теперь всѣ эти чувства разсѣялись, какъ дымъ, и всѣ блаженствовали, довольные, любезные, снисходительные. Всѣ какъ бы забыли, что тотъ лысый, жирный банкиръ замѣшанъ въ скандальномъ процессѣ, что та пикантная дамочка со взоромъ чистаго ребенка живетъ en trois, что тотъ молодой великолѣпный dandy, членъ всѣхъ аристократическихъ клубовъ, состоитъ на содержаніи у той подкрашенной русской графини, что того сановитаго генерала, только что проливавшаго людскую кровь въ Китаѣ, печать обвиняла въ присвоеніи богатствъ, взятыхъ при грабежѣ дворца какого-то важнаго мандарина. Словомъ, все было забыто и всѣ, милые, добродушные, веселые, очень искренно были убѣждены теперь въ томъ, что и сами они очень хорошіе люди, и что вокругъ, подъ этими дорогими матеріями, бриллiантами, улыбками, красивыми жестами, непринужденнымъ смѣхомъ, ничего, кромѣ самаго хорошаго, не скрывается, и что во всемъ мірѣ, тамъ, за этими мраморными стѣнами, всѣ также сыты, пьяны и довольны.

Блѣдныя лица усталыхъ лакеевъ, на которыя набѣгала иногда легкая, осторожная тѣнь какой-то непонятной злобы на что-то или на кого-то, не останавливали на себѣ вниманія пирующихъ,— они, пирующіе, хорошо выучились не замѣчать того, что могло быть имъ непріятно, могло встревожить

ихъ, смутить ясный покой ихъ довольныхъ, ожирѣвшихъ душъ...

... И щеки гостей разгорались все болѣе и болѣе, все шумнѣе становилось въ великолѣпномъ залѣ, все тяжелѣе его ароматная жаркая атмосфера. И люди все ѣли и пили, пили и ѣли, и говорили другъ другу глазами то, о чемъ языкъ говорить не смѣлъ, и шутили, и смѣялись, — они праздновали годовщину рожденія бездомнаго нищаго изъ Назарета, Іисуса Христа...

НА УРОКѢ.

— Ахъ, да будетъ тебѣ шалить, Женя!—тоскливо замѣтила Марья Павловна своей ученицѣ, которая показывала ей, какъ умѣетъ „служить“ ея пинчеръ Мими.—Пора заниматься... Садись...

— Нѣтъ, вы посмотрите, посмотрите только, Марья Павловна... Ну, Мими?.. Ну, служи!.. Служи, говорятъ тебѣ!.. Ну?.. Ахъ, ты дрянь эдакая, будешь ты слушаться или нѣтъ?..

И она дернула Мими за ухо. Тотъ слабо взвизгнулъ и сталъ „служить“, робко моргая своими карими глазками.

— Смотрите, смотрите, Марья Павловна!.. У-у, ты мой милый!.. Правда, какой онъ умный?..

— Да, да... Оставь его... Садись...—такъ же равнодушно, тоскливо сказала Марья Павловна.

Сегодня она чувствовала себя такой усталой, такой разбитой, что даже сердиться на шалости Жени у ней не было силъ.

Наконецъ, Женя оставила Мими въ покоѣ, сѣла

къ піанино, лѣнивымъ жестомъ положила руки на клавиши и спросила равнодушно:

— Что играть?

— Конечно, гаммы... Что ты всегда глупости спрашиваешь?..

Женя начала гаммы, едва двигая вялыми, точно разваренными руками, и, очевидно, употребляя всѣ усилія, чтобы удержать зѣвоту. Во всей ея позѣ, въ выраженіи блѣднаго золотушнаго лица было видно полное безразличіе къ тому, что она дѣлаетъ, и страшная скука.

— Ну, что это, Женя, какъ ты руки сегодня держишь!—нервно воскликнула Марья Павловна, которой казалось, что Женя дѣлаетъ это нарочно, чтобы только разсердить ее.

Женя чуть пріободрилась, но не прошло и минуты, опять ея руки сдѣлались разваренными, и опять выраженіе безконечной скуки спустилось на ея лицо... Но у Марьи Павловны уже не было охоты поправлять ее и дѣлать ей какія бы то ни было замѣчанія. Пусть ее... Все равно, ни къ чему это не приведетъ. „Принято", чтобы „образованная барышня" умѣла хоть немного перебирать клавиши, — она и будетъ умѣть, а дальше здѣсь, какъ и въ большинствѣ случаевъ, дѣло не пойдетъ. Пройдетъ годъ, другой, третій, и Женя достигнетъ своей цѣли, то-есть будетъ разыгрывать ядовитыя польки, попури изъ русскихъ пѣсенъ да какой-нибудь вальсъ „Клико" или „Венецію"... И для этого нужно перенести столько скуки, труда,

непріятностей... И Марья Павловна должна добиваться, чтобы возможно скорѣе достигнуть этихъ результатовъ, должна потому, что ей платятъ за этотъ безсмысленный, безцѣльный, убивающій трудъ.

— Да держи же руки, какъ слѣдуетъ, Женя!..

Сколько уже такихъ Женъ перебывало у Марьи Павловны!.. Вся жизнь ея, молодая жизнь, уходила на эти безсмысленные уроки изъ-за грошей. День проходилъ за днемъ, слѣдуя одинъ за другимъ, какъ звуки однообразной гаммы, не оставляя на душѣ ничего, кромѣ усталости и горечи... Поднимается, поднимается гамма, — кажется, Богъ знаетъ, въ какую высь унесутся ея звуки, но нѣтъ, на одной, всегда на одной и той же нотѣ, она вдругъ останавливается и также медленно, постепенно начнетъ сползать внизъ; потомъ опять лѣниво, скучно начинаетъ взбираться вверхъ... И такъ изо дня въ день, изъ года въ годъ...

— Теперь что?—спросила Женя.

— Минорныя...—почти безсознательно отвѣчала Марья Павловна.

И опять звуки карабкались убійственно скучной чередой вверхъ, и опять лѣниво сползали внизъ, съ тою только разницей, что въ нихъ стала слышаться теперь одна невыносимо печальная, хватающая за душу, нотка. И эту нотку Марья Павловна знала очень хорошо: она слышалась въ ея жизни ежедневно, ежечасно, она всегда стояла въ ушахъ, какъ погребальный звонъ по молодымъ

надеждамъ и грезамъ. Да, жизнь кончена, хотя она и не начиналась еще. Впереди только этотъ противный, одуряющій трудъ и эти печальныя нотки минорныхъ гаммъ...

— Ля-бемоль!.. — чуть вздрогнула Марья Павловна, ухо которой рѣзнула фальшивая нота Жени.

Женя поправилась...

Сколько этихъ фальшивыхъ, рѣжущихъ ухо, нотъ пришлось выслушать Марьѣ Павловнѣ!.. О, какъ знакомы онѣ ей! И въ жизни ея нѣтъ-нѣтъ да и зазвенитъ этотъ фальшивый звукъ; затихнетъ онъ, а на душѣ опять тоска, грусть и страстное, неодолимое желаніе улетѣть куда-то, забыть все, отдохнуть, умереть... Но нѣтъ, жизнь лѣниво какъ Женя, поправляетъ эту фальшивую нотку, и опять начинается ея тоскующая минорная гамма.

Точно издалека долетали до Марьи Павловны звуки „экзерсисовъ", разыгрываемыхъ теперь Женей. Она смутно видѣла лѣнивыя, безобразныя движенія рукъ ученицы, но это не останавливало ея вниманія. Она была гдѣ-то далеко, далеко, въ царствѣ какой-то сѣрой, безпросвѣтной, тяжелой грусти... Голова ея горѣла и въ вискахъ что-то болѣзненно билось... Въ ногахъ она чувствовала непріятную влажную теплоту: идя на урокъ, она промочила ноги... Непремѣнно надо купить калоши... такъ нельзя... Сляжешь, что тогда?.. Ахъ, все равно... Только бы не видѣть ничего, не слышать, не чувствовать...

А „экзерсисы" шли одинъ за другимъ, соткан-

ные изъ необыкновенной, раздражающей скуки и упорнаго, тупого, идіотскаго терпѣнія... Они такъ надоѣли Марьѣ Павловнѣ, что она испытывала чувство физической тошноты и безсмысленную, дикую злобу къ тому, кто создалъ ихъ. Она готова была сорвать съ пюпитра эту истасканную тетрадь съ рядами черныхъ знаковъ, изорвать ее въ клочки, растоптать, а потомъ захохотать, заплакать, бить себя по головѣ, по лицу, чтобы заглушить въ себѣ все, все...

Но она только прижала къ вискамъ свои холодныя, слегка влажныя руки и закрыла глаза, усиленно ища во всѣхъ уголкахъ своей души хотя капельку терпѣнія... Да, да, скоро Женя кончитъ, еще только двѣ страницы... Но, Боже, какъ медленно двигаются ея пальцы!.. И затѣмъ она ногти грызетъ—какая гадость!.. Опять фальшиво—„редіезъ", а не „до"...

И опять раздражающая, бѣсящая скука звуковъ, ихъ идіотская плоскость и безсмыленность полилась, какъ отрава, въ душу Маріи Павловны съ этихъ черныхъ строчекъ... Опять она боролась съ дикимъ желаніемъ выбиться хоть какъ-нибудь изъ удушающаго кольца пошлости, которымъ эти звуки со всѣхъ сторонъ охватывали ее.

— Я кончила... — сказала Женя, вздохнувъ съ облегченіемъ.

Марья Павловна выпрямилась и тоже глубоко вздохнула, точно освободившись отъ дикаго, от-

вратительнаго кошмара. Теперь будетъ все-таки легче.

Женя взяла небольшой альбомчикъ дѣтскихъ пьесокъ, заключавшій въ себѣ рядъ „morceaux“ изъ разныхъ оперъ, балетовъ, увертюръ...

— Ты выучила новое?

— Да... Только трудно это...—отвѣчала Женя.

— Ну, играй, посмотримъ...

Новый „morceau“ былъ знаменитый дуэтъ изъ „Донъ-Жуана“, этотъ великолѣпный, блестящій рядъ бархатныхъ, стонущихъ страстью звуковъ. Но точно злой волшебникъ коснулся теперь этой страницы своими нечистыми чарами, точно своимъ ядовитымъ дыханьемъ онъ сразу изсушилъ вѣчно молодую красоту этихъ звуковъ, ихъ мощь, ихъ геній, и превратилъ ихъ въ нѣчто безсмысленное, деревянное, похожее на экзерсисъ, бьющее по измученнымъ нервамъ учительницы... Ее сперва возмутило апатичное, ремесленное отношеніе ученицы съ ея любимому композитору, ее душила злость къ „этой тупой дѣвченкѣ“, но она внутренно махнула рукой и опять закрыла глаза...

Вотъ, вотъ онъ, голосъ Донъ-Жуана, полный нѣги, чаръ любви, страстнаго зова... Какъ всколыхнулась вся ея душа, какъ рванулась она куда-то!.. Мурашки пробѣжали по спинѣ и все тѣло чуть вздрогнуло, точно почувствовавъ холодъ гордыхъ, чистыхъ вершинъ вѣчной красоты... И другой голосъ слышитъ Марья Павловна, не такой нарядный, блестящій, но тоже полный чаръ и

счастья. Вотъ въ темнотѣ—она все сидѣла съ закрытыми глазами, — среди расходящихся радужныхъ круговъ и бѣгающихъ золотыхъ точекъ, выплыло предъ ней знакомое, дорогое лицо... Вотъ тѣ глаза, волосы, большой бѣлый лобъ, красивый добрый ротъ... И эти глаза смотрятъ на нее пристально, и въ глубинѣ ихъ она читаетъ что-то необыкновенное, радостное, божественное... Она, какъ будто, слышитъ чрезъ нихъ дивную музыку его души, полной страстныхъ, жгучихъ мелодій. И ея душа опять встрепенулась, и робко присоединила свой голосъ къ музыкѣ его души, и понеслась куда-то въ лазурную высь, полную неземного блеска... Выше... Выше... О, какое счастье!..

Вдругъ отвратительная, рѣзко фальшивая нота ворвалась въ чудный дуэтъ любовниковъ Моцарта, и Марья Павловна вся вздрогнула, точно кто больно ударилъ ее.

— Ну, можно ли такъ, Женя?!..—со страданіемъ въ голосѣ воскликнула она.

— Я нечаянно... – отвѣчала дѣвочка равнодушно, продолжая играть.

Такъ же жизнь разбудила ее тогда, рѣзко, на фальшивой нотѣ оборвавъ чудную мелодію ихъ молодой любви. Даже любить было запрещено ей, любить горячо, беззавѣтно... Онъ былъ очень бѣденъ, она тоже,—надо разстаться, забыть другъ друга, угасить тотъ дивный огонь, который такъ согрѣлъ было ее, такъ ярко освѣтилъ блѣдныя сумерки ея жизни... И они разстались...

— Я кончила...—безучастно сказала Женя.

— Слѣдующую...—также безучастно, не раскрывая глазъ, отвѣчала Марья Павловна.

Въ деревянныхъ, бездушныхъ звукахъ, извлекаемыхъ Женей изъ разстроеннаго піанино, Марья Павловна узнала веселую, порхающую каватину изъ „Севильскаго цирюльника“, и эти смѣющіеся, жизнерадостные звуки тяжело, точно камни, падали въ ея душу и будили въ ней что-то такое, чему нужно было спать, спать, умереть... Горло дѣвушки судорожно сжалось и подъ опущенными вѣками зажглись горячія слезы...

— Нѣтъ, не надо, не надо...—мысленно проговорила она и, сдѣлавъ надъ собой усиліе, опять унеслась куда-то далеко, въ царство сѣрой, безконечной тоски, гдѣ нѣтъ ни слезъ, ни смѣха, ни горечи разочарованій, ни чарующаго, заманчиваго шепота надеждъ, гдѣ нѣтъ ничего, кромѣ мертвящаго холода, равнодушія, гдѣ жизнь спитъ тяжелымъ, одуряющимъ сномъ...

— Милочка, Марья Павловна, можно васъ попросить объ одномъ?—вкрадчиво сказала Женя.

— Что тебѣ?..

— Можно мнѣ сыграть теперь... вотъ это?..

И она, застѣнчиво улыбаясь, вытащила изъ-подъ кучи старыхъ нотъ новенькую тетрадку съ аляповатыми розами на обложкѣ.

— Что это?

— „Невозвратное время“,—отвѣчала дѣвочка.

— Неужели тебѣ это нравится? — воскликнула Марья Павловна.

— Ужасно нравится!.. Соня, моя двоюродная сестра, играетъ это... Она говоритъ, нетрудно...

— Если нравится, попробуй... Мнѣ все равно...

Раскраснѣвшаяся дѣвочка, чуть наморщивъ брови и ежеминутно фальшивя, стала нерѣшительно разбирать вальсъ... Марья Павловна слушала эту безтолковую, пошлую мелодію и думала, что и у ней также любовный дуэтъ, полный обаянія и захватывающаго счастья, смѣнился опять пошлыми, часто фальшивыми къ тому же, звуками обыденной жизни... И опять что-то, разбуженное въ глубинѣ души, шевельнулось въ ней, и опять слезы зажглись подъ опущенными вѣками. Горькое сожалѣніе о несбывшихся мечтахъ смѣнилось въ ней вдругъ могучимъ, безотчетнымъ порывомъ куда-то въ темную даль грядущаго, смутной, но горячей надеждой, что тамъ, гдѣ-то далеко, далеко, ее ждетъ ея счастье... О, туда, туда!..

Разстроенное піанино отвѣчало ей безобразными, фальшивыми звуками, въ которыхъ дѣвушка слышала свой приговоръ, свою судьбу... И порывъ замеръ...

— И это вся моя жизнь... — подумала она съ тоской.

— Молодчина... Здорово нажариваетъ...—послышался вдругъ отъ двери голосъ отца Жени.—Что это такое?

— „Невозвратное время“, вальсъ... — отвѣчала

дочь, вся вспыхнувъ. Она, воспитывающаяся въ пансіонѣ, барышня, стыдилась своего грубаго отца, подрядчика-каменщика.

— Такъ, такъ... То-то я слышу, знакомое...— говорилъ хозяинъ, здороваясь съ Марьей Павловной.—Это у насъ въ трактирѣ, у Тѣстова, машина играетъ... Славная штука...

Онъ помолчалъ, точно ожидая, что дочь будетъ продолжать, но она закрыла ноты и зѣвнула.

— Ну, какъ идетъ дѣло?..—кивнулъ на нее головой отецъ, обращаясь къ Марьѣ Павловнѣ.

— Ничего... Идетъ...—отвѣчала та и слегка покраснѣла, сознавая, что она лжетъ, что дѣло не идетъ и никогда не пойдетъ.

— Такъ, такъ... Старайся...—обратился хозяинъ къ дочери.—Выростешь, такъ замужъ скорѣй выдадимъ: музыкантша!.. Авось, приданаго меньше съ меня за это спросятъ... Глядишь, и съэкономилъ, и въ барышахъ...

И онъ громко разсмѣялся, очень довольный своей шуткой.

Женя опять покраснѣла...

ДЫМЪ.

Утомленный длинной прогулкой по Булонскому лѣсу, я опустился за круглый столикъ кафе. Это было кафе знаменитаго Максима... Предо мной широкая, красивая улица съ многоэтажными домами, съ роскошными магазинами; слѣва ее замыкаетъ красивый въ своей простотѣ фасадъ Madelaine, справа видна площадь Согласія съ ея обелискомъ, фонтанами, со статуей Эльзаса, закутанной траурнымъ крепомъ; эта переспектива замыкается высокими деревьями Тюльери и темнымъ зданіемъ палаты депутатовъ...

Былъ вечеръ. Заходящее солнце одѣвало великій городъ мантіей изъ пурпура и золота; чистое осеннее небо играло надъ нимъ переливами роскошныхъ цвѣтовъ, точно въ немъ отражалось величіе и вѣчная слава этого необыкновеннаго города. Въ этотъ часъ золотыхъ парижскихъ сумерекъ улица Royale всегда переполнена. Безчисленные экипажи тянутся въ городъ изъ Булон-

скаго лѣса безконечными рядами,—то гуляющая фешенебельная публика спѣшитъ домой къ обѣду. Иногда скопляется столько каретъ, ландо, автомобилей, колясокъ, всякихъ англійскихъ экипажей, что этотъ потокъ долженъ останавливаться, чтобы пропустить пѣшеходовъ и другой потокъ экипажей изъ боковыхъ улицъ.

Эта безчисленная элегантная толпа производитъ впечатлѣніе богатства, довольства, красоты и какъ нельзя болѣе подходитъ къ этой великолѣпной улицѣ. Эти высокіе дома, блестящіе магазины, дорогіе экипажи и лошади, красивыя женщины и мужчины въ безукоризненныхъ костюмахъ составляютъ одно цѣлое, неразрывно связанное, немыслимое одно безъ другого.

Мои глаза, утомленные этимъ безконечнымъ потокомъ незнакомыхъ лицъ, невольно искали отдыха и, поднявшись вверхъ, съ удовольствіемъ остановились на чистыхъ изящныхъ линіяхъ фронтона Madelaine, выдѣлявшагося на тихомъ вечернемъ небѣ. „Свобода, Равенство, Братство“,—безсознательно прочелъ я тамъ надпись, которой украшены во Франціи всѣ зданія, принадлежащія націи. Свобода, Равенство, Братство,—повторилъ я, и мнѣ показалось, что я слышу въ этихъ словахъ что-то новое,—не то напоминаніе о чемъ-то важномъ, но забытомъ, не то тихій укоръ какой-то, не то язвительную насмѣшку... Я долго внимательно всматривался въ каменную надпись, точно желая вырвать у нея ея тайну...

Вдругъ рѣзкій звукъ заставилъ меня вздрогнуть. Старикъ лѣтъ восьмидесяти, бѣлый, какъ лунь, въ истрепанномъ костюмѣ, предлагалъ мнѣ купить свистульки изъ каучука, сдѣланныя въ видѣ свиньи; я далъ ему какую-то монету и махнулъ рукой, отказываясь отъ свистульки, но онъ не уходилъ и, смотря мнѣ прямо въ глаза, осторожно вынималъ изъ кармана какія-то фотографіи.

— Нѣтъ, нѣтъ, благодарю, мнѣ не нужно,—сказалъ я ему, и онъ, поклонившись, пошелъ далѣе, издавая рѣзкіе звуки своими свистульками...

Передъ кафе уже выросла другая фигура: это былъ молодой человѣкъ, скорѣе даже мальчикъ, съ лицомъ, на которомъ голодъ и порокъ наложили свою ужасную, несмываемую печать. Онъ открыто предлагалъ купить маленькія статуэтки, изображавшія полуголую женщину въ непристойной позѣ. Въ кафе было много женщинъ; однѣ изъ нихъ краснѣли и дѣлали видъ, что не замѣчаютъ статуэтокъ, другія втихомолку хихикали. Мужчины двусмысленно улыбались; одинъ изъ нихъ купилъ статуэтку... Продавецъ хотѣлъ было бѣжать далѣе, но вдругъ его вниманіе привлекла толстая барыня, кормившая бисквитами безобразно жирную моську. Мальчикъ остановилъ на нихъ свинцовый, безсмысленный взглядъ и застылъ въ одной позѣ, какъ загипнотизированный. Неизвѣстно, что за мысли носились тогда въ его темномъ мозгу, но, вѣроятно, онъ завидовалъ жирной моськѣ.

Небо потухало. Въ окнахъ кое-гдѣ засвѣтились

огни. По улицѣ все гремѣли роскошные экипажи съ сытыми, довольными людьми. Въ кафэ стало шумнѣе. Появилось много женщинъ, одѣтыхъ въ дорогіе и экстравагантные костюмы; около нихъ толпились мужчины. Слышался смѣхъ, громкіе разговоры, щелканье пробокъ, звонъ посуды...

— Monsieur!..—слышу я робкій голосъ откуда-то снизу.

Передо мной калѣка, молодой, красивый мужчина, совсѣмъ безъ ногъ, передвигающійся съ помощью рукъ. Онъ протягиваетъ мнѣ коробку спичекъ.

Эта убогая фигура, этотъ робкій голосъ и умоляющій о подаяніи взглядъ больно ударили по нервамъ, какъ рѣзкая, фальшивая нота въ яркой симфоніи, полной блеска и веселья.

— Какъ это съ вами случилось? Давно ли?— невольно вырвалось у меня.

— Пять лѣтъ... Служилъ на желѣзной дорогѣ; локомотивомъ обѣ ноги отрѣзало... Семья на рукахъ,—жена, двое дѣтей...

Голосъ мягкій, искренній.

Спѣшно даю ему серебряную монету и онъ торопливо уползаетъ: запрещено безпокоить публику попрошайничествомъ. Меня охватила какая-то щемящая и холодная непонятная тоска и я, расплатившись, всталъ. Не успѣлъ я пройти и десяти шаговъ, какъ услышалъ за собой ласковый, тихій голосъ:

— Добрый вечеръ, дорогой мой... Ты скучаешь? Пойдемъ ко мнѣ... Ты знаешь, любовь...

Обертываюсь: предо мною одна изъ многихъ. На слегка подкрашенномъ, когда-то красивомъ, но теперь начинающемъ вянуть, лицѣ улыбка, которая была бы очень веселой, если бы въ углахъ рта не было двухъ чуть замѣтныхъ вертикальныхъ складокъ,—и сколько въ этихъ складкахъ было горечи, сколько грусти! Я посмотрѣлъ ей въ глаза,—нѣтъ, они не улыбались, они были такъ усталы, такъ безучастны...

— Ну? Идешь?—и опять эта улыбка.

Я покачалъ отрицательно головой, не спуская глазъ съ ея лица. Сразу потухла улыбка...

— Ну, такъ будьте добры, дайте, сколько можете... Я ѣсть хочу...—проговорила она низкимъ угасшимъ голосомъ.—Я сегодня не ѣла еще... Пожалуйста...

— Это правда?—спросилъ я.

Она ничего не отвѣтила, только чуть пожала плечами, но глаза ея сказали, что это правда...

Она взяла деньги съ нѣсколько удивленнымъ лицомъ, точно совсѣмъ не ожидала, что ея просьба будетъ исполнена, чуть пожала мнѣ руку и скрылась въ веселой элегантной толпѣ.

На углу что-то случилось. Любопытные парижане окружили тѣснымъ кольцомъ высокаго полицейскаго, который держалъ за плечо тщедушнаго испитого юношу въ изорванномъ, грязномъ

платьѣ, въ смятой шляпѣ, слишкомъ большой для его головы.

— Ага, попался, голубчикъ! — слышалось въ толпѣ.—Ему время нужно было узнать! На свиданье спѣшилъ... Какой ловкій!.. Еще секунда, и прощай бы часы...

— Теперь не уйдетъ,—громко заявилъ толстый, похожій на лавочника, мужчина въ цилиндрѣ.

У мальчишки перекосилось лицо и въ глазахъ его засвѣтилась дикая животная злоба; мнѣ показалось, что еще минута и онъ вопьется зубами въ руки полицейскаго, но онъ только нехорошо разсмѣялся и закричалъ:

— Да здравствуетъ анархія!.. Долой толстопузыхъ свиней!..

Полицейскій сильно тряхнулъ его за плечо, приглашая молчать, но мальчишка только злобно, нехорошо разсмѣялся и опять дерзко крикнулъ:

— Да здравствуетъ анархія!..

— Да здравствуетъ справедливость!.. Да здравствуетъ свобода!.. — отозвался кто-то невидимый изъ сумрака вечера.

Два сильныхъ полицейскихъ повели куда-то этого замореннаго, худенькаго мальчика...

А кареты все гремѣли; въ ярко освѣщенныхъ окнахъ дорогихъ ресторановъ и кафе виднѣлись обѣдающіе; черныя тѣни лакеевъ быстро сновали по комнатамъ, разнося кушанья и вина. На окнахъ магазиновъ блестѣли дорогіе брилліанты, золото, вазы, ткани, бездѣлушки, вкусныя, рѣдкія яства,—

цѣлое море всевозможныхъ вещей, сдѣланныхъ кѣмъ-то и гдѣ-то для тѣхъ, которые ѣдутъ теперь мимо, развалившись на мягкихъ подушкахъ, чуть покачиваясь на упругихъ рессорахъ...

Я стоялъ около **Madelaine** и надо мной, освѣщенныя фальшивымъ электрическимъ свѣтомъ стояли всѣ тѣ же святыя слова—„Свобода, Равенство, Братство",—и какую горькую, язвительную насмѣшку слышалъ я теперь въ нихъ!.. Люди боролись, страдали, умирали и за все это имъ дали—надпись! Можно ли выдумать обманъ болѣе ужасный, подлость болѣе вопіющую?.. Мнѣ показалось, что буквы надписи стали вдругъ красными—отъ крови или отъ стыда?—и задрожали отъ вложеннаго въ нихъ ужаса и безпощадной ироніи. На фронтонѣ я видѣлъ теперь выставленными на глазахъ у всѣхъ и голодъ семьи изуродованнаго рабочаго, и стыдъ продающихъ себя женщинъ, и безсильную злобу затравленнаго ребенка, и гнусное, сытое, подлое безчувствіе тѣхъ, благодаря которымъ, ради которыхъ страдаютъ эти искалѣченные, опозоренные, голодные, озлобленные люди. Все это кричало мнѣ въ уши, все это заставляло меня отступать въ ужасѣ предъ безконечностью торжествующаго зла, и я въ страхѣ ждалъ, что надъ храмомъ встанетъ, наконецъ, изъ темнаго облака Богъ униженныхъ и оскорбленныхъ, Богъ-мститель, и огненнымъ дыханьемъ своего гнѣва, среди рева громовъ, испепелитъ этотъ міръ несправедливости и злобы и на его мѣстѣ

создастъ новый міръ, рай для всѣхъ труждающихся и обремененныхъ...

Но Богъ молчалъ... Вокругъ меня все грохоталъ безконечный городъ и въ звукахъ его я слышалъ и стыдъ, и горе, и злобу, и ненависть, и этотъ подлый, довольный смѣхъ.

— Добрый вечеръ, monsieur!..

— Добрый вечеръ, дитя мое,—разсѣянно отвѣчалъ я дѣвочкѣ лѣтъ двѣнадцати-тринадцати, остановившейся предо мной.

Ребенокъ продолжалъ смотрѣть на меня пристальнымъ, не дѣтскимъ взглядомъ и улыбался нехорошей улыбкой. Убогое платьице, висящее на худенькомъ, неразвившемся тѣльцѣ, блѣдное лицо, эти глаза...

— Не можетъ быть!—воскликнулъ я почти въ страхѣ.—Не можетъ быть!..

Но я не ошибся: это была проститутка, была новая жертва, возмутительная жертва тѣхъ, кто щеголялъ на гуляньѣ своими рысаками, кто теперь объѣдался въ дорогихъ кабакахъ, для того, чтобы ѣхать потомъ въ дорогіе театры и въ безчисленные вертепы, гдѣ ихъ ждутъ тысячи развращенныхъ въ угоду имъ людей...

Я спрашивалъ ее, сколько ей лѣтъ, какъ она попала въ это положеніе; она отвѣчала, путаясь и конфузясь; изрѣдка она сухо кашляла, прикладывая руку къ своей плоской, дѣтской груди. Какіе-то два господина въ цилиндрахъ оглянулись на меня съ грязной улыбкой.

Дѣвочка продолжала стоять противъ меня, глядя мнѣ въ лицо безпокойнымъ, ожидающимъ взглядомъ и недоумѣвала, почему я молчу и почему я смотрю наверхъ. А я невольно опять поднялъ глаза на фронтонъ храма, ожидая Бога-мстителя,—но Онъ все еще медлилъ, и вмѣсто Его грознаго, дивно прекраснаго образа я увидѣлъ вновь лишь бездушную, каменную, освѣщенную фальшивымъ, больнымъ свѣтомъ электрическихъ фонарей надпись: Свобода, Равенство, Братство...

Въ царствѣ красоты.

„Я невѣсту провожа-а-аю“...
Л. Н. Толстой.

Войдя въ громадный, залитый электрическимъ свѣтомъ залъ оперы, я съ удовольствіемъ увидѣлъ, что публики собралось сравнительно немного,—значитъ, меньше будетъ вызововъ, мѣшающаго шума, разговоровъ, кашля, чиханья въ самые патетическіе моменты, значитъ, одну изъ своихъ любимыхъ оперъ я прослушаю безъ помѣхи.

Я нашелъ свое кресло и сѣлъ... Впереди меня сидѣла молодая, красивая женщина и, рядомъ съ ней, прехорошенькая дѣвочка, лѣтъ шести, семи. Личико ребенка было очень взволновано; большіе голубые глаза съ удивленіемъ осматривались по сторонамъ. Дѣвочка то и дѣло задавала матери всевозможные вопросы о люстрѣ, музыкантахъ, о дырочкѣ въ занавѣсѣ, о раковинѣ суфлера. Нетрудно было понять, что она попала въ театръ въ первый разъ. Я нѣсколько поморщился отъ этого

сосѣдства, боясь, что она своей болтовней будетъ мѣшать мнѣ слушать.

Маленькій, лохматенькій чехъ - капельмейстеръ постучалъ по пюпитру и поднялъ обѣ руки, точно собираяся летѣть куда-то. Грянула увертюра...

Въ оркестрѣ плавная, тихая мелодія, на фонѣ которой ясно выдѣляется симпатичное поскрипываніе подошвъ капельдинера, указывающаго мѣсто какому-то запоздавшему господину. Капельмейстеръ то плавно помахиваетъ руками, точно летая, то точно прокалываетъ кого своей палочкой, то вдругъ начинаетъ рубить ею, точно саблей, то дѣлаетъ величественные жесты, страшно неидущіе къ его маленькой, взъерошенной фигуркѣ. Иногда тихимъ „с-с-с...“ онъ останавливаетъ ретиво разогнавшіяся скрипки или гобой, слишкомъ громко напомнившій о себѣ... Мелодія льется, развивается, растетъ...

— Бинокль прикажете?—слышится гдѣ-то шепотъ капельдинера.

— Да, пожалуйста... —бархатно баситъ господинъ.

Зазвенѣла мелочь.

— Ш-ш-ш...—зашипѣлъ кто-то.

Легко стукнула дверь и два офицера, позванивая шпорами, вошли въ залъ.

— Ш-ш-ш... — еще сердитѣе раздался опять прежній шипъ.

— Мамочка, зачѣмъ это шипятъ?—спросила дѣвочка.

— Чтобы сидѣли тихо, не мѣшали бы слушать музыку...—шепотомъ отвѣчала мать.

— А развѣ шипѣть такъ... не мѣшаетъ?...

— Молчи, дѣтка... Слушай му...

— Ш-ш-ш... Ш-ш-ш...—разъярился шипящій.

Мой сосѣдъ слѣва, лысый и, очевидно, очень нервный господинъ, обернулся, посмотрѣлъ вокругъ и его лицо подернулось гримасой.

— Чортъ знаетъ, что такое...—пробормоталъ онъ.

Поднялся занавѣсъ... Гдѣ-то нѣжно поскрипывали сапоги капельдинера... Направо въ ложѣ смѣялись...

— Мамочка, что это такое?...—прошептала дѣвочка, уставивъ широко открытые глаза на сцену.

— Гдѣ: что?

— А тамъ?...—и она кивнула на сцену.

— Какъ, что?... Видишь, комната въ старинномъ дворцѣ...

— А зачѣмъ у нея стѣны такъ трясутся?...

— Ну, потому что это же не изъ камня, а изъ холста... Нельзя же каменную комнату выстроить на сценѣ...

Дѣвочка промолчала, очевидно, недоумѣвая.

Къ моему удивленію, я никакъ не могъ сосредоточиться на музыкѣ, проникнуться ею, прочувствовать ее, хотя эта опера была одной изъ моихъ любимыхъ. Я старался слѣдить за оркестромъ, за пѣвцомъ, но напрасно, самыя нелѣпыя, неумѣстныя мысли зароились въ моей головѣ. Я невольно согласился съ дѣвочкой, что массивныя каменныя

стѣны дворца волнуются и дрожатъ довольно легкомысленно. Потомъ почему-то вспомнился мнѣ видѣнный мною года три тому назадъ, за границей, китайскій театръ. Посрединѣ голой сцены, помню, артисты воткнули небольшую вѣточку и зрители должны были воображать, что дѣйствіе происходитъ въ большомъ лѣсу. Невольно я сравнилъ вѣточку-лѣсъ съ дырявымъ каленкоромъ, представлявшимъ стѣны дворца—что лучше?... И опять этотъ пѣвецъ,—мы всѣ знаемъ, что это не венеціанскій дожъ, не старикъ, а всѣмъ извѣстный красавецъ, баритонъ Нильскій. Но онъ своими жестами, неестественно солидной походкой, бѣлой подвязанной бородой хочетъ увѣрить всѣхъ, что онъ дожъ, и всѣ поддаются этой иллюзіи, хотя отлично знаютъ, что дожи никогда не пѣли, разсуждая о серьезныхъ государственныхъ дѣлахъ, что это нелѣпо.

Я вдругъ поймалъ себя на этихъ мысляхъ и разсердился: на эти размышленія времени и дома будетъ много, а здѣсь надо слушать музыку... Да... Какая прелесть эти бархатные аккорды...

— Онъ что-то сегодня не въ ударѣ...—прошепталъ женскій голосъ сзади меня.

— Онъ ужъ давно не въ ударѣ...—отвѣчалъ мужчина.—Онъ, говорятъ, сильно пьетъ...

— Да?... Это жалко... У него такой чудный голосъ...

Мой нервный сосѣдъ сердито завозился въ креслѣ... Голоса стихли... Я опять сдѣлалъ усиліе,

чтобы слѣдить за оперой, но опять не могъ. Мнѣ казалось страннымъ, что этотъ дожъ сильно пьетъ, и поэтому я не вѣрилъ искренности негодованія, съ которымъ онъ, косясь на дирижерскую палочку, пѣлъ о какомъ-то заговорѣ... Странно и грустно, кромѣ того, было видѣть эту зависимость его, такого величественнаго дожа, отъ лохматенькаго чеха...

— Мамочка, зачѣмъ онъ такъ глазами вертитъ?— спросила дѣвочка.

Но мать не успѣла ей отвѣтить: дверь на сценѣ отворилась, каменныя стѣны затрепетали и вошла дочь дожа. Всѣ бинокли направились на нее. Шепотъ восхищенія пробѣжалъ по залѣ.

— Фи, какая она противная!...—прошептала дѣвочка.

— Что ты глупости говоришь, Люси!...—остановила ее мать.—Она очень красивая женщина...

— Она похожа на Катьку...

— На какую Катьку?...

— Какъ, какую?... Моя старая кукла, Катька,— развѣ ты забыла?

— Люси!

— Ну, конечно... На щекахъ пятна красныя, и глаза круглые, и ротъ красный, какъ у Катьки...

— Люси, молчи...

Стрѣльнувъ глазами въ одну изъ ближайшихъ ложъ, гдѣ сидѣли два франта съ моноклями на тесемочкахъ, дочь дожа, дѣлая красивые жесты, хватаясь за голову, за грудь, стала пѣть о томъ

что она очень несчастна, такъ какъ дожъ все грустить, озабоченъ, и она не знаетъ причины его грусти. Дожъ тоже дѣлалъ красивые жесты и тоже пѣлъ и все косился на дирижера, который съ ободряющимъ видомъ кивалъ ему своей лохматой головой...

— А она старѣть начинаетъ...—сказала барыня сзади меня.

— Ну, старѣть!...—возразилъ мужчина.—Въ самомъ цвѣту...

— Хорошъ цвѣтъ!...—насмѣшливо отвѣчала барыня.—Это она на сценѣ такая только, а попробуй раздѣнь ее... фу, что это я глупости горожу!... Попробуй, смой все это и увидишь... Развалина.

Мой нервный сосѣдъ завозился еще сердитѣе.

— Хочешь конфектъ?—тише спросила барыня.

— Дай, пожалуй... Нѣтъ, нѣтъ, ты знаешь, я шоколада терпѣть не могу... Дай мнѣ ту... съ ананасомъ...

Загремѣли апплодисменты: дочь дожа только что кончила свои жалобы и затрясла плечами, приложивъ платокъ къ глазамъ. Услышавъ апплодисменты, она моментально утѣшилась и, улыбаясь, стала кланяться публикѣ. Сбоку, изъ стѣны — *не изъ-за* стѣны, а именно *изъ* стѣны, — вышелъ господинъ въ модномъ фракѣ и подалъ ей корзину цвѣтовъ...

— Мамочка, смотри: она смѣется!..

— Почему же ей не смѣяться?...

— Да, вѣдь, она только-что плакала?

— Плакала, плакала... Это она дѣлала только видъ...

— Притворялась?—воскликнула Люси.—Фи, какая она...

— Люси, не говори ты глупостей, иначе я никогда тебя въ театръ больше не возьму... Выростешь большая и все будешь понимать. А теперь смотри и молчи...

Но смотрѣть было уже нечего: занавѣсъ упалъ. Первое дѣйствіе кончилось.

— Что это вы, милое дитя, кажется, въ первый разъ въ театрѣ?—спросила дѣвочку сидящая рядомъ съ ней старуха съ какимъ-то необыкновеннымъ нашлепникомъ на головѣ.

— Да, въ первый...—любезно улыбаясь, отвѣтила за дѣвочку мать.—Я боюсь, она мѣшаетъ вамъ слушать...

— Ничего, ничего...—добродушно проговорила старуха и, погладивъ дѣвочку по головѣ, сказала:—это хорошо, что вы ее пріучаете къ музыкѣ такъ рано... Со временемъ, дѣточка, вы поймете ее и будете цѣнить, какъ одно изъ лучшихъ украшеній жизни... Искусство,—о, искусство! Только здѣсь, въ царствѣ этихъ божественныхъ звуковъ, въ царствѣ красоты, чувствуешь, что жить все-таки стоитъ. Чѣмъ была бы жизнь, если бы не было искусства?..

Люси не успѣла отвѣтить поэтической старухѣ на этотъ вопросъ, такъ какъ началось второе дѣйствіе...

Толпа мужчинъ въ странныхъ костюмахъ пѣла о чемъ-то. Пѣвцы очень сердито хмурились, стучали себя въ грудь, вертѣли глазами и поднимали кверху руки. Эта сцена почему-то напомнила мнѣ сегодняшнюю телеграмму о бурномъ засѣданіи австрійскаго рейхсрата. Къ чему, въ концѣ-концовъ, приведетъ несчастную Австрію вся эта неурядица? Организмъ ея до того расшатанъ, что...

— Мамочка, что это они дѣлаютъ?—прошептала Люси.

— Молчи, молчи...

Опять вышелъ дожъ, потомъ какой-то оборванный нищій,—нѣтъ, я заразился скептицизмомъ Люси и не могъ думать, что это нищій, такъ какъ лохмотья его были слишкомъ живописны, а бѣлыя холеныя руки запачканы слишкомъ неестественно. Глядя на него, я невольно вспомнилъ другого, настоящаго нищаго, котораго я встрѣтилъ сегодня вечеромъ на углу театра. Это былъ старикъ, сгорбленный, худой. Пронизывающій осенній вѣтеръ бѣшено трепалъ его лохмотья и леденилъ старое, изможденное тѣло. Старикъ весь съежился и дрожалъ,—нѣтъ, не дрожалъ, а трясся всѣмъ тѣломъ; изъ глазъ его текли отъ холода мелкія слезинки и пропадали въ сѣдой, всклокоченной бородѣ. Онъ протягивалъ руку, повторяя тихое „старичку милостыньку, Христа ради"..., но торопившаяся въ театръ публика не обращала на него никакого вниманія... Гдѣ-то онъ теперь?—

подумалъ я, но мои думы были прерваны приходомъ дочери дожа въ сопровожденіи красиваго мужчины въ шляпѣ съ перомъ... Всѣ они очень много пѣли. Мужчины все хмурились и хватались за шпаги.

— Мамочка, почему они такіе сердитые всѣ?

— Молчи, смотри...

Мужчины вытащили шпаги и, среди треска оркестра, стали тыкать ими другъ друга. Красавецъ съ перомъ упалъ, ухватившись за грудь.

— Мамочка, зачѣмъ онъ упалъ?

— Его убили, онъ мертвый...

Глаза Люси испуганно расширились.

Громъ въ оркестрѣ сразу смолкъ и послышались тихіе красивые аккорды молитвы. Это было одно изъ красивѣйшихъ мѣстъ оперы и зала затихла. Я почувствовалъ, что эти звуки, это дыханіе генія, уноситъ меня куда-то высоко, высоко на гордыя, чистыя вершины красоты.

— Что-то спать хочется... — сказалъ мужчина сзади меня.

— Ну, вотъ... Вѣчно одна и та же пѣсня...—недовольно возразила дама.

— Да надоѣло все это...

— Посидимъ еще хоть одинъ актъ... Ахъ, смотри, смотри, на лѣво въ ложѣ Никифоровы... Ф-фу-ты, какъ расфуфырились, подумаешь...

Мой нервный сосѣдъ сразу, точно на пружинѣ, обернулся и проговорилъ:

— Извините, сударыня, мы пришли сюда слушать музыку, а не вашъ разговоръ...

— А мы пришли не за тѣмъ, чтобы выслушивать ваши замѣчанія...

— Въ такомъ случаѣ потрудитесь не мѣшать мнѣ...

— А вы будьте любезны оставить насъ въ покоѣ...

— Ш-ш-ш... Ш-ш-ш...

— Скажите, пожалуйста, слова сказать нельзя...— негодующе прибавила дама.

— Ш-ш-ш... Ш-ш-ш...

Мнѣ такъ и не удалось слышать знаменитой предсмертной аріи красавца: она кончилась среди пререканій моихъ сосѣдей и шипѣнья залы.

Теперь красавецъ умиралъ уже, дергаясь всѣмъ тѣломъ и держась за грудь. Дочь дожа заломила руки кверху и стала испускать пронзительныя ноты.

— Какъ она пищитъ, противная... — замѣтила невзлюбившая ее Люси.

Красавецъ умеръ... Дочь дожа, громко рыдая, упала предъ нимъ на колѣни и—вдругъ публика сдержанно захохотала: кто-то въ верхнихъ ярусахъ уронилъ афишу; бѣлая полоса бумаги запорхала, какъ громадный мотылекъ, и нѣжно, какимъ-то материнскимъ движеніемъ, опустилась на одну изъ блестящихъ лысинъ въ партерѣ.

Занавѣсъ упалъ. Начались безконечные вызовы. Дожъ, его дочь, нищій и красавецъ съ перомъ

выходили, держась за руки, на сцену и, нѣжно улыбаясь, кланялись.

— Мамочка, мамочка, смотри, мертвый кланяется!—воскликнула Люси.

— Фи, Люси... Пойми же ты, что все это... на сценѣ только... что такъ представляютъ...

— Значитъ, онъ притворялся?

— Ну, да...

— Зачѣмъ же онъ притворялся мертвымъ, когда онъ живой?

— Ты меня измучила твоими вопросами!.. Затѣмъ, что если бы онъ не притворялся, тогда бы и смотрѣть было нечего и театра бы не было...

— Значитъ, театръ есть только для того, чтобы притворяться?.. А miss Jenny говоритъ, что притворяться стыдно...

Публика между тѣмъ торопливо, точно радуясь, что наступилъ, наконецъ, антрактъ, устремилась изъ залы. Кто хотѣлъ выпить водки, кто покурить, кто пройтись въ фойэ, поболтать съ знакомыми.

Оркестръ заигралъ чудное вступленіе въ третій актъ. Запоздавшіе мужчины, прожевывая бутерброды съ ветчиной или колбасой и отирая рты, пробирались на свои мѣста, сопровождаемые, какъ всегда, шипѣньемъ.

— Нѣтъ, я рѣшительно не могу больше...—жалобно проговорилъ господинъ сзади.

— Это положительно безобразіе...—возмутилась дама.—Никуда съ тобой показаться нельзя. Только бы спать и спать...

Мой сосѣдъ заскрипѣлъ зубами, сорвался съ мѣста, отдавилъ мнѣ ногу и выбѣжалъ изъ залы, забывъ даже свои перчатки.

— Мамочка, что это такъ стучатъ тамъ... за занавѣсомъ?

— Это... плотники лѣсъ... строютъ...

— Какъ лѣсъ строютъ?

Поднялся занавѣсъ... На сценѣ—дремучій лѣсъ, дрожащій, точно въ лихорадкѣ, отъ корней до макушекъ. Одно облако, то опускаясь, то поднимаясь, долго искало себѣ удобнаго положенія, наконецъ, нашло и тоже задрожало.

Въ глубинѣ сцены показалась дочь дожа съ мраморно-бѣлымъ, грустнымъ лицомъ. Проходя мимо гигантской скалы, она задѣла ее юбкой и скала задрожала, точно тоже схвативъ лихорадку... Со сцены потянуло холодкомъ и многіе въ залѣ боязливо съежились, точно боясь заразиться лихорадкой скалъ и деревьевъ. Кто-то громко чихнулъ, потомъ начался кашель, и мнѣ пришло въ голову, что теперь въ городѣ свирѣпствуетъ инфлюэнца; того и гляди схватишь ее съ этими сквозняками.

— Мамочка, это лѣсъ?

— Ну, да... Развѣ ты не видишь?..

Сѣвъ на камень, дочь дожа запѣла что-то очень грустное, заставившее моего сосѣда справа сочувственно засопѣть—онъ всегда сопѣлъ въ особенно патетическихъ мѣстахъ...

Въ срединѣ аріи, когда красавица взяла одну

необыкновенно высокую ноту, въ залѣ раздался взрывъ апплодисментовъ.

— Ш-ш-ш...—зашипѣли со всѣхъ сторонъ.

— Браво!.. Брравo...

— Ш-ш-ш... Ш-ш-ш...

— Брааво... Bis!.. Брравo!..

— Ш-ш-ш... Ш-ш-ш...

Поднялся невообразимый шумъ: одни кричали и хлопали, другіе яростно шипѣли, заглушая и оркестръ, и голосъ пѣвицы, которая, окончивъ арію, стала кланяться, улыбаться, потомъ легла на камень и заснула.

Изъ-за деревьевъ вышли четыре мужчина въ большихъ шляпахъ и въ маскахъ и, хмурясь на Люси, стали пѣть сперва очень тихо, потомъ все громче и громче, дѣлая угрожающіе жесты и все хватаясь за шпаги.

— Мамочка, и эта противная тоже притворяется,—да?.. Развѣ можно спать, когда такъ кричатъ около тебя?.. Да?..

Скептицизмъ Люси вливался въ мою душу точно отрава... Краски сцены блекли все болѣе и болѣе. Я видѣлъ „притворяющуюся“ „противную“ дочь дожа, видѣлъ просвѣчивающіе насквозь скалы и деревья, видѣлъ грубый шовъ на небѣ,—очевидно, то облако только-что заштопали. Даже музыка, и та какъ то утрачивала свою свѣжесть и прелесть, когда я смотрѣлъ на лохматенькаго, все собирающагося летѣть куда-то капельмейстера, на красное потное лицо контрабаса, на глупый про-

филь первой скрипки, неистово дергающей смычкомъ. Люси, точно злая волшебница, нарушила иллюзію и, несмотря на всѣ мои усилія, я не могъ воскресить эту иллюзію... Мнѣ стало скучно и я зѣвнулъ... Но вдругъ мое вниманіе было привлечено мѣрными покачиваніями головы старухи въ нашлепникѣ, которая спрашивала Люси, чѣмъ была бы жизнь, если бы не было искусства, этихъ божественныхъ звуковъ. Я осторожно вытянулъ шею и уловилъ какіе-то легкіе, порхающіе звуки.. Что это?..

Любительница искусства, легонько всхрапывая, мирно спала.

— А-а-а...—зѣвнулъ сзади меня господинъ.

Почувствовавъ, что и меня клонитъ ко сну, я всталъ и легонько вышелъ изъ залы, преслѣдуемый яростнымъ „ш-ш-ш-ш“,—шипящій очевидно боялся, что я разбужу спящую дочь дожа, хотя вокругъ нея, подъ плотоядными взглядами старичковъ, прыгала, скакала и карячилась теперь цѣлая сотня голыхъ женщинъ и это ничуть не мѣшало глубокому сну бѣдной страдалицы...

Эту ночь я спалъ очень безпокойно. Мнѣ снилась все какая-то большая пустая комната, посреди которой, какъ въ китайскомъ театрѣ, торчала маленькая вѣточка, похожая на розгу. Вокругъ этой вѣточки ходила голая старуха въ нашлепникѣ подъ руку съ дожемъ и оба, грозно вертя глазами, громко пѣли какую-то молитву.. Потомъ пришли люди въ маскахъ и стали спать около

вѣточки; за ними пришла красавица съ красными пятнами на щекахъ и круглыми глазами, обведенными чернымъ, и, хватаясь за шпагу, пѣла о томъ, что она сокрушитъ всякіе заговоры Катьки противъ Венеціи. Вдругъ громъ и молнія... На легкомъ розовомъ облачкѣ появилась хорошенькая Люси въ сопровожденіи нищаго со слезинками на старыхъ, потухшихъ глазахъ.

— Мамочка, что это такое?—спросила она кого-то, указывая на вѣточку.

— Это лѣсъ... Молчи... Слушай... Когда будешь большая, тогда поймешь...

Люси, скептически улыбнувшись, спустилась съ облака, взяла вѣточку и, напѣвая „я невѣсту провожа-а-аю“, начала всѣхъ сѣчь: и „противную“ дочь дожа, и голую старуху въ нашлепникѣ, и дожа, и сердитыхъ господъ въ маскахъ, и моего нервнаго сосѣда, и меня...

Испуганно вздрагивая, я просыпался на мгновеніе, а потомъ снова являлась Люси и, жалобно повторяя „старичку милостыньку, Христа ради...“ сѣкла всѣхъ насъ, причемъ особенно доставалось голой старухѣ въ нашлепникѣ...

Фантазеръ.

Николай Викторовичъ, молодой сотрудникъ „Тмутараканскаго Благовѣста", вошелъ въ свою комнату и въ темнотѣ, ощупью, сталъ искать спички.

— Фу, ты, чортъ... Да гдѣ онѣ?

— На тунбочкѣ, должно...—подсказала отъ двери Марфа, кухарка.

Спички были найдены, лампа зажжена.

— А тутъ къ тебѣ приходилъ какой-то...—сказала Марфа.

— Кто, какой-то?

— Ну, баринъ, што-ли... Говоритъ, зайду въ другой разъ.

— А почему фамиліи не спросила опять?

— Хм... не спросила... Чего же спрашивать-то? Говоритъ, зайду, и весь сказъ тутъ... Рази ихъ всѣ упомнишь, фамиліи-то твои?..

Николай Викторовичъ хотѣлъ было спросить о наружности посѣтителя, о его костюмѣ, но удержался: тогда разговору съ Марфой и конца не

было бы. Но Марфа, очевидно, угадала его любопытство.

— Такъ, въ пальтишечкѣ въ клѣтчатомъ... Лысина большущая... И говоритъ, какъ вродѣ, будто не изъ нашихъ...

— Изъ какихъ „вашихъ?..“

— Ну, не русскій,—какіе же еще наши-то бываютъ?.. И росту эдакаго высокаго... Кучерявый... Спросилъ тебя; говорю, дома нѣтъ, вышелъ. Ну, что жъ, говоритъ, зайду въ другой разъ...

Николай Викторовичъ промолчалъ и, постоявъ немного, Марфа ушла.

Вечеръ былъ морозный и Николай Викторовичъ продрогъ немного. Онъ прислонился спиной и ладонями холодныхъ рукъ къ жарко натопленной печкѣ и по его кожѣ пробѣжала сильная и пріятная дрожь, точно весь холодъ вдругъ вышелъ изъ тѣла и на его мѣсто стала вливаться пріятными ласкающими волнами теплота. Николай Викторовичъ перебиралъ въ своемъ умѣ своихъ знакомыхъ — у него ихъ было очень немного, — стараясь угадать, кто это заходилъ къ нему, но такихъ знакомыхъ у него не было. Кто же это могъ быть? Зачѣмъ?

А вдругъ это былъ посланный отъ той дамы, которую Николай Викторовичъ встрѣтилъ два раза на Невскомъ, въ каретѣ съ гербами?.. Она оба раза такъ внимательно посмотрѣла на него...

На этомъ кончились опредѣленныя, ясныя мысли Николая Викторовича и, вмѣсто нихъ, въ его го-

ловѣ заиграли, завихрились туманныя, а потому еще болѣе очаровательныя, грезы... Дама въ каретѣ съ гербами... Ея посланный въ клѣтчатомъ пальто... Николай Викторовичъ идетъ съ нимъ куда-то, гдѣ его ждетъ знакомая карета... Лошади подхватили, полетѣли... Вдругъ волна аромата... Двѣ чудныхъ руки обхватили его шею и въ темнотѣ экипажа онъ увидѣлъ ея глаза, прекрасные, полные страсти и нѣжности...

И грезы стали еще туманнѣе, еще неопредѣленнѣе, еще прелестнѣе... Онъ вдыхалъ ея ароматъ, онъ ласкалъ рукой ея богатые шелковистыя волосы, она осыпала его поцѣлуями, отъ которыхъ голова его кружилась и сердце такъ горѣло... Карета исчезла куда-то... Роскошный дворецъ... Исчезъ и дворецъ... Какая-то лазурь, полная блеска и дивной музыки... Прекрасное лицо... Любовь... Она плачетъ почему-то... Онъ ее спасетъ... Отъ чего?.. Неизвѣстно, отъ чего, но это все равно: онъ спасетъ... Опять поцѣлуи и безконечная блестящая лазурь, бурный океанъ любви, любви великолѣпной, роскошной, неизвѣданной...

Николай Викторовичъ тряхнулъ головой и пришелъ въ себя. Ему было жаль разстаться съ своими грезами; онѣ были дороги ему. Неужели это все невозможно? Почему?.. Потому что это слишкомъ хорошо... Ну, а вдругъ это случится?..

... Кто же, однако, могъ быть этотъ господинъ въ клѣтчатомъ пальто, съ лысиной?

Вдругъ дверь изъ корридора отворилась и въ

комнату Николая Викторовича вошелъ таинственный господинъ. Поклонъ... Рекомендація... Оказывается: редакторъ одного изъ лучшихъ „толстыхъ" журналовъ.. Сердце Николая Викторовича замерло... Редакторъ садится и говоритъ, что онъ уже давно замѣтилъ корреспонденціи и фельетоны Николая Викторовича въ „Тмутараканскомъ Благовѣстѣ" и давно искалъ случая познакомиться съ ихъ даровитымъ авторомъ... Чрезвычайно польщенный, Николай Викторовичъ кланяется. Редакторъ говоритъ, что ему, Николаю Викторовичу, такому талантливому, нельзя зарывать себя въ какомъ-то тамъ „Тмутараканскомъ Благовѣстѣ", когда наша литература такъ бѣдна теперь сильными, самобытными талантами, что это прямо преступно по отношенію къ обществу... Онъ предлагаетъ ему мѣсто постояннаго сотрудника въ его журналѣ и извиняется, что пока не можетъ платить ему болѣе трехсотъ за листъ...

... Вдругъ редакторъ исчезаетъ куда-то, исчезаетъ комната, и Николай Викторовичъ видитъ себя въ роскошной, ярко освѣщенной залѣ, переполненной публикой, чествующей его, Николая Викторовича. Онъ написалъ въ томъ журналѣ какой-то романъ очень удивительный, потомъ еще романъ еще удивительнѣе, потомъ драму, совсѣмъ необыкновенную... Успѣхъ колоссальный... Слава... Переводятъ его произведенія на французскій, нѣмецкій, англійскій, итальянскій, всякій языкъ... Всюду его портреты... Теперь его поклон-

ники празднуютъ двадцатипятилѣтній юбилей его литературной дѣятельности... Клики, апплодисменты, подношенія, цвѣты, адресы, телеграммы... Вотъ и онъ самъ въ безукоризненномъ фракѣ, такой почтенный, солидный, умный...

... Памятникъ на одномъ изъ большихъ бульваровъ... На пьедесталѣ: „Великому художнику и учителю — благодарная Россія"... Надъ этой надписью лавровый вѣнокъ, а надъ вѣнкомъ массивная бронзовая фигура Николая Викторовича. Учебники по исторіи всемірной литературы... Двадцатый вѣкъ... На каждой страницѣ: „громадная роль Николая Викторовича...", „важное значеніе Николая Викторовича...", „сильное вліяніе Николая Викторовича...", „обаяніе... глубина... мощь... красота Николая Викторовича..."

... Николай Викторовичъ тряхнулъ головой, очнулся, и ему опять стало жалко разставаться съ своими грезами, въ которыхъ онъ находилъ столько удовольствія...

Еще въ дѣтствѣ пробудилась въ Николаѣ Викторовичѣ эта страсть къ фантазированію; съ годами это вошло въ привычку и стало его второй натурой. Онъ фантазировалъ на постели, за столомъ, въ театрѣ, въ редакціи, на улицѣ, за работой, зимой, лѣтомъ, днемъ, ночью, всегда, вездѣ, по всякому поводу и безъ всякаго повода. Чудесное, необыкновенное стало необходимымъ элементомъ его унылой жизни, безъ котораго онъ не могъ бы существовать. Онъ былъ очень бѣденъ,

часто бился изъ-за грошей, часто, бывало, вмѣсто ужина, ему приходилось довольствоваться чаемъ съ лимономъ и пятикопеечнымъ хлѣбомъ, часто его комната оставалась нетопленной... И вокругъ все было такъ уныло и скучно... Выпьетъ онъ свой чай, согрѣется, и скоро его комната превращается въ великолѣпный дворецъ, булка въ изысканный ужинъ, а его разсказикъ для фельетона или просто какая-нибудь замѣтка рецензента—въ дивную, необыкновенную поэму. Отдохнетъ онъ во дворцѣ, насладится досыта апплодисментами поклонниковъ его поэмы и опять за чай, за хлѣбъ, за работу „по двѣ копейки за строчку“.

Фантазіи его были богаты и разнообразны до невѣроятія. Онъ воображалъ, да и не только воображалъ, но и чувствовалъ себя великимъ писателемъ, необыкновеннымъ красавцемъ, непобѣдимымъ полководцемъ, самымъ лучшимъ велосипедистомъ, глубочайшимъ философомъ, мудрѣйшимъ министромъ, спасителемъ отечества, замѣчательнымъ пѣвцомъ, обладателемъ колоссальнаго богатства, гуманнѣйшимъ филантропомъ... Написать необыкновенную трагедію или драму ему было такъ же легко, какъ и открыть новую планету или выиграть милліонъ въ Монте-Карло, или построить тысячу... нѣтъ, десять тысячъ народныхъ школъ въ Россіи, или выдумать такую военную штуку, которая могла бы истребить два... нѣтъ, пять милліоновъ людей въ одну секунду и поэтому сдѣлала бы войну совершенно невозможной... Тогда

міръ осѣнилъ бы своими лазурными крылами всю вселенную, и онъ, Николай Викторовичъ, сталъ бы, такимъ образомъ, величайшимъ благодѣтелемъ человѣчества...

Разница между этой широкой блестящей жизнью въ фантазіи и жизнью дѣйствительной дѣлала иногда Николая Викторовича несчастнымъ, вызывала въ его душѣ протестъ, горечь, холодную тоску, но онъ дѣлалъ усиліе, чтобы забыть эти унылыя, несносныя сумерки дѣйствительности, эту тѣсноту жизни, эту мелочную борьбу, эти лишенія, онъ увѣрялъ себя, что все это только временное, преходящее, что потомъ и ему, и всѣмъ непремѣнно будетъ лучше,—нельзя же вѣчно томиться такъ... И въ томъ, лучшемъ, будущемъ для него оставлена великая роль: тогда онъ развернетъ тѣ колоссальныя, дремлющія пока силы, которыя онъ чувствовалъ въ себѣ... Ему нуженъ только случай, и онъ удивитъ всѣхъ, Россію, Европу, весь міръ...

Опять Николай Викторовичъ забывался на время и безъ большого затрудненія ѣлъ свой хлѣбъ, пилъ свой чай съ лимономъ и то дрогъ, то угоралъ въ своей незатѣйливой комнаткѣ... Поэтому, помечтавъ о красавицѣ въ каретѣ съ гербами и о редакторѣ толстаго журнала, пришедшемъ въ восторгъ отъ его таланта, онъ съ легкимъ сердцемъ раздѣлся, легъ и скоро уснулъ подъ аплодисменты массы публики, которую онъ изу-

милъ своей игрой на фортепіано въ какомъ-то концертѣ...

Всю ночь онъ пожиналъ всевозможныя лавры и приводилъ всѣхъ въ восторгъ, изумлялъ весь міръ... Быстро подошло утро. Николай Викторовичъ опять проснулся для жизни дѣйствительной и первой мыслью его была мысль о вчерашнемъ визитѣ,—таинственный господинъ въ клѣтчатомъ пальто легко могъ быть именно тѣмъ случаемъ, который позволитъ, наконецъ, Николаю Викторовичу развернуться во всю...

Дрожа въ остывшей комнатѣ, онъ умылся, одѣлся, выпилъ чаю и только было хотѣлъ приняться за работу, какъ въ передней робко прозвучалъ колокольчикъ и чрезъ минуту Марфа,—какъ всегда, не стучась,—вошла въ его комнату.

— Этотъ, вчерашній-то, пришелъ... — прошептала она таинственно.— Тебя спрашиваетъ... Что ему сказать-то, дома аль нѣтъ?..

— Конечно, дома... Попроси войти...—отвѣчалъ Николай Викторовичъ и сердце его забилось.

Въ комнату вошелъ высокій, лысый мужчина, лѣтъ сорока, и съ чрезвычайно любезной улыбкой поклонился Николаю Викторовичу. Съ перваго взгляда хозяинъ понялъ, что пришедшій не можетъ быть ни посланнымъ отъ знатной красавицы, ни редакторомъ толстаго журнала. Его тонкое пальто было сильно поношено и давно потеряло свой первоначальный цвѣтъ, брюки внизу были украшены бахромой, а сапоги заплатами. Въ кра-

сныхъ отъ сильнаго холода рукахъ онъ держалъ измятую шляпенку и изъ-подъ рукавовъ пальто выглядывали грязныя, шершавыя по краямъ манжеты... Лицо гостя было блѣдно и, не смотря на улыбку, носило выраженіе какого-то испуга и забитости...

— Да, это и не редакторъ, и не посланный отъ той...—смутно промелькнуло въ головѣ Николая Викторовича.—Но, можетъ быть, это...

Но гость не далъ ему времени докончить его новую гипотезу.

— Вы меня извините, что я безпокою васъ...— сказалъ онъ съ иностраннымъ акцентомъ мягкимъ, вкрадчивымъ голосомъ, все улыбаясь.—Повѣрьте, что...

— Садитесь, пожалуйста... — перебилъ его хозяинъ.

Поклонившись и улыбнувшись, гость сѣлъ на краешекъ стула и, поискавъ глазами мѣсто для своей шляпы, положилъ ее на полъ.

— Чѣмъ могу служить? — спросилъ Николай Викторовичъ.

— Я, право... не знаю... боюсь... — замялся гость.—Видите ли, я узналъ, что вы журналистъ... и я тоже журналистъ... такъ сказать, confrère... Я родомъ грекъ... но женатъ на русской... четверо дѣтей... Я работалъ въ „Аѳинскомъ Курьерѣ"... Занималъ хорошее положеніе... Потомъ пришлось испытать... très grands revers de fortune... И теперь безъ всякихъ средствъ, безъ копейки... безъ хлѣба...

— Вретъ или не вретъ?—думалъ Николай Викторовичъ, глядя на гостя: хотя и новичекъ въ столицѣ, онъ уже не разъ встрѣчалъ такихъ просителей, и всегда у нихъ было четверо дѣтей, часто они были греки, которымъ общность религіи давала, по ихъ мнѣнію, особое право обратиться къ вамъ за помощью, всѣ они испытали grands revers de fortune...—Вретъ или не вретъ?..

— Такъ не будете ли вы добры, какъ... confrère, помочь мнѣ?.. Хоть чѣмъ-нибудь...

— А если-бы даже и вралъ?—думалъ Николай Викторовичъ.—Проситъ, значитъ, нужно...

И эта улыбка, это блѣдное, истомленное лицо, эти красныя руки, заплатанные рыжіе сапоги, легкое пальто, все говорило въ грекѣ, что ему, дѣйствительно, нужно, очень нужно.

— Видите ли, я и самъ небогатъ...—проговорилъ хозяинъ медленно.

— Такъ сколько можете... сколько васъ не стѣснитъ...—живо отвѣчалъ грекъ, глядя на него какъ-то испуганно и вмѣстѣ съ тѣмъ очень ласково.

У Николая Викторовича оставалось всего семь рублей, а до получки денегъ надо было ждать еще болѣе недѣли,—самъ онъ былъ очень стѣсненъ. Но, посмотрѣвъ опять на грека, онъ досталъ портмонэ и далъ гостю рубль.

Тотъ поблагодарилъ его, низко кланяясь, улыбаясь и какъ-то особенно часто моргая; потомъ, пятясь задомъ къ двери и все кланяясь, онъ вышелъ.

— Я думала, путный какой...—сказала Марфа, которая, по обыкновенію, подслушивала.—А онъ на-кось... Много ихъ тутъ шляется, всѣхъ не наградишь... На выносъ надо ихава брата, а не приручать...

Николай Викторовичъ задумался, сидя надъ своей корреспонденціей для „Тмутараканскаго Благовѣста". Онъ думалъ о грекѣ; ему было очень жаль его... Забывъ о корреспонденціи, онъ разрабатывалъ проектъ постройки нѣсколькихъ огромныхъ пріютовъ, которые давали бы кровъ такимъ, побѣжденнымъ жизнью, грекамъ. Когда у него будетъ милліонъ... нѣсколько милліоновъ... онъ непремѣнно займется такими пріютами. Съ грека его мысли перешли на Марфу. Ея слова очень огорчили его, и онъ далъ себѣ слово выстроить, кромѣ пріюта, народный дворецъ, въ которомъ Марфы могли бы просвѣщать свой умъ и сердце, учиться понимать жизнь и любить своихъ ближнихъ...

Сдѣлавъ нѣкоторое усиліе, Николай Викторовичъ оставилъ пока народные дворцы и пріюты, дописалъ свою корреспонденцію и, думая о своей знатной красавицѣ, пошелъ на почту...

ВЪ СТѢНАХЪ.

I.

О. игуменъ дочиталъ послѣднюю корреспонденцію изъ провинціи, просмотрѣлъ отдѣлъ „смѣси“, гдѣ разрѣшался вопросъ, есть ли обитатели на Марсѣ, и указывалось вѣрное средство отъ прыщей, затѣмъ скользнулъ глазами по объявленіямъ, зѣвнувъ, положилъ газету на столъ и пріятнымъ жирнымъ баскомъ запѣлъ вполголоса: „слава Тебѣ, Господи, слава Тебѣ!..“ — точно благодаря Бога за все то, о чемъ только что разсказали ему корреспонденты „Свѣта“. Потомъ онъ широко, сочно зѣвнулъ опять и, подойдя къ окну, запѣлъ было потихоньку: „гласа-а-а-ми архангельскими“, но вдругъ вспомнилъ, что онъ не прочелъ еще „Московскія Вѣдомости“, которыя редакція высылала ему почему-то безплатно. Взявъ газету и сорвавъ съ нея бандероль, онъ опять сѣлъ въ свое мягкое, покойное кресло и углубился въ чте-

ніе передовицы объ инородцахъ. Статья очень понравилась игумену: будучи горячимъ патріотомъ, онъ терпѣть не могъ никакихъ инородцевъ, козни которыхъ противъ Россіи выводили его изъ себя... Раньше о существованіи этихъ инородцевъ и ихъ козняхъ игуменъ и не зналъ ничего,—онъ былъ изъ крестьянъ и грамотѣ зналъ плохо,—но, попавъ въ настоятели, онъ, отъ нечего дѣлать, пристрастился къ чтенію газетъ и, вслѣдствіе этого, возненавидѣлъ инородцевъ.

Тихо, уютно было въ этой чистой, свѣтлой, пахнущей ладономъ комнатѣ: тишина ея нарушалась лишь мѣрнымъ тиканьемъ старинныхъ часовъ за стѣной, воркованьемъ голубей на карнизѣ окна да шелестомъ газеты. Хорошо натертый полъ, лакированные столы и стулья, большая фарфоровая съ золотомъ кружка, изъ которой игуменъ пилъ чай, сдобныя булки въ проволочной корзинкѣ,—все это было какъ-то особенно чисто, все это блестѣло какимъ-то особеннымъ, самодовольнымъ, сытымъ блескомъ. И фигура игумена дополняла еще болѣе это впечатлѣніе сытости и довольства. Это былъ высокій, плотный, здоровый старикъ съ бѣлой, серебристой бородой, съ розовыми щеками, съ бѣлыми, пухлыми, „крупичатыми“ руками. Въ прямой, жесткой складкѣ его нѣсколько большого рта сказывалась воля и умѣнье владѣть собой, маленькіе сѣрые глаза, прячущіеся за густыми сѣдыми бровями, говорили о природной хитрости, о томъ, что игуменъ былъ человѣкъ „не промахъ“,

человѣкъ „себѣ на умѣ“. Одѣтъ онъ былъ въ желтоватый чесучовый подрясникъ, изъ-подъ котораго виднѣлись прочные, ярко начищенные сапоги; маленькая, изъ фіолетоваго бархата, шапочка украшала его сѣдую голову; на груди блестѣлъ золотой наперсный крестъ...

Весь погруженный въ разсужденіе газеты о необходимости уничтожить всѣхъ инородцевъ, игуменъ не слыхалъ, какъ въ дверь легонько постучали. Стукъ повторился.

— Господи Исусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ...

— Аминь, аминь...—нетерпѣливо отозвался игуменъ.—Входи, кто тамъ?

Въ комнату вошелъ, слегка прихрамывая, маленькій, сухенькій монашекъ. Это былъ о. Николай, „гостинникъ“, лицо, приближенное къ игумену, который любилъ его за сметку, за умѣнье обходиться съ богомольцами, за ловкое веденіе разныхъ хозяйственныхъ дѣлъ. О. Николаю было лѣтъ сорокъ пять: онъ долгое время былъ „рясофорнымъ“, отговариваясь отъ постриженія въ монахи тѣмъ, что его „врагъ искушаетъ“, что надо погодить. Никакихъ искушеній онъ, собственно, не зналъ, а выжидалъ такъ просто, изъ осторожности, боясь, какъ бы не прогадать; потомъ, взвѣсивъ все, убѣдившись, что не прогадаетъ, онъ рѣшился постричься. Теперь жизнь его текла тихо и мирно, безъ заботы о будущемъ: „паспортъ на спинѣ

хлѣбъ на головѣ" *)—о чемъ заботиться?... Всегда тихенькій и елейный, послѣ постриженія о. Николай сталъ еще елейнѣе и, поднимая къ небу свои лисьи, острые, какъ два шила, глазки и поджимая свои сухія, тонкія губки, вздыхалъ о своихъ прегрѣшеніяхъ и повторялъ сокрушенно: „охъ, искушеніе!.." Братія его не любила, звала кляузникомъ, выжигой, Іудой-предателемъ и осуждала его сребролюбіе и „гортаннобѣсіе". Вопреки монастырскому уставу, запрещающему монахамъ частную собственность, о. Николай усердно собиралъ „на чайки" съ посѣтителей: мало ли что можетъ случиться, — клобукъ, вѣдь, не гвоздемъ прибитъ... Впрочемъ, не мало изъ своихъ доходовъ онъ тратилъ на конфекты, яблочную пастилу, печенье, варенье,—онъ былъ большой сластена.

— Ну, что тамъ? — спросилъ игуменъ о. Николая, торопливо дочитывая послѣднія хлесткія строчки объ инородцахъ.

— Да на счетъ брата Ивана все...—помолившись на иконы, отвѣчалъ о. Николай.

— Ну?—спросилъ игуменъ, оставляя газету.

— Да что... Искушеніе одно... Смущаетъ его врагъ и денно, и нощно; мятется духъ въ немъ...

---

*) Монастырская поговорка. Паспортъ—парамонъ, небольшой квадратный кусокъ холста, который дается иноку при полномъ постриженіи и носится имъ всю жизнь подъ подрясникомъ, на спинѣ; хлѣбъ — клобукъ, снимающій съ монаха всякую заботу о пропитаніи.

— Молодъ, потому... — отвѣчалъ, зѣвая, игуменъ.—Юность есть время воскипѣнія въ человѣкѣ жизни и духовной, и тѣлесной... Что онъ опять тамъ?

— Да опять просится, чтобы вы дали ему какое другое послушаніе, хоть самую тяжелую работу, только чтобы при гостиницѣ не быть.

— Что такъ?

— Пыталъ я, не говоритъ... Просится только, чтобы ослобонить...

— Ну, пусть придетъ, я самъ поговорю съ нимъ.

— Слушаю... — отвѣчалъ о. Николай и, какъ-то особенно тонко, едва замѣтно улыбнувшись и потупивъ глазки, проговорилъ: — а вчера опять на подворьѣ исторія у насъ вышла...

— Ну?

— Ну, поѣхали мы съ о. экономомъ да съ братомъ Іоной въ городъ, на подворье, управились это съ дѣлами... да, я забылъ сказать: масло получено, какъ писали, а вина все нѣтъ. И чтойто за народъ только, — хоть ты имъ голову всю разбей, говоримши... Искушеніе...

— Надо опять написать...

— Написалъ о. экономъ... Въ другомъ мѣстѣ, говоритъ, будемъ брать, ежели эдакъ дѣлать будете. Авось, послушаютъ... Да, такъ вотъ, управились мы съ дѣлами, приходимъ это на подворье,—какъ разъ къ трапезѣ. Ну, помолились Богу, сѣли... Вдругъ въ дверь стучатъ. Пошелъ Іона,

отворилъ, — входитъ человѣкъ, оборванный весь, босой... Вишщемъ такъ и разитъ... Изъ „стрѣлковъ“ *)... Что нужно?—спрашиваю. Такъ и такъ, говоритъ, погибаю, спасите, говоритъ,—а голосъ эдакій хриплый, все нутро, видно, сжогъ человѣкъ. Какой помощи, говорю, просишь? Деньгами, говорю, такъ не прогнѣвайся... „Нѣтъ, говоритъ, дозвольте переночевать, угла никакого нѣтъ, изъ пришлыхъ я... А на улицѣ дождикъ... А потомъ въ монастырь возьмите, поработаю для Господа Бога хоть недѣльку, авось, дьявольское-то наважденіе и пройдетъ. Совсѣмъ спился, все потерялъ... И работу, и одежу, — все... Слесарь я, и хорошій. Поработаю для братіи, Христа ради, помолюсь, авось, и пройдетъ“. Это, говорю, не въ моей власти, иди къ игумену, проси благословенія. Ежели разрѣшитъ, ладно, а то такъ не прогнѣвайся... „Ладно, говоритъ, къ игумену пойду. Только переночевать ужъ дозвольте на подворьѣ да закусить маленько, съ утра не ѣлъ...“ Это, говорю, можно. Вотъ поѣдимъ мы, — а мы только за картошку взялись,—а тамъ и ты сядешь... И ночевать можно, — хоть въ сараѣ на сѣнѣ или, еще лучше, въ передней; пожалуй, подпалишь еще сѣно-то... „Спаси васъ Господи“, говоритъ... Вдругъ, гляжу, нашъ Іона нахмурился и покраснѣлъ весь,—просто какъ огненный. „Что онъ, говоритъ, собака, что ли, объѣдки-то ѣсть будетъ?..“

---

*) „Стрѣлокъ“, „землемѣръ“—бродяга.

А самъ и глазъ не подымаетъ, въ мискѣ ложкой займается... „Чай, онъ, говоритъ, такой же человѣкъ, пусть ѣстъ съ нами...“ Услыхалъ это босякъ,—„ничего, ничего, говоритъ, я обожду, не безпокойтесь...“ Пошелъ и сѣлъ въ передней на лавочкѣ. Потомъ поѣлъ, проспалъ ночь и сегодня ужъ къ полдню сюда прикатилъ. Благословенія поработать проситъ...

— Ну, ихъ...—отвѣчалъ игуменъ.—Только грѣхъ отъ нихъ одинъ. Сработаетъ на грошъ, а соблазну не оберешься. Господь съ нимъ... Покормите его тамъ да чтобы съ Богомъ и шелъ... Эдакъ-то лучше... А Іону... того... пожурю... Духу-то въ немъ больно много... Этакъ добра не будетъ изъ парня...

— Непокорство, своеволіе...—вздохнулъ о. Николай.—Свою волю все творить охота. Забываетъ, гдѣ мы... О, Господи, прости наши согрѣшенія великія, яко благъ и человѣколюбецъ...

Игуменъ побарабанилъ пальцами по столу.

— Ну, больше ничего?..

— Кажись, ничего...—отвѣчалъ о. Николай, глядя въ сторону, и вдругъ, точно вспомнивъ, спохватился:—да вотъ хотѣлъ я показать вамъ еще, батюшка... книги ему, Іонѣ, все носятъ. Господь его знаетъ, что онъ въ нихъ все ищетъ... Запретили вы ему въ книжницу-то нашу бѣгать, такъ вотъ теперь со стороны ладитъ все какъ бы достать... И эти вотъ тайкомъ хотѣли передать на подворьѣ, да я усмотрѣлъ и взялъ,—потому какъ безъ благословенія можно?

— Ну-ка, что это тамъ за книги?

— Вотъ, поглядите...—отвѣчалъ о. Николай, вытаскивая изъ бездоннаго кармана своего старенькаго подрясника два объемистыхъ тома.

— „Отечественныя Записки“...—прочелъ вполголоса съ разстановкой о. игуменъ.—Гм... такъ. А это?... Ишь ты, выдрано заглавіе-то. Кости человѣчьи все нарисованы... Господи батюшка, и кошачій шкилетъ!.. Ну, Іона!..

Изъ книги выскользнула маленькая, ярко раскрашенная брошюрка.

— Это еще что?.. —проговорилъ игуменъ, поймавъ ее.—Очарованный замокъ“... Это что же еще такое?... „или воля рока“... Ишь ты... Н-ну, Іона!..

— Дипломатъ... — покачалъ головой о. Николай.—Ему все знать нужно. Умственность разводитъ... Одолѣваютъ его врата адовы, поддается技 козням врага человѣческаго...

— Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа... — раздался за дверью старческій, шамкающій голосъ.

— Аминь, аминь... Ползи...

Къ комнату пролѣзъ тихонько маленькій старичокъ въ чистенькомъ подрясникѣ, желтый и прозрачный,точно вылѣпленный изъ воска. Это былъ о. Савва, прислуживающій въ игуменскихъ покояхъ. Въ комнатѣ сразу запахло кипарисомъ: этотъ тяжелый запахъ о. Савва вносилъ съ собою всюду.

— Господи Исусе Христе... — прошамкалъ онъ,

крестясь на иконы.—Двое богомольцевъ пришли, батюшка... Благословенія просятъ,—одинъ поговѣть, а другой такъ, помолиться.

— Ну, что же, пусть войдутъ...—отвѣчалъ игуменъ,—а ты, о. Николай, иди по своимъ дѣламъ... Иванъ чтобы ко мнѣ пришелъ... И Іона тоже.. Хоть черезъ часъ... А книжки оставь, положи вонъ тамъ, на столъ...

Въ комнату вошли, въ сопровожденіи воскового старичка, двое богомольцевъ. Одинъ изъ нихъ былъ высокій, представительный, необыкновенно опрятный мужчина въ черномъ сюртукѣ, уже пожилой, другой—скромно одѣтый молодой человѣкъ съ хохолкомъ чибиса на макушкѣ, придававшемъ ему видъ какой-то необыкновенно постной кротости. Представительный мужчина положилъ на столикъ свою фуражку „съ гвоздемъ“ увѣренно подошелъ подъ благословеніе и поцѣловалъ воздухъ надъ рукой игумена; постный юноша, подойдя, набожно подставилъ руки, какъ будто ожидалъ, что изъ игумена сейчасъ потечетъ ему въ руку струя воды; получивъ благословеніе, онъ запечатлѣлъ на пухлой рукѣ пастыря сочный поцѣлуй.

— Милости просимъ, присаживайтесь... — пригласилъ игуменъ гостей и вдругъ обратился къ восковому старичку: — что же это ты, о. Савва, клеенку-то старую все стелешь, а? Нехорошо при гостяхъ-то!...

— Да, батюшка, новой-то нѣту, ну, и стелю

старую...—добродушно отвѣчалъ о. Савва.—Ужъ не взыщи на старикѣ...

— Купилъ бы, коли нѣту...

— И купилъ бы, да „купилъ“-то нѣту... Хе-хе-хе... Вотъ развѣ благодѣтели пожертвуютъ что старичку?

Молодой человѣкъ слегка покраснѣлъ и, какъ бы не слыхавъ ничего, началъ разсматривать висѣвшую въ простѣнкѣ картину „Іаковъ и Исавъ“. По геморроидальному, желтому лицу господина въ сюртукѣ скользнула неуловимая гримаса неудовольствія, но онъ досталъ трехрублевку и подалъ старику, проговоривъ съ нѣкоторымъ холодкомъ въ голосѣ:

— Вотъ вамъ, отецъ...

— Вотъ спаси васъ Господи, благодѣтель...—расцвѣлъ старикъ.—Пошли вамъ Царица Небесная всякаго благополучія... Вотъ мы и съ клеенкой теперь... Спаси васъ Господи...

— Пожалуйста, пожалуйста...—нѣсколько менѣе холодно отвѣчалъ господинъ.

— Вотъ какой ты у меня, о. Савва...—запротестовалъ легонько игуменъ.—Не надо такъ посѣтителей безпокоить...

— Да я что же?.. Я не для себя, для обители святой попросилъ...—отвѣчалъ о. Савва.—Для обители не грѣхъ... Спаси васъ Царица Небесная, что не оставляете насъ, грѣшныхъ...

И, низко поклонившись посѣтителямъ, о. Савва потихоньку выползъ изъ комнаты, довольный этимъ

новымъ успѣхомъ своей клеенки, неизмѣнно выдвигавшейся на сцену всякій разъ, какъ въ игуменскихъ покояхъ являлся гость поважнѣе...

— Издалека изволите быть? — освѣдомился о. игуменъ у господина.—Впрочемъ, что же это я съ чего начинаю?... Чайку не угодно ли выкушать по стаканчику?

— Съ удовольствіемъ... — съ сознаніемъ собственнаго достоинства отвѣчалъ корректный господинъ.

— И вы, молодой человѣкъ?

— Хм...—откашлялся тотъ.—Благословите, батюшка...

О. игуменъ позвонилъ и приказалъ вошедшему служкѣ подать чаю.

— Издалека изволите быть? — повторилъ онъ свой вопросъ, гладя наперсный крестъ.

— Изъ Петербурга... Служу по министерству народнаго просвѣщенія... Инспекторъ гимназіи...— отвѣчалъ господинъ съ достоинствомъ.—Усталъ, знаете, нѣсколько послѣ зимы, ну, и вздумалъ немножко прокатиться, провѣтриться... Обыкновенно я ѣзжу на Кавказъ, на воды, но... надоѣло... Шумъ, суматоха, знаете, бабы эти...

Игуменъ легонько кашлянулъ въ руку, потомъ, какъ ни въ чемъ ни бывало, опять сталъ гладить крестъ.

— Ну, махнулъ рукой,—поѣду въ монастырь куда-нибудь, помолюсь...—продолжалъ господинъ, холодность и чопорность котораго все болѣе и

болѣе исчезала по мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ.—Услыхалъ это преосвященный Михаилъ... пріятели мы съ нимъ... „Вотъ, говоритъ, и отлично! Поѣзжай, говоритъ, въ Кулмозерскій монастырь, къ отцу Герасиму, свези ему поклонъ отъ меня...“

— А-а!.. Спаси васъ Господи...—улыбнулся игуменъ.—Какъ же, какъ же, пріятели... Ну, а вы откуда?.. — спросилъ было онъ изъ вѣжливости постнаго молодого человѣка, но господинъ въ сюртукѣ продолжалъ громко и увѣренно, не останавливаясь ни на минуту:

— Да... Отвези, говоритъ, поклонъ о. Герасиму... Что-жъ, говорю, можно... Потому усталъ, знаете, за зиму, жена къ роднымъ въ Москву уѣхала, сынъ въ Китаѣ все... Морякъ онъ... Хотя подъ Таку и не былъ, но все-таки нѣсколько хунхузовъ поймалъ... За косу—ха-ха-ха!... Понюхалъ пороху,—какъ же!..

О. игуменъ терпѣливо слушалъ, гладя крестъ и улыбаясь. Молодой человѣкъ сидѣлъ, не мѣняя позы и только изрѣдка поправляя воротничекъ и галстукъ, все съѣзжавшіе на сторону безъ всякой видимой причины. На его костистомъ, точно вымазанномъ постнымъ масломъ, безволосомъ лицѣ, была написана необыкновенная кротость и умиленіе, словно слушалъ онъ не разсказъ о хунхузахъ, а самую душеспасительную проповѣдь.

— Ну, такъ жена въ Москвѣ. сынъ въ Китаѣ, одному скучно...—продолжалъ совсѣмъ повеселѣвшій господинъ задушевнѣйшимъ тономъ, точно

онъ говорилъ съ самыми близкими, старинными пріятелями.—Махну-ка, думаю, въ монастырь куда-нибудь, Богу помолиться... Вонъ ужъ въ бородѣ-то сѣдина—ха-ха-ха... Д-да-съ... И преосвященный одобрилъ: пора и о душѣ подумать, говоритъ, не все по Кавказамъ этимъ за дѣвочками бѣгать...

Игуменъ опять легонько кашлянулъ въ руку, положилъ нога на ногу, поправилъ подрясникъ и продолжалъ слушать.

— Чудакъ онъ!..—воскликнулъ весело господинъ.—А пріятели—у-у, водой не разольешь!.. Хотя часто споримъ,—на счетъ Бога Саваоѳа все... Я говорю, что изображать Его, на иконахъ, то есть, нельзя, потому что Онъ не жилъ въ человѣческомъ образѣ, а преосвященный говоритъ: можно... Какъ же, говорю, можно, сами посудите? Вѣдь Онъ духъ!.. А какъ же вы изобразите духъ—ну? Христа и Богоматерь изображать можно, потому что они жили, а Его нельзя... Икона есть, такъ сказать... м-м-м... вещественное изображеніе нашихъ невещественныхъ отношеній къ божеству... Вы хотите изобразить духъ, а выходитъ...

— Д-да, всяко бываетъ, всяко бываетъ...—громко перебилъ его игуменъ.—А вы что же лимончика?. Это для здоровья хорошо, читалъ я...

И тотчасъ же, чтобы не дать г. инспектору продолжать свои разсказы, онъ громко обратился къ постному молодому человѣку, слушавшему

господина съ благоговѣйнымъ, сосредоточеннымъ выраженіемъ на лицѣ.

— Хм... Хм... Я изъ Костромы, батюшка...—смиренно отвѣчалъ тотъ.—Благословите поговѣть у васъ, батюшка, и пріобщиться св. Таинъ Христовыхъ...

— Богъ благословитъ, Богъ благословитъ...—сказалъ игуменъ.—Это дѣло хорошее... Что же, часто вы посѣщаете обители?..

— Какъ же, батюшка... Богъ сподобилъ почти во всѣхъ побывать...

— Хорошее дѣло, хорошее дѣло... Были и у святителя Николы Черноборскаго?...

— Былъ, батюшка, въ прошломъ году...

— А-а!.. Ну, какъ о. Авва здравствуетъ?

— Ничего, слава Богу, здоровъ... Жаловался немножко на ревматизмы, да такъ только, слегка...

— И о. Михѣя знаете?.. Онъ туда отъ насъ перешелъ...

Молодой человѣкъ, сынъ состоятельнаго подрядчика-каменщика, не взлюбившаго его почему-то, зналъ не только о. Михѣя, но и оо. Пафнутія, Симеона, Петра, Автонома, Исидора, Ѳеогноста, зналъ всѣхъ настоятелей, іеромонаховъ, дьяконовъ, зналъ въ какомъ состояніи находятся теперь ихъ здоровье, голоса, зналъ ихъ доходы, достоинства, слабости,—словомъ, зналъ все обо всѣхъ русскихъ монастыряхъ отъ Соловковъ до Новаго Аѳона. Инспекторъ былъ пораженъ: игуменъ тоже не безъ удивленія глядѣлъ на постнаго молодого человѣка...

Оправившись отъ своего изумленія и покончивъ со стаканомъ остывшаго чая, господинъ опять началъ было съ увлеченіемъ разсказывать о своемъ посѣщеніи Ивана Кронштадтскаго, но игуменъ рѣшительно всталъ и, подойдя къ окну, побранилъ непостоянство майской погоды, а потомъ взглянулъ на часы и воскликнулъ:

— Э-э, да время-то вонъ сколько!.. Скоро и къ вечернѣ заблаговѣстятъ... Пора собираться... И вы, чай, помолиться пойдете?..

Гости догадались и поблагодарили за угощеніе.

— Во славу Божію...—отвѣчалъ игуменъ и благословилъ ихъ, одного—поговѣть, другого—просто помолиться...

Гости ушли.

— „Гласами архангельскими...“—запѣлъ о. игуменъ, развертывая снова „Московскія Вѣдомости“.—Эй, кто тамъ?.. Уберите-ка посуду...

Ударили къ вечернѣ...

II.

— Батюшка, благослови къ вечернѣ сходить...—тихо проговорилъ братъ Иванъ, не поднимая глазъ.

Лисьи глазки о. Николая быстро осмотрѣли, точно ощупали его хмурое лицо, его пышные темнозолотистые волосы, выбивавшіеся упругими кольцами изъ-подъ черной шапочки, всю его молодую,

стройную и сильную фигуру, которая теперь казалась какой-то надломленной, придавленной.

— Что-жъ... Богъ благословитъ... — отвѣчалъ „гостинникъ“.—Иди... А послѣ пройдешь къ отцу игумену... Поговорить съ тобой онъ хочетъ...

— Слушаю, батюшка...

И Иванъ пошелъ по длинному коридору, сопровождаемый пытливымъ взглядомъ о. Николая.

Медленно, какъ очень уставшій человѣкъ, Иванъ спустился съ лѣстницы и пошелъ прекрасной березовой аллеей къ собору, главы котораго сверкали надъ зеленымъ моремъ молодой ароматной листвы. Пройдя соборными воротами, на которыхъ съ одной стороны былъ изображенъ ангелъ, „вписующій имена всѣхъ *входящихъ* въ храмъ“, а съ другой, точно для того, чтобы устранить всякую возможность ошибки перваго ангела, ангелъ, „вписующій имена всѣхъ *выходящихъ* изъ храма“, братъ Иванъ поднялся по широкой каменной лѣстницѣ паперти и вошелъ въ храмъ. Яркое весеннее солнце врывалось въ открытыя окна церкви вмѣстѣ съ пѣніемъ птицъ и ароматомъ лѣса и зажигало безчисленные огни на золотѣ иконостаса и на вѣнцахъ святыхъ, неподвижные лики которыхъ сурово смотрѣли на Ивана сквозь голубоватыя, осыпанныя золотою пылью солнечныхъ лучей, волны кадильнаго дыма...

Иванъ шелъ сюда не затѣмъ, чтобы молиться,— его не тянуло теперь къ молитвѣ,—а только затѣмъ, чтобы отдохнуть отъ суеты и шума гости-

ницы, чтобы побыть одному. Но знакомые звуки пѣснопѣній сразу тронули его душу и пробудили въ ней желанье забыть въ молитвѣ свою боль: тоску и грѣховные помыслы... Поднявъ глаза на суровый ликъ Спасителя, братъ Иванъ сосредоточилъ на немъ всю свою мысль, все чувство, все существо и горячо, безъ словъ, повторялъ въ душѣ: „Господи, спаси меня... Помоги мнѣ, Господи... Спаси меня...“ Душа его горѣла, какъ въ огнѣ, къ горлу подступали слезы и, мѣшая дышать, съ болью рвались наружу...

— Господи, помоги... Прости меня, грѣшнаго...

И вдругъ среди торжественныхъ звуковъ хора братъ Иванъ ясно различилъ знакомые звуки, чистые, какъ серебро, и полные какой-то непонятной и сладкой тоски... Тише... тише... Вотъ и совсѣмъ замерли...

Иванъ сдѣлалъ надъ собой усиліе, чтобы не слышать болѣе эти отравленные, льющіеся, какъ серебро, звуки, опять всей душой устремился онъ туда, гдѣ среди золота, дорогихъ каменьевъ, куренья фиміама возсѣдалъ на тронѣ Христосъ, опять онъ молился Ему, прося простить его, помочь ему, исцѣлить...

„Свѣте тихій святыя славы...“, стройно пѣлъ хоръ и красивые звуки вечерняго гимна, заливая блещущую церковь, таяли въ лучахъ солнца и ароматѣ молодой весны. Могучей волной поднялся въ груди Ивана какой-то восторженный, полный рыданій порывъ и, захвативъ всю его душу, по-

несъ ее туда, вверхъ, гдѣ распростеръ навстрѣчу людямъ свои объятія Богъ-Саваоѳъ съ бѣлымъ голубемъ на груди, туда, въ куполъ, превращенный прорывающимися сквозь цвѣтныя стекла лучами солнца въ блещущее преддверіе рая... Выше, выше...

Тихіе, тоскливые звуки, умирающіе вдали...

Больно рванулось опять сердце. Нѣтъ, забыть нельзя... Вотъ, вотъ звенятъ они, льются, умираютъ, зовутъ... А вотъ и она... Глаза голубые, голубые... свѣтятся и мигаютъ, какъ двѣ звѣздочки... И опять ея одинокая пѣсня... И все кончилось... Нѣтъ, не все,—вонъ тѣ глаза... Какъ они грѣютъ, ласкаютъ, сколько въ нихъ свѣта, счастья!..

И огни церкви, и суровые лики святыхъ, и прекрасные звуки,—все потонуло въ боли раненаго сердца и въ этой щемящей холодной тоскѣ. Иванъ не могъ болѣе оставаться здѣсь, ему хотѣлось вонъ, убѣжать куда-нибудь, спрятаться съ головой, чтобы никто не видѣлъ, и рыдать сухими злобными рыданьями безъ слезъ, какъ онъ рыдалъ эту ночь, и ту, и ту, въ своей кельѣ, озаренной кроткимъ свѣтомъ лампады... И никто не слыхалъ его рыданій, никто не пришелъ къ нему... Все спало—только пѣсня тосковала и звенѣла все вдали да среди радужныхъ круговъ темноты плавали предъ нимъ голубыя, теплыя звѣзды...

И, забывъ о молитвѣ, онъ стоялъ, сумрачно, съ захолодавшей душой глядя въ какую-то чер-

ную, холодную пустоту. Мысль, не имѣя силъ подняться въ небо, равнодушная, блуждала по храму, останавливаясь зачѣмъ-то на всякихъ мелочахъ, которыя были совсѣмъ ненужны Ивану. Онъ смотрѣлъ, какъ молится молодой, красивый купецъ, стоя на колѣняхъ и плавно,—точно на хорошихъ эластичныхъ пружинахъ,—кланяясь въ землю. Купецъ шепталъ слова молитвы и бѣлокурая, пушистая борода его легонько вздрагивала... Вонъ стоитъ постный молодой человѣкъ съ хохолкомъ; онъ склонилъ головку на бокъ и какъ-то особенно набожно потряхиваетъ ею, то закрывая глаза, то устремляя ихъ въ куполъ. Какая-то чернушка стоитъ рядомъ съ нимъ и быстро, быстро крестится, точно боясь, что ея молитва не успѣетъ дойти по назначенію въ свое время... А вонъ блеститъ стекло, подъ которымъ хранятся частицы мощей многочисленныхъ святыхъ, крошечные кусочки желтыхъ ноздреватыхъ костей... Вотъ чернушка подошла къ нимъ и набожно приложилась къ стеклу... А вонъ братъ Іона стоитъ, грустный какой-то, убитый. И не молится... Думаетъ о чемъ-то...

Даже не перекрестившись, Иванъ вышелъ изъ церкви, сопровождаемый недоумѣвающими взглядами братіи.

Но куда идти? Въ келью—нельзя, о. Николай увидитъ, въ гостиницу—не можетъ онъ, противно ему тамъ все... Пойти въ лѣсъ?.. На озеро? Вонъ какъ оно блеститъ... Тоже голубое...

— Что же, пошелъ въ церковь, а, вмѣсто того стоишь да озеромъ любуешься?..—услыхалъ онъ гдѣ-то далеко, далеко голосъ о. Николая.

Иванъ вздрогнулъ.

— Я только сейчасъ вышелъ... — пробормоталъ онъ, приходя въ себя, но не поднимая глазъ, точно боясь выдать то, что дѣлалось у него въ душѣ.

— Такъ иди къ отцу игумену...

— Сейчасъ пойду...

— Ой, не сдобровать тебѣ, Иванъ!..—проговорилъ о. Николай.—Осиливаетъ тебя врагъ рода человѣческаго, поддаешься ты козням его окаяннымъ.. Ой, смотри...

Не отвѣтивъ ничего, Иванъ медленно, точно чрезъ силу, пошелъ къ игумену, бѣлый флигель котораго виднѣлся въ сторонѣ, надъ озеромъ, среди развѣсистыхъ березъ и величавыхъ, столѣтнихъ сосенъ, облитыхъ золотомъ задумчиваго и тихаго вешняго вечера.

О. Савва тотчасъ же доложилъ о немъ игумену и, проговоривъ обычное „во имя Отца и Сына"... Иванъ вошелъ въ свѣтлое, чистое, пахнущее ладономъ и деревяннымъ масломъ зальце игумена, который только что покончилъ съ „Кормчимъ".

— Ну, ты опять тамъ завелъ...—проговорилъ игуменъ, позѣвывая: усталъ онъ читать да сидѣть на одномъ мѣстѣ.—Чего ты еще просишь?

— Благословите на какое-нибудь другое послушаніе, батюшка...—тихо отвѣчалъ Иванъ.

— Ну, вотъ... Какое же это будетъ послушаніе

ежели ты будешь мѣнять ихъ каждый день? Былъ у меня—не понравилось, перевели въ гостиницу—опять тоже... Послушаніе—значитъ, ты все долженъ исполнять, къ чему бы тебя ни приставили...

— Да вѣдь я не работы боюсь... —отвѣчалъ Иванъ.—Хоть въ кузницу поставьте, хоть въ поле, все равно... Мнѣ потрудиться желательно..,

— Потрудиться.... Вотъ ты и трудись... Самый большой трудъ для инока—послушаніе, смиреніе воли своей. Ты здѣсь не для того, чтобы творить свою волю, но волю пославшаго тя... Что уставъ-то говоритъ? „Послушаніе для инока –паче поста и молитвы“... Паче поста и молитвы—вонъ какъ!.. Только чрезъ послушаніе человѣкъ и спасенъ можетъ быть, а не чрезъ гордыню... Вотъ разъ было, жилъ въ лѣсу старецъ одинъ, пустыннолюбецъ, и спасался; и приходитъ къ нему юношъ одинъ, чтобы, значитъ, спастись вмѣстѣ съ нимъ въ пустынѣ. А тотъ и говоритъ ему: трудный, дескать, это подвигъ, ибо мѣсто сіе зѣло скорбно есть и пребывающій въ немъ тѣсное и скудное житіе проходитъ; ты же юнъ сый, говоритъ, мню, яко не можеши терпѣти на мѣстѣ семъ. А юношъ говоритъ: благослови, отче, съ Божьею помощью, дескать, надѣюсь преодолѣть... Ну, принялъ его отшельникъ въ свой скитъ. На другое утро призвалъ его и говоритъ: иди, говоритъ, въ огородъ капусту садить, только сади ее не такъ, какъ въ міру садятъ, а кочнемъ вверхъ. Вышелъ отъ него юношъ да и стоитъ: „какъ это, дескать, такъ: коч-

немъ вверхъ? Рехнулся, должно, старикъ... Изгажу я эдакъ все дѣло... Надо вернуться, сказать ему...“ Ну, вернулся, „Не такъ, говоритъ, отче, ты сказалъ мнѣ...“ Посмотрѣлъ на него старецъ святый... „Не готовъ ты, говоритъ, для подвига иноческаго, потому волю ты свою не умертвилъ еще... Иди, говоритъ, въ міръ, оставь тамъ волю свою, тогда и приходи...“ И прогналъ его... Видишь, какъ послушаніе-то считается...

Склонивъ голову, Иванъ молча слушалъ, но его ничуть не интересовало то, что говорилъ настоятель. Игуменъ же, глядя на склоненную, надломленную фигуру послушника, думалъ, что это раскаяніе говоритъ въ немъ, совѣсть его укоряетъ. И, довольный произведеннымъ эффектомъ, онъ продолжалъ, поглаживая бархатныя ручки кресла:

— А то вотъ въ другой разъ какъ было дѣло... какъ самъ Богъ... самъ Богъ!.. чудесно показалъ, что послушаніе для Него, батюшки, дороже всего въ инокѣ. Шелъ разъ одинъ старецъ со своимъ ученикомъ берегомъ озера. И вдругъ поднялась на озерѣ буря... И видитъ старецъ—человѣкъ въ волнахъ погибаетъ... „Смотри, говоритъ онъ, это ученику-то, вонъ человѣкъ тонетъ посреди озера. Поди, говоритъ, спаси его...“ А буря просто ужасти, волны такъ и ходятъ... „Ей, отче честный“, говоритъ тотъ... Перекрестился да съ берега—прыгъ!.. Прошло нѣсколько времени, возвращается на берегъ со спасеннымъ, только—глядь, что за чудо: вся одежа на немъ сухая! Какъ это такъ, гово-

ритъ? „А такъ, говоритъ старецъ... Ты и не замѣтилъ, чадо, что ты по водѣ-то, яко по суху прошелъ; а потому и не замѣтилъ, говоритъ, что творилъ не свою волю, а волю пославшаго тя..." Видишь, что значитъ послушаніе? По водѣ, яко по суху... А тебѣ то не нравится да это не хорошо... Смирять свою волю ты долженъ... Своя воля—пагуба для человѣка...

— Я свою волю не творю, батюшка,—тихо отвѣчалъ Иванъ.—Я остаюсь въ послушаніи, только... силъ моихъ нѣтъ... Самую тяжелую работу дайте мнѣ, а такъ... не могу... Благословите на другое послушаніе...

Игуменъ, видя, что его увѣщеванія не произвели никакого дѣйствія, нахмурился. Согласиться на просьбу послушника ему не хотѣлось, это было бы похоже на слабость, и не исполнить просьбы тоже не хотѣлось—пожалуй, натворитъ еще чего. Въ эту пору, въ молодости-то, у многихъ такъ бываетъ: смущаетъ ихъ дьяволъ, манитъ ихъ къ себѣ красная міра сего... А выйдетъ что—слухи всякіе пойдутъ, братіи соблазнъ.

— Во имя Отца и Сына...—раздалось за дверью.

— Аминь, аминь, входи...

Дверь отворилась и въ комнату вошелъ Іона, молодой еще монахъ изъ „рясофорныхъ".

— Вотъ еще одинъ...—проворчалъ игуменъ.—Искушеніе только одно съ вами...

И, обращаясь къ Ивану, онъ проговорилъ:

— Ну, если ужъ ты, правда, потрудиться такъ

хочешь, то изъ снихожденія къ тебѣ, я, пожалуй, переведу тебя изъ гостиницы. Но только помни, это будетъ въ послѣдній разъ... Понялъ?

— Понялъ, батюшка... Спаси васъ Господи...— поклонился Иванъ.

— То-то „спаси Господи“... На это вы всѣ мастера, а на дѣло-то и нѣтъ васъ...—отвѣчалъ игуменъ.—Одинъ все бѣгаетъ съ мѣста на мѣсто, а другой въ книжку все смотритъ да старшихъ конфузитъ...

Іона потупился.

— Ну, а ты что вчера настроилъ на подворьѣ?— спросилъ его настоятель.—Развѣ это твое дѣло вмѣшиваться, а?

Іона покраснѣлъ слегка и поднялъ глаза на игумена.

— Что же, я ничего дурного не сдѣлалъ, батюшка,—отвѣчалъ онъ.—Я только сказалъ, что зачѣмъ человѣкомъ гнушаться? Можетъ, онъ лучше насъ... Пусть бы онъ съ нами и поѣлъ... Весь ободранный, голодный, руки дрожатъ... Господь Іисусъ Христосъ училъ...

— Исусъ Христосъ, Исусъ Христосъ...—перебилъ игуменъ.—Исусъ Христосъ училъ смиренію, а ты старшимъ не покоряешься, все тебѣ вездѣ нужно... Твое дѣло не разсуждать, а дѣлать то, что тебѣ приказываютъ. Молодъ ты еще старшихъ-то учить...

— Я думалъ...

— Вотъ видишь, видишь, какъ гордыня-то въ

тебѣ говоритъ!..—воскликнулъ игуменъ, быстро вставая съ кресла.—Видишь, какъ тебя лукавый-то мутитъ!.. Чѣмъ бы слушать, чему тебя старшіе учатъ, ты въ разговоры, оправдываться тебѣ надо. А ты долженъ молчать... И правъ ты, а смолчи, да со смиреніемъ, безъ злобы смолчи... Вотъ тогда ты будешь инокъ... А это что...

Іона молчалъ.

— Иди-ка сюда вотъ, читай, что тутъ написано...—сказалъ игуменъ, тыкая пухлымъ пальцемъ въ одно изъ многочисленныхъ поученій, висѣвшихъ на стѣнѣ между портретами государей, монастырскими видами и разными картинами изъ священнаго писанья, очень неважными, но въ солидныхъ золотыхъ рамахъ.

Іона подошелъ.

— Я читалъ это, батюшка... Знаю...

– Аа! Видишь, какъ тебя отъ душеспасительнаго-то отвращаетъ, видишь, какъ въ тебѣ бунтуетъ врагъ-то!.. Небось, въ книжку смотрѣть, такъ сейчасъ бы, а тутъ нѣтъ, не нравится...—воскликнулъ игуменъ.—И знаешь, да читай!.. И Иванъ послушаетъ. Потому гордыни, злобы въ васъ много, смута въ душѣ великая и темнота... А вы, вмѣсто того, чтобы прибѣгнуть къ Богу со смиреніемъ, врачевать себя, вы все на дыбы!.. Ну, читай, читай, что тамъ написано...

Сдвинувъ слегка брови, полный ничѣмъ непобѣдимаго сознанія, что все это не нужно, все это лишнее, сознанія, внушавшаго ему почти отвра-

щеніе къ тому, что онъ дѣлалъ, Іона хмурымъ, равнодушнымъ голосомъ началъ:

— „Духовная аптека на пользу всѣмъ человѣкомъ. Старецъ нѣкій пріиде во врачебницу и вопроси врача: есть ли таковое зеліе, еже врачевало бы болѣзни душевныя или грѣхи?“

— Есть...—увѣренно отвѣчалъ игуменъ, переводя глаза съ Ивана на Іону, какъ бы ожидая, какой эффектъ произведетъ на нихъ отвѣтъ врача.— Ну, смотри, что врачъ говоритъ...

— „Врачъ же отвѣща...“

— Да...—подтвердилъ игуменъ, точно подчеркивая авансомъ отвѣтъ врача.

— „Есть...“

— Видишь: *есть*...—авторитетно вставилъ игуменъ.

— „...пріиди и возьми корень послушанія...“

— Видишь?—многозначительно поднялъ палецъ игуменъ, обращаясь къ Ивану.—Послушаніе прежде всего...

— „...и правды листвія, цвѣтъ красоты или чистоты душевныя и тѣлесныя, плодъ добрыхъ дѣлъ и изотри въ сосудѣ сокрушенія сердечнаго, просѣй въ рѣшетѣ разсужденія, прилей воды отъ слезъ молитвенныхъ и раствори горнило покаянія; потомъ воспламени себя божественною любовію, вложи въ горнило ничтожество или смиреніе и, усоливъ себя солію братолюбія, отверзай щедрую руку къ милостынѣ, юже да твориши въ тайнѣ. Егда же все то уготовится чрезъ огнь вѣры и

благодати, употребляй съ пользою, тогда будеши здравъ...“

— Ну, вотъ... Выучите вотъ оба все это наизусть да и исполняйте...—сказалъ игуменъ.— Тогда... тогда и будеши здравъ... А то что это?.. Развѣ такъ живутъ иноки?.. И ты, Иванъ, долженъ помнить, что обители ты вѣчно, по гробъ жисти, обязанъ... Не возьми тебя она, можетъ, тебя бы и на свѣтѣ не было, давно померъ бы съ голоду... Должóнъ чувствовать...

Иванъ, потупившись, молчалъ.

— Ну, хорошо ужъ... Идите съ Богомъ...—сказалъ игуменъ. — Да смотри, Иванъ, помни, что сказано... Больше потачекъ не будетъ... И ты тоже... Оставь свои книжки-то... Не къ лицу̀ это иноку... твое дѣло — трудись да перебирай лѣстовку... Мудрствованье-то до добра не доведетъ...

Іона промолчалъ.

Игумена утомила эта бесѣда. Считая, что долгъ пастыря имъ теперь исполненъ, онъ проговорилъ опять, опускаясь въ кресло:

— Ну, ступайте съ Богомъ... Чай, ужъ къ трапезѣ звонили...

Иванъ и Іона, низко поклонившись, вышли.

— „Спаси, Го-осподи, люди твоя-а-а...“—запѣлъ игуменъ, берясь за „Спутника Здоровья“...

Но тотчасъ же онъ отложилъ журналъ въ сторону и сѣлъ писать письмо къ одной изъ своихъ почитательницъ, богатой московской купчихѣ, которая спрашивала его, какимъ способомъ ей лучше

всего спастись... По его мнѣнію, лучшимъ способомъ было какъ разъ то, что рекомендовала „Духовная аптека на пользу всѣмъ человѣкомъ"...

III.

— Гдѣ ты все пропадаешь? — сердито воскликнулъ о. Николай, увидя вошедшаго въ трапезную Ивана.—Искушеніе!.. Тутъ надо гостей кормить, а его нѣтъ...

— Я у о. игумена былъ...

— У о. игумена, у о. игумена!.. Не разорваться мнѣ тутъ одному... Охъ, Господи, батюшка милосердый... Пра-аво... Поди звони...

Иванъ взялъ стоявшій на окнѣ колокольчикъ и, выйдя въ коридоръ, началъ звонить.

Одна за другой отворялись двери номеровъ и богомольцы, приглаживая руками волосы и оправляя одежду, медленно потянулись въ трапезную, гдѣ у двери ихъ встрѣчалъ любезно улыбающійся о. Николай.

— Откушать пожалуйте... Чѣмъ Богъ послалъ... Ужъ не взыщите... Потому постники мы... Сами знаете, нельзя, монастырь, поститься надо... Пожалуйте, пожалуйте...

Трапезная представляла изъ себя длинную, узкую комнату съ низкимъ сводчатымъ потолкомъ и съ чисто выбѣленными стѣнами; два длинныхъ стола, покрытые грубыми скатертями, тянулись

параллельно одинъ другому во всю ея длину, отъ входа до стѣны, около которой стояла большая божница съ множествомъ иконъ; массивная лампада изъ цвѣтного стекла клала пестрыя, теплыя пятна на темные лики святыхъ и зажигала робкіе огоньки на ихъ вѣнцахъ и серебряныхъ кованыхъ одеждахъ. Предъ божницей—небольшое возвышеніе и аналой, на которомъ лежала какая-то растрепанная книга въ засаленной обложкѣ.

Одинъ за другимъ гости занимали мѣста за столами, по которымъ протянулся длинный рядъ пузатыхъ жестяныхъ братинъ съ кислымъ квасомъ и два ряда бѣлыхъ эмалированныхъ тарелокъ, украшенныхъ большими ломтями чернаго хлѣба. Вмѣсто салфетокъ гостямъ подавалось длинное полотенце, одно на четверыхъ. Народъ они были невзыскательный,—все больше крестьяне, мелкіе торгашики съ дородными супругами, приказчики. Другимъ, которые поважнѣе, изъ уваженія, трапеза подавалась въ комнаты... Женщинъ, какъ всегда, было почти втрое больше мужчинъ. Молодой человѣкъ съ хохолкомъ уже былъ здѣсь, все такой же тихенькій, скромненькій, постненькій. Г. инспекторъ отсутствовалъ, скучая одинъ въ своемъ номерѣ. Только было разговорился онъ съ о. Николаемъ, какъ позвонили къ трапезѣ, и гостинникъ оставилъ его послѣ многихъ улыбокъ и извиненій,—онъ уже слышалъ о трехъ рубляхъ, пожертвованныхъ благодѣтелемъ на клеенку.

Иванъ громко прочелъ молитву и, перекрестившись, всталъ на возвышеніе предъ аналоемъ, чтобы читать, какъ всегда полагалось во время трапезы, что-нибудь душеспасительное. Богомольцы, заранѣе умиленные, сразу затихли, приготовляясь слушать. Служки быстро разносили миски съ постными щами и, пробормотавъ „во имя Отца и Сына“..., ставили ихъ предъ гостями, одну на четверыхъ.

Иванъ раскрылъ книгу на закладкѣ и сдѣлалъ усиліе, чтобы сосредоточить на ней все свое вниманіе... Ровныя, черныя строчки виднѣлись гдѣ-то вдали и Иванъ съ трудомъ различалъ буквы, которыя складывались въ слова помимо его воли, механически, и также механически, безучастно повторялъ за глазами эти слова языкъ. Ивану казалось, что читаетъ книгу не онъ, а кто-то другой... И это было ему безразлично. Ему хотѣлось бы уйти,—все равно куда, только бы уйти... Все это было противно ему теперь... Стукъ ложекъ, жадное чавканье, торопливая бѣготня служекъ, сладкое „кушайте, кушайте во славу Божію“ о. Николая, — все противно. А въ раскрытыя окна теплый вѣтерокъ доносилъ сильный запахъ цвѣтущей черемухи, сосны, росистаго луга. И дышать было почему-то трудно,—что-то тяжелое, жаркое, безпокойное было въ этой весенней синей ночи. На озерѣ, въ камышахъ, шумѣли лягушки, а въ густой ольхѣ, надъ берегомъ, щелкалъ, и свисталъ, и разсыпался трелями счастливый чѣмъ-

то соловей. Но Иванъ слышалъ плохо, только изрѣдка, его горячія трели, — ему мѣшалъ этотъ деревянный, монотонный голосъ того, кто, вмѣсто него, читалъ богомольцамъ о воскресеніи мертвыхъ.

— „Что есть воскресенье? — слышалъ Иванъ. — Подобно веснѣ... возстанутъ большія тѣла и малыя, мужскія и женскія, въ пучинахъ морскихъ потонувшія и въ огнѣ сгорѣвшія... кости облекутся жилами и плотію и воспріемлютъ духъ...“

Сочувственные, умиленные вздохи...

— Ну-ка, дай-ка кваску...—громко рыгнувъ, проговорилъ кто-то низкимъ голосомъ. — Пойло совсѣмъ замучило. :

— Это отъ масла...

— Пожалуй, отъ него...

— Во Имя Отца и Сына...

Серебряная трель посыпалась изъ темной, дремлющей ольхи на зеркало озера... Нѣтъ, это не тамъ, дальше... не соловей .. та тоскующая пѣсня!.. Вотъ, вотъ она замираетъ, замираетъ...

— Кушайте, кушайте во славу Божію... Кашка, кажись, удалась...

Что-то горячее, тяжелое поднялось вдругъ въ груди Ивана и подступило къ горлу... Чтеніе оборвалось на какомъ-то сдавленномъ, хрипломъ звукѣ.

Стоявшій неподалеку о. Николай быстро обернулся къ Ивану.

— Что ты это?... А?—прошепталъ онъ съ безпокойствомъ.—Слышь?.. Братъ Иванъ?.. А?..

— Голова закружилась, не могу больше...—проговорилъ Иванъ точно не своимъ языкомъ.

Богомольцы съ любопытствомъ вытянули шеи, смотрятъ во всѣ глаза и о. Николай съ чрезвычайной кротостью говоритъ:

— Ну, пусти, я почитаю... А ты поди, посиди у окошка... Пусть вѣтеркомъ обдуетъ...

Иванъ медленно идетъ въ сосѣднюю комнату, гдѣ моютъ посуду, тяжело опускается на широкій подоконникъ... Ночной вѣтерокъ ласково, точно утѣшая, обвѣваетъ его разгоряченную голову... Вотъ соловей опять... Какая-то жаркая тягота, безпокойство... А тамъ стукъ ложекъ и умиленный, приторный, какъ медъ, голосъ:

— ...многіе невѣжествующіе люди небрежно творятъ крестное знаменіе, махаючи рукой по лицу своему... Такому маханію и бѣсы радуются... Если же который крестится, какъ слѣдуетъ, то ангелы этимъ веселятся и написуютъ его..."

Кто-то громко читаетъ молитву... Смутный говоръ, шумъ шаговъ...

— Поѣлъ бы ты чего, а?..—говоритъ о. Николай и въ его голосѣ слышны какія-то тревожныя нотки.

Молчаніе.

— Эхъ, Иванъ, Иванъ... Поддаешься ты врагу...

Какая-то темная злоба колыхнулась въ груди Ивана, но онъ промолчалъ...

О. Николай покачалъ головой, вполголоса, точно боясь чего, приказалъ служкамъ перемыть

посуду и, бросивъ осторожный взглядъ на Ивана, пошелъ къ господину инспектору справиться, хорошо ли тотъ покушалъ.

— Во имя Отца и Сына...—легонько постучалъ онъ въ дверь, заранѣе сладко улыбаясь.

— Войдите, войдите... Кто тамъ?.. А-а, это вы, о. Николай... А-атлично...Садитесь, будемъ чай пить... Я страшно люблю чай... А вотъ сынъ... Онъ у меня во флотѣ, въ Китаѣ... Хотя подъ Таку и не былъ, но хунхузовъ...

— Хе-хе-хе...

— ...за косу!.. Ха-ха-ха...

— Хе-хе-хе...

Дверь легонько затворилась.

Къ Ивану подошелъ одинъ изъ служекъ-послушниковъ.

— Иванъ, слышь? А Иванъ?

— Ну?

— Пойдешь къ „правиламъ"-то?.. А то игуменъ, смотри, узнаетъ, разсердится...

— Пойду...

— Ну, такъ пойдемъ...

Иванъ всталъ и пошелъ въ церковь, гдѣ собралась почти вся братія... Полумракъ и черныя фугуры людей... Кто-то громко произноситъ какія-то непонятныя слова... Иванъ смутно помнитъ. что надо прочесть молитвы на сонъ грядущимъ, потомъ сто „умныхъ" молитвъ Іисусовыхъ, но онъ забылъ ихъ всѣ; помнитъ онъ также, что нужно сдѣлать сто поясныхъ и пятнадцать земныхъ

поклоновъ, и вотъ онъ кланяется, крестится, опять кланяется...

Вотъ черныя фигуры пришли въ движеніе... И Иванъ пошелъ за ними... Иноки смиренно просятъ у игумена прощенія въ томъ, что не трудились въ теченіе дня, какъ слѣдуетъ, и онъ ихъ благословляетъ...

Опять тяжкая знойная ночь, духъ хорошій такой, соловей... Вѣтерокъ... А вотъ и келья... Кроткій огонекъ лампадки... Никого нѣтъ...

Не раздѣваясь, Иванъ легъ ничкомъ на свою узкую и жесткую койку. Онъ слышалъ, какъ пришелъ о. Николай и двое служекъ при гостиницѣ, какъ они молились, какъ раздѣвались. Потомъ они легли и сразу, утомленные долгимъ днемъ, уснули.

И когда они уснули, когда все кругомъ въ кельяхъ стало тихо, тяжелая туча, висѣвшая надъ душой Ивана, приподнялась и придавленныя ею думы и чувства ожили вновь и закружились въ горячемъ, бѣшеномъ вихрѣ. Какъ рой нечистыхъ духовъ, онѣ неслись одна за другой, неслись все впередъ и впередъ, въ дикомъ безпорядкѣ, неслись безъ конца... О чемъ онѣ были? Ни о чемъ, обо всемъ... Вся жизнь Ивана, перепутанная, нелѣпая, какъ кошмаръ, была въ нихъ и въ то же время въ нихъ не было ничего, кромѣ жгучихъ порывовъ куда-то далеко, далеко изъ этой тѣсной, неопрятной каморки, пропитанной тяжелымъ запахомъ ладона и деревяннаго масла...

На колокольнѣ гулко пробило девять...

Иванъ тихонько всталъ и подошелъ къ окну... Какъ тамъ широко все, чисто, хорошо... Какъ тихо... Вотъ гдѣ-то за стѣнами, за деревней, затянулъ было пѣсню кто-то, грустную, грустную, но оборвалъ... И опять все тихо... Во мракѣ, полномъ серебристаго мерцанія звѣздъ, спитъ смутно-бѣлая каменная громада собора. Въ углу двора, у слабомерцающаго фонаря, сидитъ, сгорбившись, привратникъ и громадная тѣнь его дрожитъ и прыгаетъ на бѣлой стѣнѣ ограды... А тамъ дальше ширь, воля... Ивану захотѣлось выйти туда, на свѣжій ночной воздухъ, побродить по росистой травѣ, отдохнуть отъ думъ, но—даже это было запрещено ему: никто изъ братіи, по уставу, не можетъ выходить изъ келіи послѣ „правилъ". Лишній разъ его неволя напомнила ему о себѣ, и въ его груди шевельнулось недоброе чувство, глухой, безсознательный протестъ... Онъ вздохнулъ и сѣлъ на окно. Какъ хорошо тамъ, какъ все покойно, ясно!... И звѣздочки свѣтятся, такія кроткія, ласковыя и далекія, далекія, такія далекія, что даже грустно смотрѣть на нихъ... А соловей все поетъ и поетъ,—слышно, что хорошо ему, вольной птицѣ, на бѣломъ свѣтѣ, что счастливъ онъ... Никто ни въ чемъ ему стѣсненья положить не можетъ... А ты обязанъ, говорятъ, чувствовать долженъ... А онъ не можетъ такъ чувствовать, какъ ему велятъ. Послушаніе паче поста и молитвы... Онъ и радъ бы, да не можетъ. И кто виноватъ—развѣ

онъ? Вскормили его, вспоили... И въ этомъ онъ не виноватъ... Никто, какъ Богъ, сиротой его оставилъ да привелъ сюда...

Ему не было и двухъ лѣтъ еще, какъ умеръ его отецъ,—деревомъ его на валкѣ лѣса у купца задавило... Старики еще раньше померли и вдова осталась только съ Ваняткой. Распродавъ все то немногое, что у нихъ было, постепенно они превратились въ нищихъ и стали кормиться милостынькой, что добрые люди дадутъ. Какъ-то разъ весной, въ половодье, мать промокла очень и слегла. Долго маялась она, чуть не померла... Потомъ стала полегоньку выздоравливать, поправляться—спасибо добрые люди не покинули ее съ Ваняткой: кто хлѣбца принесетъ, кто щецъ горшочекъ, кто картошки вареной или каши, или молочка мальченкѣ... И какъ лежала такъ вотъ она, дума ей въ голову и запала: а что, дескать, съ Ваняткой будетъ, доведись ей помереть? И давай плакать надъ нимъ да жалобиться... Потомъ поправилась, встала да и пошла съ нимъ въ Кулмозерскій монастырь,—верстъ семь отъ ихъ деревни будетъ. А игуменомъ тогда о. Аѳанасій былъ, добрѣйшей души старичекъ... Мать прямо въ ноги ему: такъ и такъ, не дайте ребенку погибнуть. примите его, Христа ради. Подумалъ о. Аѳанасій, подумалъ—ну, что же, говоритъ, пусть останется. Здѣсь ему лучше будетъ, чѣмъ въ міру-то... Поплакала мамка, погоревала, да дѣлать нечего... И остался Ванятка въ монастырѣ. Грамотѣ

его стали учить, на клиросѣ пѣть, работать по хозяйству... И строго такъ все было,—ни побаловаться, ни посмѣяться, ни побѣгать... Чуть что, сейчасъ одернутъ, — дескать, люди увидать могутъ, осудятъ, вонъ какъ въ монастырѣ-то лодырничаютъ, скажутъ, все смѣхи да хаханьки, какой это, скажутъ, монастырь?.. Ну, и затихнетъ молодежь, присмирѣетъ...

И потянулись, поползли года одинъ за другимъ—тихіе, скучные, холодные, безъ ласки, безъ смѣха, безъ воли... Мамка только изрѣдка навѣдывалась,—не любили старшіе, чтобы зря она ходила. Придетъ, поплачетъ да и уйдетъ. И всякій разъ гостинцевъ принесетъ: то яблочко, то рѣпку, а то ватрушку сдобную или крендель, а сама вся оборванная, сумочка холщевая сбоку болтается... И жалко ее было Ваняткѣ и всякій онъ разъ плакалъ, какъ она уходила... А года все ползли... Сильный сталъ онъ, здоровый, — такъ внутри и кипитъ, и бьетъ ключомъ что-то. Пошлютъ его въ поле работать или коней пасти, — поймаетъ онъ какого-нибудь, который побойчѣе, вскочитъ на спину да во весь духъ. Въ ушахъ вѣтеръ свищетъ, лицо горитъ, а душа-то вся такъ и дрожитъ, такъ и трепещется, ровно выпрыгнуть хочетъ,—больно ужъ хорошо, словно крылья за плечами-то выросли... А придетъ домой, опять давить его точно что со всѣхъ сторонъ начнетъ и какъ-то эдакъ тоскливо да тягостно на сердцѣ сдѣлается. Да и въ поляхъ-то тоже иной разъ не

слаще, чѣмъ дома было, потому бокъ-о-бокъ съ крестьянскими протянулись они, работать все вмѣстѣ приходилось. Покосъ ли тамъ, навозъ ли возятъ, жнитво-ли,—пѣсня идетъ, шутки, смѣхъ, а тутъ знай только спину гни. Ни посмѣяться, ни пошутить — ничего... Чуть что, „хозяинъ" *) сейчасъ окрикнетъ, и замолчишь. Тамъ шумъ, веселье, а здѣсь тишина, словно мертвецы всѣ какіе...

И чѣмъ старше становился Иванъ, тѣмъ сильнѣе ощущалъ онъ эту тѣсноту да тяготу...

И жилъ въ ту пору въ обители старецъ одинъ, о. Евѳимій. Святой жизни старецъ былъ, богомолецъ, смиренникъ. Чаю или молочнаго чего и въ ротъ не бралъ, ѣлъ все безъ масла. И не мылся никогда, не баловалъ свое тѣло. Духъ отъ него эдакій тяжелый былъ, какъ отъ мертваго, и въ кельи тоже,—просто никто и войти къ нему даже не могъ, а онъ ничего, жилъ. Язвы это по всему тѣлу пошли, отъ нечистоты да отъ веригъ, индо смотрѣть страшно, а онъ только радуется имъ... И все о грѣхахъ своихъ сокрушался да плакалъ,—такъ съ утра до вечера слезами и заливается... Потомъ сподобился онъ великій ангельскій образъ, схиму, принять и съ тѣхъ поръ въ гробу спать сталъ—такъ посреди келіи и стоялъ гробъ всегда. И смиренія старецъ былъ великаго,—кого ни увидитъ, хоть женщину тамъ какую или

*) Старшій надзиратель.

ребенка, сейчасъ въ ноги кланяться да прощенья просить. А какъ померъ онъ, говорили старцы, будто, всѣ язвы его сразу закрылись и отъ тѣла благоуханіе эдакое пошло, а ночью надъ обителью, будто, свѣтлый столбъ до самаго утра стоялъ...

Такъ ему-то вотъ и сказалъ на исповѣди Иванъ о своемъ томленіи. И сталъ ему старецъ выговаривать за это: дескать, такія мысли гнать надо, потому на міръ-то людской не только завидовать надо, а бѣжать, бѣжать отъ него, потому погрязъ онъ въ грѣхѣ и служитъ діаволу... И пойдутъ они всѣ въ геенну огненную на вѣки вѣчные, и будетъ тамъ плачъ и скрежетъ зубовный... И долго такъ говорилъ онъ, разсказывая то о мукахъ адскихъ, уготованныхъ грѣшникамъ, то о райскомъ блаженствѣ тѣхъ немногихъ избранныхъ, которые выйдутъ изъ многихъ званыхъ. И задумался Иванъ: съ одной стороны, жестокая кара суроваго Бога, съ другой — райское блаженство неописуемое, предшествуемое, кромѣ того, еще на землѣ цѣлымъ міромъ чудесъ всякихъ... Сталъ онъ усидчиво читать житія святыхъ, и съ каждой прочитанной страницей все болѣе и болѣе крѣпло въ немъ рѣшеніе итти по пути, который угодники Божьи указывали людямъ... Мысль, что и онъ можетъ обладать ихъ могуществомъ, тѣмъ чудеснымъ міромъ, въ которомъ они жили даже на землѣ, соблазняла его. И ему не казалось это невозможнымъ,—такіе люди были даже въ его монастырѣ, какъ разсказывалъ объ этомъ набожный

хроникеръ обители въ небольшой книжечкѣ „Исторія Кулмозерскаго монастыря“. Былъ тутъ, напримѣръ, схимникъ Антоній, жившій въ дремучемъ лѣсу, „единому Богу присно внимаше и псаломскія пѣсни пояше“,—хижина его и до сихъ поръ стоитъ тамъ, въ лѣсу, по ту сторону озера. Въ глубокую полночь выходилъ онъ изъ своей хижинки и безъ всякой боязни гулялъ по лѣсу; со всѣхъ сторонъ осаждала его нечистая сила, но онъ крестнымъ знаменіемъ прогонялъ ее; медвѣди подходили къ нему, онъ ласкалъ ихъ и они становились кроткими, какъ ягнята. Спасался здѣсь долгое время и другой схимникъ, Агаѳангелъ; онъ самъ истесалъ себѣ изъ дикаго камня большой крестъ на могилу и уже готовился умирать, какъ вдругъ Богъ явился ему во снѣ и повелѣлъ итти въ другую обитель, на далекій сѣверъ. Агаѳангелъ, ведомый ангеломъ, пошелъ чрезъ лѣса и болота, а за нимъ поплылъ сперва по озеру, а потомъ по рѣкамъ его каменный крестъ. Былъ, наконецъ, и о. Евфимій, который наставлялъ Ивана въ жизни иноческой,—развѣ не являлся къ нему бѣсъ и въ келіи, и на озерѣ, и въ храмѣ даже? А на озерѣ такъ особенно часто, — не успѣетъ Евфимій, бывало выйти изъ келіи, какъ онъ ужъ тутъ какъ тутъ, встанетъ гдѣ нибудь изъ бочага, страшный эдакій, волосища зеленые, и давай смущать. Сотворитъ Евфимій крестное знаменіе и пропадетъ нечистая сила...

Жить въ этомъ необыкновенномъ, страшномъ и

влекущемъ въ то же время мірѣ, повелѣвать адомъ, видѣть и слышать то, чего другіе не видятъ и не слышатъ, исцѣлять людей однимъ прикосновеніемъ или словомъ, быть въ постоянномъ общеніи съ Богомъ и съ Его угодниками святыми, а потомъ, на вечерѣ дней своихъ, легко, безъ страха перейти въ горнія обители блаженной вѣчности,—что предъ этимъ былъ міръ съ его смѣхомъ, пѣснями въ поляхъ, со всѣми его окаянными прелестями? Жалокъ онъ былъ и отказаться отъ него казалось Ивану дѣломъ легкимъ...

И онъ отказался... Ненавидя свою бунтующую плоть, онъ мучилъ, убивалъ ее въ непосильной работѣ, въ долгихъ церковныхъ стояніяхъ, въ строгомъ постѣ. Онъ хотѣлъ даже отречься совсѣмъ отъ матери, хотѣлъ надѣть вериги, но о. Евфимій воспретилъ все это, боясь, что Иванъ возымѣетъ гордость предъ другими иноками, и приказалъ причащаться пищи и сну, какъ и вся братія, погодить, испытать сперва себя, какъ слѣдуетъ, въ трудахъ, постѣ и молитвѣ, а паче всего—въ послушаніи...

Два года смирялъ такъ себя Иванъ для того, чтобы завоевать ту страшную силу, ту власть, два года бился онъ такъ съ самимъ собой, въ ожиданіи, что вотъ-вотъ предъ нимъ раскроется тотъ міръ, котораго онъ искалъ,—но напрасно: все вокругъ него оставалось попрежнему, безъ перемѣнъ, новаго было только то, что жизнь стала для него невыносимо тяжела, невыносимо тяжело

стало это постоянное наблюденіе за своей душой, преслѣдованіе всякаго, кажущагося грѣховнымъ, чувства, подавленіе всякой мысли, употребленіе всѣхъ силъ души на то, чтобы задавить эту душу...

И вотъ, въ прошломъ году, когда онъ, совершенно обезсиленный этой борьбой, жестоко затосковалъ, не зная, куда итти, что дѣлать, какъ жить,—жизнь, та, другая, проклятая жизнь, ведущая къ гибели, осторожно напомнила ему о себѣ.

Это было весной... Вмѣстѣ съ другими послушниками и иноками Иванъ пахалъ въ дальнихъ поляхъ, за которыми начинались уже крестьянскія земли. Остановившись вздохнуть немного на опушкѣ березоваго лѣса, одѣвшагося свѣжей, пушистой листвой, Иванъ задумчиво смотрѣлъ въ эти зеленые, облитые солнечнымъ сіяніемъ чертоги. Сколько жизни, сколько радости подъ ихъ трепещущими сводами! То крошечная пѣночка вылетитъ изъ чащи и прозвенитъ что-то ласковое и нѣжное, точно робкій привѣтъ отъ кого-то далекаго, но дорогого, то зябликъ выльетъ въ пѣснѣ изъ своей маленькой души звонкое серебро любви, а тамъ, дальше, горихвостка разсказываетъ лѣсу о своемъ счастьѣ, — оно совсѣмъ вскружило ей голову, — разсказываетъ и все смѣется. Иногда промелькнетъ золотая иволга, звонко прокричатъ журавли вдали, на глухомъ лѣсномъ болотѣ, прилетитъ хлопотливая трясогузка... Сквозь частую нѣжную сѣть вѣтвей Иванъ

видѣлъ плывущія въ синевѣ неба стада жемчужныхъ облаковъ, среди которыхъ, тамъ, глубоко, глубоко, неутомимо носятся крошечные, черненькіе полумѣсяцы стрижей; иногда величественно проплыветъ тамъ большой сарычъ, за нимъ другой, третій... И на пашню, въ ея свѣжія, пріятно пахнущія землей, борозды короткими, звонкими гирляндами падаютъ ихъ заунывныя, нарядныя трели, которыя такъ идутъ къ теплу и блеску весенняго полудня...

И Ивану казалось, что все, что онъ видитъ, слышитъ, угадываетъ въ глубинѣ золотисто-зеленаго моря, что все это необыкновенно счастливо, довольно собой и шумно и радостно благодаритъ кого-то за что-то. Звенящіе гимны эти улетаютъ вмѣстѣ съ ароматомъ ландышей и фіалокъ въ теплое небо, и кто-то большой, свѣтлый, безконечно-добрый, улыбается имъ оттуда, какъ будто, благословляетъ ихъ, а вмѣстѣ съ ними, какъ будто, и Ивана. И Ивану стало такъ хорошо, тепло, и онъ пересталъ чувствовать себя отдѣльнымъ существомъ и слился съ окружающимъ его міромъ въ одно, во что-то свѣтлое, великое и радостное...

Вдругъ неизвѣстно откуда въ его душу повѣяло грустью... Онъ глубоко, судорожно вздохнулъ о чемъ-то и, сразу отдѣлившись отъ ликующей на праздникѣ жизни міровой души, почувствовалъ себя глубоко несчастнымъ, одинокимъ... Ему захотѣлось чьей-то теплой ласки, чьего-то добраго

слова, любящаго взгляда, присутствія кого-то дорогого, родного...

Поникнувъ головой, онъ стоялъ и грустно думалъ—о чемъ, онъ и самъ не зналъ...

И вдругъ какіе-то легкіе, плавные и звонкіе, какъ серебро, звуки полились откуда-то. Иванъ, охваченный какимъ-то непонятнымъ ему трепетомъ, прислушался...

Темной ноченькой не спится.
Я не знаю, почему...—

пѣлъ гдѣ-то неподалеку высокій дѣвичій голосъ. Все ближе и ближе онъ. Иванъ смотрѣлъ на сухой уже, пыльный проселокъ и его сердце учащенно билось и ныло.

...Разступись, сыра земля,
Гробова доска, раскройся...

Всей душой Иванъ почувствовалъ, что невидимую дѣвушку томитъ та же тоска, та же непонятная, щемящая и сладкая весенняя грусть, какъ и его. И его вдругъ потянуло туда, къ ней, чтобы слиться съ ней въ одно въ этой грусти, полной и счастья, и страданья...

Изъ-за куста показалась бѣлая, маленькая и лохматая лошаденка, тащившая соху. За сохой, въ золотисто-перламутровой пыли, шла высокая стройная дѣвушка въ сопровожденіи бѣлоголоваго мальчугана въ красной рубашкѣ. Увидавъ Ивана, она вдругъ оборвала свою пѣсню и, слегка

поправивъ выбившіеся изъ-подъ небрежно повязаннаго платка свѣтлые волосы, весело крикнула:

— Богъ помочь!

— Богъ спасетъ...—отвѣчалъ Иванъ.

— Что сталъ? Аль умаялся?

— Жарко...

— То-то... Это, знать, не „спаси Господи"!—засмѣялась она, глядя на Ивана своими улыбающимися, голубыми, какъ незабудки, глазами.

Она скрылась за кустами.

— Тпру, милякъ... Пріѣхали...—донесся до Ивана ея свѣжій ласковый голосъ.

Онъ опять взялся за работу... Теперь почему-то ему было весело, такъ же безпричинно, какъ только что ему было грустно; онъ почувствовалъ въ себѣ какую-то особую бодрость и силу.

— Вылѣзь, вылѣзь...—покрикивалъ онъ на лошадь и сильной рукой направлялъ сверкающіе сошники, съ пріятнымъ шелестящимъ шумомъ разрѣзавшіе влажную ароматную землю.—Н-но, куда пошла?.. Задремала!..

Иногда между кустовъ мелькала бѣлая лошаденка на недалекой полосѣ и Ивану становилось еще радостнѣе.

— Н-но, милякъ, помахивай... Но, съ Богамъ...—доносился до него голосъ дѣвушки.

И на другой день встрѣтился съ ней Иванъ, и опять она крикнула ему веселое „Богъ помочь". Потомъ она съ братишкой бороновать пріѣхала.

— Да ты, бають. Матренинъ... — крикнула она Ивану съ дороги, остановивъ лошадь.

— Матренинъ...

— Эхъ ты...—укоризненно мотнула головой дѣвушка.

— Чего: „эхъ ты“?...—насупился Иванъ.

— А того... Мать по-міру ходитъ, а онъ „спасается“... Вишь, здоровый какой, медвѣдь... Право...

И взглядъ дѣвушки внимательно остановился на сильной фигурѣ молодого инока...

Иванъ промолчалъ, сконфузившись почему-то...

Потомъ сѣвъ начался, а потомъ опять бороньба.

Иванъ чувствовалъ, что какая-то таинственная связь возникаетъ между нимъ и голубоглазой дѣвушкой. Всякій разъ, какъ онъ видѣлъ ее, на душѣ его становилось свѣтло и тепло, и жизнь казалась ему легкой и радостной. Проѣзжая мимо, дѣвушка, всегда—когда „хозяина“ по близости не было, — кричала ему звонкое „Богъ помочь“ и смотрѣла на него своими голубыми смѣющимися глазами... И Иванъ невольно улыбался въ отвѣтъ.

Но весеннія работы кончились, и Иванъ, не видя болѣе дѣвушки, опять загрустилъ...

Вдругъ мысль, что все это происки врага рода человѣческаго, искушеніе, осѣнила Ивана. Охваченный страхомъ предъ погибелью, онъ дѣлалъ страшныя усилія, чтобы освободиться отъ козней дьявольскихъ: опять онъ сталъ изводить себя работой, молитвой, постами, опять давилъ въ себѣ

всякое чувство, всякую мысль, и опять скоро жизнь стала для него невыносимымъ бременемъ... Усталая душа его уже не могла бороться съ налетавшими на него со всѣхъ сторонъ грѣшными мыслями, и иногда, въ храмѣ, въ праздничный день, онъ невольно, съ замираньемъ сердца, украдкой скользилъ взглядомъ по лицамъ богомольцевъ. И когда онъ находилъ знакомые голубые глаза, смятенье охватывало его: ему было радостно, и страшно за себя, и какъ-то особенно пріятно-жутко... А потомъ за эту минуту слабости онъ платилъ безконечными недѣлями душевной муки и покаянія...

Мѣсяцъ шелъ за мѣсяцемъ... Наступила опять зима, а разладъ въ душѣ Ивана все не утихалъ, все настойчивѣе и настойчивѣе осаждали его безсонными ночами грѣшныя мысли. Часто, вспоминая свое дѣтство, онъ видѣлъ свою убогую избенку съ съѣхавшей напередъ крышей, а въ ней свою старую мать съ согнутой спиной и слезящимися глазами, — а ей всего сорокъ съ небольшимъ было,—всю въ лохмотьяхъ, и его тянуло туда... Разъ ему приснилось, что онъ уже тамъ. въ избенкѣ. На лавкѣ сидитъ и прядетъ мать... Веретено мѣрно шелеститъ и легонько поскрипываетъ сѣрая мочка на гребнѣ. У ярко горящей печки возится... кто это?... Стряпуха оборачивается, и чьи-то голубые глаза, среди краснаго свѣта огня. смѣясь, ласково смотрятъ на Ивана. Онъ ничуть этому не удивился, онъ зналъ, что

это вполнѣ естественно, что такъ нужно, но на душѣ у него все-таки стало хорошо и тепло...

И картина эта стояла предъ нимъ день и ночь— точно кто выжегъ ее въ его мозгу. Онъ видѣлъ пылающую печь, эти глаза, старуху-мать, слышалъ шелестъ веретена и поскрипыванье льна на гребнѣ, и смотрѣлъ, смотрѣлъ, и не могъ оторваться, и тосковалъ, чувствуя, что это есть, и зная, что этого нѣтъ, что это невозможно... И воображеніе понемногу прикрашивало эту картину, дополняло ее, боязливо заглядывало за нее... Иванъ съ сладкимъ замираніемъ сердца видѣлъ себя рядомъ съ голубоглазой дѣвушкой въ полѣ, на *ихъ* собственной полосѣ, видѣлъ ее хозяйкой въ *своемъ* домѣ, видѣлъ, какъ спорилась ихъ дружная, веселая работа, видѣлъ ее, ласковую, любящую, принадлежащую ему всей душой и тѣломъ, видѣлъ мать, уже не въ лохмотьяхъ, не нищухой, видѣлъ свою избенку, блестящую свѣжей соломенной кровлей, дворъ, телѣгу, соху, борону... Все это его, онъ хозяинъ всему. И все такъ свѣтло и привольно...

Иванъ уже не боролся съ собой, откладывая борьбу эту на будущее: онъ будетъ бороться тогда, когда вдосталь насладится этой грезой... У него много времени впереди...

И вотъ опять сбѣжалъ снѣгъ съ полей, опять въ сверкающемъ воздухѣ полились серебряныя трели жаворонковъ, опять на озерѣ зарыдали гигары, застонали дикіе голуби, зато-

ковали по зорямъ тетерева, опять въ лѣсу, въ воздухѣ, въ небѣ, въ полѣ забила горячимъ ключомъ молодая жизнь и—опять среди торжественныхъ пѣснопѣній хора Иванъ услыхалъ тоскующіе, чистые, какъ серебро, звуки. Съ каждымъ днемъ все настойчивѣе и настойчивѣе звалъ его за собой этотъ голосъ, эти, какъ цвѣты, распустившіеся на унылом полѣ его жизни, голубые глаза, этотъ воздушный лазурный призракъ счастья, вставшій предъ нимъ въ блескѣ весеннихъ зорь...

Въ страстномъ, ничѣмъ непобѣдимомъ стремленіи увидать дѣвушку, онъ просилъ игумена перевести его изъ гостиницы на другое послушаніе—онъ зналъ, что его пошлютъ въ поле, — но теперь, въ эту синюю, томительно-знойную ночь, онъ понялъ, что тамъ, въ широкихъ поляхъ, гдѣ жаворонки запѣли уже предразсвѣтныя пѣсни, ему будетъ еще тоскливѣе, еще тѣснѣе, чѣмъ въ этой тѣсной, душной кельѣ...

Что же дѣлать?

У него былъ уже готовъ въ глубинѣ души отвѣтъ на этотъ вопросъ, но онъ все еще боялся сознаться себѣ въ этомъ, хотя и ясно чувствовалъ, что пришло время сдѣлать какой-то важный, неизбѣжный шагъ... Это встревожило, испугало его... Онъ попытался вызвать въ себѣ сознаніе грѣха, которымъ онъ давилъ столько разъ свою бунтующую душу, но безплодно: слишкомъ много накопилось въ ней молодой страсти, неудовлетво-

ренныхъ порывовъ къ счастью, къ волѣ, слишкомъ много тоски; она уже не боялась грѣха и властно требовала признанія того, что Иванъ такъ боязливо скрывалъ отъ самого себя...

Онъ окинулъ глазами широкій, вольный міръ, развертывавшійся предъ нимъ въ яркомъ и радостномъ блескѣ ранняго утра, и вдругъ безъ словъ, однимъ страстнымъ, могучимъ порывомъ души отвѣтилъ себѣ на свое тоскливое „что дѣлать?"..

И впервые за всю свою жизнь онъ узналъ, что такое счастье и какъ хороша жизнь, отъ которой онъ хотѣлъ было отречься...

IV.

Іонѣ было лѣтъ тридцать съ небольшимъ... Томимый той темной, душной, несуразной жизнью, которою живетъ русское крестьянство, онъ тайно ушелъ изъ дома, полный желанія спастись, обрѣсти истину, которая освѣтила бы душившій его мракъ. Вотъ уже десять лѣтъ искалъ онъ эту истину, но не находилъ, блуждая ощупью въ лабиринтѣ жизни, и вновь, неустанно, мучительно искалъ. Еще въ мірѣ пристрастился онъ къ чтенію и принесъ эту страсть съ собой сюда, въ монастырь, и здѣсь она стала для него неизсякаемымъ источникомъ страданія, такъ какъ удовлетворять ее было почти невозможно. Хотя въ монастырѣ и была своя большая библіотека, но доступъ въ нее

былъ очень затрудненъ; немногихъ свѣтскихъ книгъ, которыя были тамъ, не давали совсѣмъ, а духовныя, хотя и выдавались, но очень неохотно, послѣ долгихъ просьбъ, — монастырское начальство, старшіе, находили, что много знать иноку незачѣмъ, что это опасно, такъкакъ черезъ книги дьяволъ можетъ посѣять смуту въ душѣ, ввести въ искушеніе, ибо человѣкъ слабъ и легко поддается прельщеніямъ гордаго ума... Іона сталъ доставать книги тайкомъ, чрезъ городскихъ знакомыхъ, но это было сопряжено тоже съ большимъ трудомъ, такъ какъ вся корреспонденція братіи, всѣ посылки, какъ изъ монастыря, такъ и въ монастырь, просматривались предварительно игуменомъ, какъ это требовалъ уставъ, и все, что игумену казалось опаснымъ, способнымъ ввести въ соблазнъ, имъ задерживалось. Все это страшно тяготило Іону, безпокойная мысль котораго требовала пищи, свѣта,—такъ, во тьмѣ, онъ жить не могъ, не могъ довольствоваться обрывками старыхъ газетъ, въ которыхъ говорилось то о какомъ-то дѣлѣ Дрейфуса, то о дерзкомъ лжеученіи Толстого, то о какихъ-то войнахъ, союзахъ, рѣчахъ законахъ, собраніяхъ, о какихъ-то, очевидно, всѣмъ извѣстныхъ лицахъ, о которыхъ Іона не имѣлъ ни малѣйшаго понятія; мало ему было худенькаго томика всеобщей исторіи, безъ первыхъ и послѣднихъ страницъ, и непонятной брошюрки о какомъ-то монизмѣ, и руководства къ травосѣянію, всего этого ему было мало, ему было нужно'

какъ онъ говорилъ, „всю истину“, которя дала бы успокоеніе его тревожно-мятущейся душѣ. Его не манила, какъ Ивана, „красная міра сего“, хотя онъ уже успѣлъ узнать въ міру ядовитую прелесть людскихъ страстей и принесъ съ собой сюда „всю мерзость мірскую“, при воспоминаніи о которой иногда и закипала его молодая кровь; онъ не искалъ, какъ Иванъ, чудеснаго міра и власти надъ нимъ, но, какъ и Ивана, его давили стѣны келіи, давило каменное кольцо ограды. Такъ же, какъ и Иванъ, Іона сомнѣвался въ справедливости своихъ порывовъ и томленій и старался задавить въ себѣ безпокойную мысль: первое время онъ вѣрилъ въ возможность этого... Если въ немъ шевелилось сомнѣніе онъ начиналъ, съ видимымъ убѣжденіемъ, горячо говорить о предѣлахъ разума, объ откровеніи, о необходимости смириться, и чѣмъ сильнѣе была его тревога, его сомнѣніе, тѣмъ горячѣе говорилъ онъ о томъ, что тревоги и сомнѣнья быть не должно. Но едва онъ умолкалъ, какъ какая-то холодная тоска охватывала его душу и снова начиналось болѣніе, порывы, съ каждымъ разомъ все болѣе властные, настойчивые. Будь его душа менѣе сильной, менѣе жизнеспособной, онъ, какъ и многіе до него, задавилъ бы ее въ концѣ концовъ и удовлетворился бы тѣми дѣтскими вѣрованіями, тѣми наивными фантазіями, которыми жили всѣ окружавшіе его, но въ немъ было слишкомъ много силы и жизни, и эта сила, просясь наружу, въ дѣло, мучила его...

Предоставленный самому себѣ, тысячи разъ передумывалъ онъ свои думы, съ тоской ища отвѣта на мучившіе его вопросы, но неокрѣпшая, робкая мысль его неизмѣнно упиралась въ какую-то твердую, высокую, какъ монастырская ограда, стѣну... Задумывался онъ, напримѣръ, надъ смертью... Какъ это такъ: жилъ, жилъ человѣкъ и вдругъ его *нѣтъ*, совсѣмъ *нѣтъ*... Гдѣ же онъ? Въ раю, въ аду... А адъ, а рай гдѣ, какіе? И потомъ муки вѣчныя... Ну, сто лѣтъ, тысячу, милліонъ, а потомъ? Опять милліонъ? А потомъ опять?.. Да за что? Вѣдь иной отъ неразумія согрѣшитъ, другой по слабости человѣческой и вдругъ — милліонъ... Да какъ же такъ? Тутъ мысль его безпомощно, съ отчаяніемъ останавливалась точно предъ какой-то невидимой стѣной...

Все это было непремѣнно нужно знать Іонѣ, но еще нужнѣе, болѣе всего нужно ему было знать, *какъ жить по правдѣ*, такъ какъ эта жизнь, не смотря на всѣ ея посты и молитвы, не удовлетворяла его...

Было воскресенье. Трапеза только что кончилась и Іона вышелъ, чтобы пройтись немного...

Онъ оставилъ за собой просторный монастырскій дворъ, весь заросшій свѣжей, изумрудной травой и золотыми одуванчиками, пересѣкъ широкую поляну со стоящими тамъ и сямъ раскидистыми березами и вошелъ въ старый дремучій лѣсъ, подступавшій почти къ самымъ монастырскимъ стѣнамъ. Суровое молчаніе лѣсного сумрака охватило

Іону со всѣхъ сторонъ, навѣвая на его душу какой-то торжественный и сумрачный холодъ и страхъ. Ему казалось, что онъ слышитъ за собой осторожные шаги, шорохъ какой-то, шепотъ, онъ торопливо, съ боязнью обертывался,—никого не было, но страхъ его не проходилъ. Вотъ среди лохматыхъ, сѣрыхъ, молчаливыхъ елей показалась вросшая въ землю, полуразвалившаяся избушка схимника Антонія. Около нея чернѣлъ надъ одинокой могилой отшельника старый, зловѣщій, какъ привидѣніе, крестъ, широко раскинувшій свои нѣмыя объятія... Тихо, точно боясь разбудить какія-то спящія въ сумракѣ лѣса тѣни, Іона подошелъ къ могилѣ старца. На ней, вся заросшая сѣдымъ мхомъ, лежала каменная плита, на которой виднѣлась полустертая, грубая надпись:

Антоній прахомъ здѣсь, душою въ небесахъ,
И будетъ незабвенъ въ чувствительныхъ сердцахъ,
Въ которыхъ онъ вмѣстилъ священныя тѣ таланты,
Предъ коими ничто мірскіе адаманты.
Покойся, отче, здѣсь безъ скорби и рыданья,
Доколь наступитъ день комуждо воздаянья...

Іона смотрѣлъ на эту одинокую печальную могилу и чувствовалъ, какъ въ душѣ его разливается

какое-то сѣрое холодное чувство, похожее на осенній туманъ, тяжело поднимающійся надъ болотами, чувство, въ которомъ жуткій, непонятный страхъ смѣшивался съ какой-то безконечной смертельной тоской. Гдѣ-то вдали, на одномъ изъ задумчивыхъ, сосредоточенныхъ заливовъ громаднаго озера, вдругъ зарыдала точно о какой-то невозвратимой утратѣ гагара и отъ этого истерическаго рыданья еще холоднѣе стало на душѣ Іоны. Ему хотѣлось бѣжать отсюда и въ то же время что-то удерживало его здѣсь, точно этотъ черный крестъ съ широко раскинутыми объятіями приковалъ его душу къ себѣ какими-то невидимыми цѣпями и не пускалъ ее изъ сумрака лѣса...

Вдругъ послышались тихіе шаги... Іона вздрогнулъ и посмотрѣлъ въ сторону озера. Между вѣковыми соснами, самымъ берегомъ, медленно шелъ, потупившись, монахъ, тихонько напѣвая что-то. Іона сразу узналъ его—это былъ о. Митрофанъ, единственный изъ всѣхъ иноковъ, внушавшій Іонѣ симпатію. Среди наружно смиренныхъ и набожныхъ, но внутренно себялюбивыхъ и сухихъ монаховъ, о. Митрофанъ рѣзко выдѣлялся своей неподдѣльной кротостью и любовнымъ отношеніемъ ко всему и ко всѣмъ. О. Митрофанъ былъ изъ крестьянъ и грамотѣ не зналъ. Принявъ разъ навсегда ту вѣру, которою жили его отцы и дѣды, онъ вполнѣ удовлетворился ею и никакихъ исканій, безпокойства совершенно не зналъ; онъ ревностно исполнялъ все то, что требовалось отъ не-

го церковью, вѣря, что это самый лучшій путь къ спасенію... Въ обители о. Митрофанъ былъ уже давно и никакихъ сношеній съ міромъ не имѣлъ, порвавъ съ нимъ разъ навсегда. Онъ похоронилъ все свое прошлое и не любилъ даже говорить о немъ. Никто изъ братіи объ этомъ прошломъ не зналъ ничего, — всѣ догадывались лишь, что о. Митрофанъ пережилъ въ міру не мало горя...

О. Митрофанъ поднимался потихоньку на бугоръ, гдѣ стояла избушка Антонія.

— „Господи, воззвахъ къ Тебѣ, услыши мя!.. Услыши мя, Господи...“—донеслось до Іоны. — „Вонми гласу моленія моего...“

Увидавъ вдругъ около могилы Іону, о. Митрофанъ сразу остановился и пробормоталъ испуганно:

— Святъ, святъ... Да это ты, братъ Іона?

— Я, о. Митрофанъ...

— Ну, и напугалъ же ты меня!..—проговорилъ о. Митрофанъ, подходя ближе.

Это былъ высокій, худой монахъ съ блѣднымъ всегда грустнымъ лицомъ, обрамленнымъ темной шелковистой бородой.

— Что это ты въ какую глушь забрелъ?..—спросилъ онъ.

— Такъ... Гуляю...

О. Митрофанъ внимательно посмотрѣлъ на него своими большими, жидкими, усталыми глазами и глубоко вздохнулъ, какъ-то грустно пріоткрывъ свой красивый, маленькій и розовый ротъ.

— Думы все свои думаешь?.. Все терзаешься?..

Іона молча кивнулъ головой.

— А ты гони ихъ...

— Не прогонишь...

— Ну, не прогонишь... Захочешь, такъ прогонишь...

— А... зачѣмъ гнать-то ихъ?

— А зачѣмъ думать?

— А затѣмъ, что разумъ правды ищетъ, истины... Какъ безъ нея жить?

— Какой же это тебѣ правды нужно?—спросилъ о. Митрофанъ.—Люби Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, всѣмъ помышленіемъ и ближняго твоего, какъ самого себя,—вотъ тебѣ и правда вся. Чего тебѣ больше нужно?

— А *какъ* любить? Вотъ въ этомъ все и есть: *какъ?*

— Какъ всѣ любятъ... — спокойно отвѣчалъ о. Митрофанъ.—Вонъ ты сейчасъ, видишь, комара убилъ и даже и не замѣтилъ этого, а это нехорошо, это показываетъ, что ты Бога не любишь, потому ты тварь Его убиваешь. Одинъ угодникъ Божій убилъ такъ-то вотъ комара, совѣсть въ немъ и заговорила. Что-жъ, попросилъ у Господа прощенья, пошелъ въ дебри лѣсныя, въ болота, да и простоялъ тамъ три мѣсяца нагишомъ. Тучами на него слетались комары эти, а онъ хоть бы что... Искупилъ эдакъ грѣхъ-то свой и вернулся съ легкой душой въ обитель... Вотъ тебѣ и любовь. Все люби, за все благодари...

Онъ на мгновенье задумался и по лицу его прошла какая-то тѣнь, точно воспоминаніе о чемъ-то скрытомъ въ темной глубинѣ прошлаго.

— Что-нибудь не ладится у тебя, горе какое случилось,—глубоко вздохнувъ, продолжалъ онъ тихо,—вспомни, что много есть людей несчастнѣе тебя, вспомнишь и увидишь, что тебѣ не горевать надо, а благодарить еще Бога за то, что Онъ милостивъ къ тебѣ... Такъ-то, братъ Іона! — заключилъ онъ, потрепавъ Іону по плечу, и на его блѣдномъ, усталомъ лицѣ засвѣтилась тихая, ясная улыбка. — Что же, посидимъ, что ли, маленько?..

— Пожалуй, посидимъ...—разсѣянно отвѣчалъ Іона, опускаясь рядомъ съ нимъ на полуистлѣвшій порогъ хижины, и продолжалъ:—все люби, за все благодари—это такъ... Растворяй сердце жалостью ко всему... не только къ человѣку, но и къ комару, это тоже такъ, вѣрно... Но какъ, куда эту жалость дѣть, куда, къ чему ее примѣнить, такъ, чтобы она была... ну, на дѣло, на пользу... на большую пользу... чтобы всѣмъ отъ нея хорошо было?.. Жалость, жалость, а если изъ нея ничего не выходитъ, что въ ней толку-то? Ты такъ сдѣлай, чтобы изъ нея толкъ былъ... Вотъ хоть комара возьми,—ну, пожалѣлъ ты его, далъ ему, скажемъ, твоей крови попить, напился онъ, отлетѣлъ два шага,—хлопъ, и съѣла его пичужка! Вотъ тебѣ и жалость... А ты такъ устрой, чтобы его не ѣли, чтобы онъ могъ жить да радоваться...

И съ человѣкомъ тоже,—хоть „стрѣлокъ“ тотъ... Устрой такъ, чтобы и ему тоже жизнь въ радость была... А жалѣть такъ, безъ дѣла, — мало и совсѣмъ это никому не нужно... Можетъ, даже хуже это... И на это отвѣтъ ежели найдешь, такъ и это будетъ не все... Въ жизни много еще, что понять надо... Ибо сказано: „поклоняйся Богу въ духѣ и истинѣ“... Значитъ, надо все знать... Какая же это истина, если одна сторона въ ней видна, а другая во мракѣ?.. Ну?.. Возьми вотъ хоть нашу жизнь—такъ ли мы живемъ? Настоящая ли это жизнь?

— Настоящая...

— Почему?

— Потому что святые угодники такъ жили...

— Такъ они жили угодниками...

— И ты живи...

— А другіе?

— А тебѣ что?

— Какъ что?—воскликнулъ Іона.—Ежели идешь на подвигъ, такъ иди, какъ слѣдуетъ... „Помыслихъ изыти въ пустыню и единъ въ молчаньи сѣдѣти и плакатися грѣховъ своихъ“, а это что же?.. Выходитъ обманъ. Почитай-ка вонъ книжечку объ обители нашей—какой-то инокъ написалъ, о томъ, что тутъ было въ старину-то,—волосъ дыбомъ встанетъ!.. Такъ прямо и говоритъ, что чинится, дескать, у насъ—это въ старину-то,—пьянство и душегубство великое... А зависть, злоба, корыстолюбіе, властолюбіе—Господи, адъ кро-

мѣшный!.. Одного игумена такъ даже колесовать царь Петръ первый повелѣлъ,—ну? И выходитъ обманъ...

— Тогда помолись за нихъ, а не осуждай, не думай... Помолись, чтобы Господь простилъ ихъ— вотъ и все... Ты иди своей дорогой, а они пусть идутъ своей...

— Я вотъ и ищу своей дороги-то, да нѣтъ ея!..— воскликнулъ Іона.

— Какъ же нѣтъ... Есть... Можетъ, не видишь ее...

— Вотъ!.. Есть, знаю, что есть... А не вижу!..

Сѣрые живые глаза Іоны блеснули, на широкомъ, скуластомъ, чисто русскомъ лицѣ его вспыхнулъ легкій румянецъ.

— И что имъ нужно, что имъ нужно, не понимаю!.. — быстро заговорилъ онъ, теребя свою жиденькую, соломеннаго цвѣта бороденку. — Разъ Богъ далъ мнѣ разумъ, долженъ я его... успокоить, пониманіе, просвѣтленіе себѣ добыть. Вѣдь не звѣрь я лѣсной, жить-то такъ... Ну?.. Вонъ надысь опять книжки схватали... Чего боятся? Ежели я правду ищу, такъ имъ-то что это больно нелюбо? Послушаніе, послушаніе... И еще паче молитвы... Молитва—я иду къ Богу, къ Господу моему, со всей душой иду, а мнѣ говорятъ, только слушайся насъ, а этого хоть бы и не надо... Пастыри, дескать, мы... И пастыри всякіе бываютъ... Вонъ вы запрещаете мужикамъ рыбки въ озерѣ половить, изъ-за земли съ ними судились, а Хри-

стосъ-то велѣлъ и рубашку послѣднюю отдать—ну?

Онъ пристально, горячимъ взоромъ глядѣлъ въ землю, точно требуя отъ нея отвѣта.

— Они въ грѣхѣ, они и въ отвѣтѣ,—сказалъ Митрофанъ.—Въ писаніи святыхъ отецъ сказано, что вотъ также одинъ осудилъ пастыря своего духовнаго, священника... Дескать, ты недостоинъ пріобщать меня тѣлу и крови Христовымъ... И что же?.. Пришелъ на литургію, смотритъ, вышелъ священникъ-то со св. Дарами, а вокругъ него, ровно какъ вокругъ святого, сіяніе небесное. Значитъ, показалъ ему Господь, что и чрезъ недостойнаго пастыря благодать нисходитъ...

— И въ писаніи тоже сказано: „вы искуплены дорогою цѣной, не дѣлайтесь рабами человѣковъ"!— горячо отвѣчалъ Іона. — Значитъ, и послушанію предѣлъ долженъ быть... Если онъ, къ примѣру, меня заставитъ человѣка зарѣзать, что тогда?..

— Знамо, что...

— А, видишь! Значитъ, есть предѣлъ... А гдѣ онъ?.. Вотъ и ищешь... свѣта-то... А тебя не пускаютъ... Вотъ-вотъ, кажись, онъ тебя осіяетъ,— нѣтъ, захлопнутъ дверь и сиди опять одинъ во мракѣ... И, Господи, сколько отъ этого скорби бываетъ!.. Что имъ нужно?.. Зачѣмъ? Вѣдь, что Спаситель-то сказалъ? „Не можетъ градъ закрыться вверху горы стоя, и никто вжегъ свѣтильника поставляетъ его подъ спудомъ, но на свѣщницѣ, да свѣтитъ всѣмъ"... Да свѣтитъ всѣмъ,—вонъ какъ!.. А мнѣ говорятъ, нѣтъ, оставь, это отъ

лукаваго; вѣруй такъ, какъ мы велимъ... А... а можетъ... можетъ...

Іона посмотрѣлъ вокругъ себя широко раскрытыми глазами, въ которыхъ свѣтился страхъ предъ кощунственной мыслью, властно вставшей въ его мозгу.

— А... можетъ, эта вѣра-то... не истинная?— проговорилъ онъ тихо, взволнованнымъ голосомъ.— Тогда что? Себя погубить?..

— Господи Исусе Христе...—перекрестился о. Митрофанъ, испуганно глядя во всѣ глаза на поблѣднѣвшее лицо Іоны.

— Да... Вѣръ всякихъ много и всѣ по разному... И всѣ говорятъ: я одна только истинная, а другія...—все такъ же тихо, взволнованно продолжалъ Іона.—Можетъ, это и грѣхъ... да развѣ съ думой-то совладаешь?.. На той недѣли книжка мнѣ попалась махонькая и нашелъ я въ ней объ одномъ монахѣ... святымъ зовутъ его, Франциском... Не изъ нашихъ онъ, не изъ русскихъ... Разъ, слышь, нищуха какая-то попросила у него милостыньки, а братія и говоритъ: у насъ, дескать, нѣтъ ничего,—въ бѣдности они въ большой жили,—ничего, говорятъ, кромѣ Библіи, по которой въ церкви читаемъ. Ну, такъ отдайте ей Библію, говоритъ Францискъ-то, продастъ она ее, говоритъ, и сыта. А въ другой обобралъ всѣ ризы, камни тамъ всякіе съ Божьей Матери да и отдалъ бѣднымъ... Это, говоритъ, прежде всего! А у насъ и рыбки половить не даютъ... И колоколъ въ пятьсотъ пу-

довъ отлили, ризы золотыя шьютъ и все... Ну, гдѣ правда-то здѣсь, Господи? Гдѣ она?.. Смилуйся, открой волю Твою!.. Неужели же они всѣ въ ошибкѣ?.. Да какъ же такъ?..

Митрофанъ глядѣлъ на него со страхомъ.

— Іона, Господи Исусе, что ты это?..—испуганно прошепталъ онъ.—Ты весь во власти врага... Господи помилуй... Да что ты?..

Но Іона не могъ молчать теперь,—въ немъ билась и просилась на свободу скованная мысль.

— Нѣтъ, погоди... Постой...—горячо продолжалъ онъ.—Здѣсь все не такъ... Что Христосъ велѣлъ?.. „Положи душу твою за други"! А мы что дѣлаемъ? Заперлись, спрятались отъ всѣхъ, да и сидимъ, горюшка мало... „Яко воистинну блаженни суть и треблаженни таковому безпечальному и безмятежному житію сподобившіеся"—такъ, блаженни, мы-то блаженни, а въ міру-то? Тамъ люди бьются! „Всякій, кто оставитъ домъ, или братьевъ, или сестеръ, или отца, или мать, или жену, или дѣтей, ради Меня, получитъ во сто кратъ и наслѣдуетъ жизнь вѣчную"... Такъ развѣ ради Него мы заперлись здѣсь? Намъ чтобы покойно было!.. О, Господи, вѣдь Ты за людей-то на крестъ пошелъ, а мы? Спастись? Такъ ты иди въ міръ спасаться отъ зла, а не отгораживайся отъ него! Ты среди зла, въ самомъ горнилѣ его, останься чистымъ, побѣди его,—тогда ты и заслужишь предъ Господомъ... А ты бѣжишь отъ него, бѣ-

жишь... И не убѣжишь — оно тебя и здѣсь найдетъ... И побѣдитъ! Потому трусъ ты!..

О. Митрофанъ со страхомъ во всѣ глаза глядѣлъ на Іону.

— Господи, а святые-то угодники какъ же?..— вдругъ проговорилъ Іона тихо, потухшимъ голосомъ, точно обезсилѣвъ сразу.—Они ушли и спаслись... Ничего, ничего не понимаю, хоть убей меня... Неужели же никто этого не понимаетъ? Да какъ же такъ жить, безъ разумѣнія-то?..

Онъ опять опустился на порогъ хижины и закрылъ лицо руками.

Кругомъ царило суровое молчаніе стараго бора, который, казалось, затаившись, ждалъ чего-то и смотрѣлъ на иноковъ глубокими, темными глазами... Зловѣщій черный крестъ сталъ еще чернѣе и мрачнѣе и, казалось, грозилъ чѣмъ-то ужаснымъ за дерзкія рѣчи молодого монаха...

О. Митрофанъ быстро всталъ, точно собираясь бѣжать...

— Господи-батюшка.. Іона!.. Да что ты это?..— крестясь, проговорилъ онъ, едва приходя въ себя.— Усумнился въ вѣрѣ въ Бога истиннаго, усумнился въ Его святыхъ угодникахъ!.. Грѣхъ, грѣхъ-то какой, Господи!..

Іона быстро всталъ.

— Грѣхъ?.. Грѣхъ, говоришь ты?..—горячо воскликнулъ онъ. — Въ чемъ? Почему ты знаешь? Кто мнѣ далъ разумъ? Богъ?.. Какъ я смѣю заставить его замолчать?.. Онъ говоритъ... Онъ отъ

Бога... Имъ Богъ отличилъ меня отъ звѣря... Сказано: „духа не угашайте“,—понялъ? Нельзя его угашать! Свѣта дай мнѣ, а не гони меня во тьму!..

Чуть подавшись впередъ, широко раскрытыми глазами онъ впился въ блѣдное лицо о. Митрофана и слова его въ сумрачной тишинѣ лѣса падали одно за другимъ, какъ раскаленные уголья. О. Митрофанъ, полный страха, смятенья, замеръ, какъ статуя, и только смотрѣлъ во всѣ глаза на это искаженное страданіемъ молодое лицо, на эти лихорадочно-горящіе, какъ у безумнаго, глаза... Мгновенье, другое длилось это напряженное молчаніе... И вдругъ въ обоихъ сразу точно что оборвалось...

Іона закрылъ лицо руками и, точно подломившись, поникъ... Видъ его тронулъ о. Митрофана до глубины души...

— Братъ Іона...—проговорилъ онъ тихо.— Не скорби... Богъ милостивъ... Это со многими бываетъ... Это пройдетъ... Не скорби, не надрывай души...

Іона поднялъ свое блѣдное лицо.

— Не могу, о. Митрофанъ... Не могу... Силъ моихъ нѣтъ... — отвѣчалъ онъ сухимъ, точно деревяннымъ голосомъ.

О. Митрофанъ молча посмотрѣлъ на него и двѣ крупныя слезы зажглись въ его лучистыхъ, полныхъ состраданія глазахъ.

— Давай помолимся, Іона... Вотъ предъ святымъ

крестомъ... — сказалъ онъ какъ-то особенно любовно, мягко, какъ говорятъ съ опасно больнымъ ребенкомъ.—Авось, Господь и поможетъ... Помолимся...

Онъ сталъ на колѣни у могилы схимника и, съ вѣрой глядя на темный крестъ, началъ горячо молиться...

Іона тяжело, точно противъ воли, тоже опустился на колѣни. Онъ сдѣлалъ усиліе, чтобы сосредоточить на мысли о Богѣ всѣ остатки силъ своей измученной души, хотѣлъ молиться, но—не могъ...

Какой-то жестокій холодъ охватилъ его душу и она замерла, омертвѣла... Согнувшись точно подъ какой-то тяжестью, неподвижный, какъ изваяніе, стоялъ Іона на колѣняхъ у могилы схимника и помутнѣвшими, остановившимися глазами упорно, не отрываясь, смотрѣлъ въ землю...

Черный крестъ, холодный, равнодушный, поднимался надъ склоненными иноками и въ его суровомъ молчаніи было что-то зловѣщее...

V.

Мирная, немного сонная обитель вдругъ приняла видъ встревоженнаго муравейника. Иноки бѣгали по кельямъ одинъ къ другому, безпокойно перешептывались, качали головой, негодовали, пророчили, сокрушались и съ жгучимъ нетерпѣніемъ

ждали событій: братъ Иванъ твердо и дерзко заявилъ о своемъ желаніи уйти въ міръ...

Сперва игуменъ самъ попробовалъ уговорить Ивана взять назадъ свое рѣшеніе, одуматься, потомъ за это взялись старцы, но также безуспѣшно: сколько ни упрекали они Ивана неблагодарностью, сколько ни грозили ему гибелью и вѣчными муками, онъ только хмурилъ брови и молчалъ. Такъ и не добившись ничего, старцы снова сдали его игумену. Тотъ повторилъ все, что говорили старцы, и тоже сталъ грозить неисчислимыми бѣдами и въ этой жизни, и въ будущей,—Иванъ оставался непоколебимъ и жалѣлъ лишь въ глубинѣ души, что не ушелъ тайкомъ, не сказавшись...

— Ты подумай, голова, подумай... — говорилъ игуменъ. — Посмотри въ уставъ-отъ—что тамъ сказано, ну?.. „И ежели, по увѣщеваніи, все же упорствуетъ, хочетъ уйти, то не давать ему мира, какъ мытарю и язычнику, какъ уподобившемуся Іудѣ проклятому"... Іудѣ проклятому,—вонъ какъ! Христопродавцу!.. А ты видѣлъ, какъ его на „Страшномъ судѣ"-то рисуютъ, ну? У самого сатаны на колѣняхъ сидитъ и мошну съ тридцатью серебрянниками въ рукахъ держитъ... И такъ вѣки вѣчные!.. Ну?..

Лицо Ивана сдѣлалось точно деревяннымъ. Онъ, молча, упорно смотрѣлъ въ землю.

Дѣлая послѣднюю попытку, старцы рѣшили собрать въ воскресенье, послѣ обѣдни, всю братію и предъ лицомъ ея попробовать усовѣстить Ивана,

но, въ субботу, предъ всенощной, Иванъ исчезъ изъ монастыря...

Обитель волновалась, судила, рядила...

Сперва предметомъ ея волненія была исключительно судьба Ивана, потомъ Иванъ началъ понемногу отступать на второй планъ и всеобщее вниманіе сосредоточилъ на себѣ Іона, который вдругъ началъ какъ-то странно избѣгать всѣхъ, прятаться, точно замышляя что-то недоброе.

Со дня встрѣчи съ Митрофаномъ у могилы схимника Антонія въ Іонѣ точно что разстроилось. Во всемъ тѣлѣ онъ чувствовалъ сильную слабость, часто его начинало вдругъ знобить,—точно какія-то тонкія ледяныя нити ползли по его тѣлу и таяли, приближаясь къ головѣ, охваченной нестерпимымъ, гнетущимъ внутреннимъ жаромъ. Казалось, всѣ жизненныя силы Іоны сосредоточились теперь въ его возбужденномъ мозгу, въ которомъ то крутился бѣшеный ураганъ несвязныхъ, нелѣпыхъ мыслей и образовъ, то, сжигая все, проходили полосы какого-то раскаленнаго, мутно-багроваго тумана. Іона, чтобы отдохнуть отъ этого гнетущаго кошмара, инстинктивно пытался остановить свое вниманіе на чемъ-нибудь, но едва онъ выдѣлялъ какую-нибудь отдѣльную мысль изъ этого крутящагося вихря, какъ тотчасъ же она ускользала отъ него и цѣлые назойливые рои другихъ мыслей налетали на него и нестерпимо мучили его...

Это физическое недомоганіе, этотъ тяжелый,

гнетущій кошмаръ, непрестанно мучившій его, довели нервную систему Іоны до крайняго напряженія... Незлобивый, добродушный отъ природы, онъ приходилъ теперь въ раздраженіе отъ всякаго пустяка, все было непріятно ему, тяжело и онъ старался быть отъ людей какъ можно дальше, тѣмъ болѣе, что ихъ любопытные взгляды очень смущали его...

Ударили ко всенощной... Голодные, утомленные дневнымъ трудомъ монахи потянулись въ церковь. Вмѣстѣ съ другими, также утомленный, истощенный до послѣдней степени внутреннимъ горѣніемъ, Іона вошелъ въ храмъ, гдѣ въ полумракѣ блѣдными звѣздочками горѣли предъ иконами свѣчи и лампады. Онъ стоялъ и слушалъ древніе „столповые“ напѣвы хора и эти скорбныя, полныя сдержанныхъ рыданій и смертельной тоски, пѣснопѣнія какъ-то остро бередили теперь его больную душу. Ему казалось, что это онъ поетъ, онъ скорбитъ и мучится въ этихъ мрачныхъ пѣсняхъ, что это его душа, отягченная цѣпями, старается подняться туда, вверхъ, въ темные своды, и безсильно падаетъ опять на землю и опять, скорбя, наполняетъ холодный полумракъ храма своими мрачными, безнадежными пѣснями... Іона не молился, не рвался теперь изъ этого мрака,— онъ зналъ, что это безполезно, что онъ безповоротно осужденъ Богомъ... За что? За что?.. Отвѣта нѣтъ... Холодная злоба тяжело поднялась въ немъ и медленно опустилась куда-то въ пустоту, унося

съ собой все, что окружало его. Остался лишь мракъ, въ которомъ слабо, какъ далекія звѣзды, свѣтились огни иконостаса и скорбной толпой, вѣя въ лицо Іоны холодомъ могилы, летали на черныхъ крыльяхъ эти мрачные звуки. Все больше и больше слеталось къ нему этихъ крылатыхъ чудовищъ; онѣ тѣснили его со всѣхъ сторонъ, приближались, удалялись и рыдали, полныя тоски и какого-то смятенья...

Въ глазахъ Іоны потемнѣло, въ головѣ снова разлился багровый раскаленный туманъ. И вдругъ среди его жара и мути выплыло почему-то большое распятіе, стоявшее въ церкви, въ правомъ придѣлѣ. Іона увидалъ страдальческое лицо, склоненную голову въ терновомъ вѣнцѣ. Теперь въ этомъ лицѣ было что-то новое, необыкновенное... Вотъ голова поднялась, раскрылись посинѣвшія губы... Христосъ тяжелымъ, больнымъ взоромъ смотритъ на Іону и что-то говоритъ ему, но черныя рати крылатыхъ чудовищъ мѣшаютъ Іонѣ слышать Его, топятъ въ своей холодной скорби Его тихую рѣчь... И мутные клубы багроваго тумана скрыли лицо Страдальца и среди нихъ гордо поднялась высокая гора и на ея вершинѣ заблисталъ необыкновенный, неземной свѣтъ... И какія-то бѣлыя крылья взмахнули надъ тяжелыми волнами скорби и какой-то чудный голосъ запѣлъ что-то радостное, чистое, святое... И вдругъ все пропало...

Далекія звѣзды иконостаса... Черная скорбь, полная ужаса и тоски, вокругъ...

Дикій вихрь мыслей и образовъ бѣшено ворвался вдругъ въ голову Іоны... Ему показалось, что еще мгновенье и она разлетится вдребезги. Полный безумнаго страха, онъ схватился за нее обѣими руками... Въ груди его что-то мучительно забилось, какъ раненая птица... Церковь повалилась куда-то... Полъ ушелъ изъ-подъ ногъ...

Судорожнымъ движеніемъ онъ ухватился за стѣну...

Весь блѣдный, холодный, онъ со страхомъ, подозрительно оглянулся вокругъ себя... Нѣсколько десятковъ лицъ съ изумленіемъ и тревогой смотрятъ на него со всѣхъ сторонъ... Между ними ползутъ, приближаясь къ Іонѣ и скорбно ноя, багровыя нити...

Охваченный паническимъ, безпричиннымъ страхомъ Іона, шатаясь, быстро вышелъ изъ церкви...

На паперти онъ столкнулся съ двумя иноками и вдругъ съ дикимъ крикомъ: „черные!..“ бросился бѣжать въ свою келію... Смущенные монахи, чуя бѣду, торопливо пошли за нимъ; у келій къ нимъ присоединилось еще трое и всѣ осторожно подошли къ келіи Іоны.

Іона быстро обернулся на звукъ отворенной двери и опять съ крикомъ „черные!“ бросился въ уголъ.

— Іона, братъ, да что ты? Господи Исусе... Іона, опомнись!..—говорили монахи, подходя ближе.

— Черные, черные!..—кричалъ Іона, протягивая руки впередъ, точно отталкивая что-то.—Черные!..

На лицѣ его былъ написанъ невыразимый ужасъ...

Монахи остановились, не зная, что дѣлать... Одинъ изъ нихъ побѣжалъ къ настоятелю. Собрались старцы, братія...

— Погодите, погодите я испытаю его...—взволнованно проговорилъ только что вошедшій старецъ Евлампій и, подойдя ближе къ дрожавшему всѣмъ тѣломъ, дико озиравшемуся Іонѣ, поднялъ крестъ.— Во имя Отца и Сына и Святого Духа, кто ты, отвѣтствуй!

Іона дико закричалъ.

— Господи Исусе!..—перекрестился Евлампій испуганно и, обернувшись къ монахамъ, таинственно проговорилъ:—*онъ*!

Монахи перекрестились и со страхомъ смотрѣли на растерянно озирающагося Іону.

— А ну, попробуй еще разъ, о. Евлампій... Можетъ, выдержитъ...

О. Евлампій поднялъ крестъ и торжественно, прерывающимся отъ волненія голосомъ проговорилъ:

— Во имя Отца и Сына и Святого Духа,—отвѣтствуй, кто ты?

Іона опять дико закричалъ...

Сомнѣнья не было: Іону кто-то „испортилъ“. Иноки, по приказанію игумена, послѣ долгой, отчаянной борьбы овладѣли Іоной и, связавъ его полотенцами, положили на кровать. Старый о. Евлампій тотчасъ же началъ отчитывать больного.

Въ комнатѣ, слабо освѣщенной лампадой и во-

сковой свѣчей, было страшно душно. На блѣдномъ лицѣ Іоны выступилъ крупный потъ. Больной, тяжело дыша, устремивъ неподвижный, стеклянный взоръ въ потолокъ и какъ-то тоскливо поводя головой, говорилъ безумолку, то громко, то тихо, почти шепотомъ, говорилъ цѣлыми часами... Ему казалось, что онъ идетъ по горѣ къ какому-то источнику свѣта, что вотъ-вотъ онъ схватитъ этотъ свѣтъ, но тяжелая дверь вставала вдругъ предъ нимъ, черныя чудовища несмѣтною ратью бросались на него со всѣхъ сторонъ и съ раздирающимъ душу крикомъ онъ летѣлъ въ темную бездну для того, чтобы чрезъ нѣсколько минутъ опять начать тяжелый подъемъ на гору... Иногда горделивая улыбка появлялась на его губахъ и онъ съ жалостью говорилъ о мертвыхъ душахъ, неумѣющихъ летать... Но его торжество продолжалось недолго и опять онъ начиналъ отчаянную борьбу съ черными призраками...

Всю ночь иноки попеременно читали надъ нимъ молитвы, кропили его святой водой, молились за него, но лучше больному не было.

Подъ утро Іона затихъ было, но во время молебна съ водосвятіемъ его крики и конвульсіи возобновились со страшной силой. По блѣдному лицу его катились крупныя капли пота и слезъ, изступленные, полные ужаса, глаза вышли изъ орбитъ и хриплые крики рвались изъ перекошеннаго и покрытаго пѣной рта...

— Духа не угашайте! Духа не угашайте!..—во-

пилъ онъ, хрипя и стараясь сорвать полотенца, которыми онъ былъ скрученъ. — Пустите!.. Пустите!..

Пароксизмъ его превратился въ нѣчто ужасное, когда его стали кропить. Ему казалось, что на него брызгали чѣмъ-то страшно горячимъ, и онъ испускалъ дикіе, нечеловѣческіе крики.

Кто-то подалъ было мысль отвезти Іону въ городъ, въ больницу, или, по крайней мѣрѣ, позвать доктора сюда, но старцы нашли, что это лишнее, такъ какъ человѣкъ находится во власти Бога, безъ воли Котораго даже волосъ одинъ не упадетъ съ головы: выздоровѣть, такъ и такъ выздоровѣетъ, а помретъ,—ну, значитъ, Божья воля. Противъ Бога не пойдешь, будь хоть раздокторъ ты... Искушать Бога грѣхъ...

Едва молебенъ кончился и братія разошлась, какъ Іона успокоился и заговорилъ о Францискѣ, который позволялъ мужикамъ ловить рыбу въ озерѣ, о градѣ подъ спудомъ, о свѣтильникѣ, о побѣдѣ, о черныхъ...

Прошелъ день, другой, третій... Братія продолжала усердно молиться о здравіи Іоны и молитвы ея были, наконецъ, услышаны: Іонѣ стало немного лучше. Припадки его становились все рѣже и рѣже, слабѣе и слабѣе; иногда цѣлыми часами онъ лежалъ совершенно спокойно въ своей келіи и неподвижно глядѣлъ въ потолокъ. Иногда, когда солнечный лучъ, пробившись сквозь густую зелень деревьевъ, падалъ въ комнату Іоны или раз-

давались торжественные звуки благовѣста, какая-то свѣтлая, чудная улыбка блѣдной, больной тѣнью скользила по его лицу, онъ глубоко вздыхалъ и изъ глазъ его катились крупныя слезы.

Потомъ онъ совсѣмъ успокоился и полотенца съ него были сняты. Видъ черныхъ рясъ не внушалъ ему болѣе страха... Онъ началъ говорить понемногу, робко, неувѣренно, точно боясь чего-то, звалъ всѣхъ безъ различія „братьями“, всѣмъ ласково улыбался, но никого не узнавалъ, — точно все прошедшее было отрѣзано отъ его жизни и потеряно навсегда...

Въ слѣдующее воскресенье его повели къ обѣднѣ. При первыхъ звукахъ хора Іона вдругъ расплакался. По лицу его катились быстро, быстро одна за другой крупныя слезы, а на губахъ играла улыбка необыкновеннаго блаженства.

— Ты что, братъ Іона?—прошепталъ участливо о. Митрофанъ, присматривавшій за нимъ.

— Хорошо, братъ...—отвѣчалъ Іона умиленно.— Хорошо... Смотри-ка, смотри-ка туда... Онъ!.. Опять Онъ!..

— Кого ты тамъ видишь?..—спросилъ о. Митрофанъ, глядя на окно, въ которое врывался золотой снопъ ослѣпительнаго солнечнаго свѣта.

— Христа...—отвѣчалъ Іона, еще болѣе радостно улыбаясь. — Зоветъ меня, говоритъ, такъ нельзя... Пострадать надо...

Голосъ его дрогнулъ. Онъ весь такъ и сіялъ счастьемъ.

— Слышишь, слышишь?..

И вдругъ, всѣмъ тѣломъ обратившись къ о. Митрофану, онъ какимъ-то дѣтскимъ, довѣрчивымъ жестомъ взялъ его за руку и, заглядывая ему въ глаза своимъ блуждающимъ, восхищеннымъ взоромъ, прошепталъ взволнованно:

— Распни меня, братъ... А?.. И я дамъ тебѣ свѣтильникъ—да свѣтитъ всѣмъ!.. Распни меня, братъ...

— Молись, молись, Іона...—отвѣчалъ о. Митрофанъ ласково.

— А ты распнешь меня, да?..

— Распну, распну... — дрогнувшимъ голосомъ все такъ же ласково отвѣчалъ о. Митрофанъ, чувствовавшій, что какая-то невидимая рука сжимаетъ его горло.

— Ну, вотъ...—обрадовался Іона.—Смотри, какъ Онъ улыбается... Пріидите ко мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные и Азъ упокою вы... Нѣтъ больше любви, аще кто положитъ душу свою за други своя...

И, полный неизъяснимаго восторга, Іона плакалъ и крестился на широкій столпъ солнечнаго свѣта, а потомъ опять тихонько шепталъ о. Митрофану:

— Распни меня, братъ... Онъ пострадать велитъ...

Тихо позванивая колокольчикомъ, мимо шелъ съ блюдомъ о. Николай, собирая пожертвованія. Іона вдругъ оставилъ о. Митрофана и, быстро подойдя къ о. Николаю, тѣмъ же робкимъ дѣтскимъ

жестомъ взялъ его за руку и, любовно заглядывая ему въ глаза, проговорилъ взволнованно:

— Распни меня, братъ... А?..

Богомольцы глядѣли на Іону съ умиленіемъ и набожно крестились. Нѣкоторыя женщины, глубоко тронутыя необыкновенной улыбкой божьяго человѣка, плакали...

VI.

Дальше этого выздоровленіе Іоны не пошло: онъ сталъ „блаженненькимъ“, „божьимъ человѣкомъ“. Необыкновенная улыбка почти никогда не покидала его вдохновеннаго, озареннаго какимъ-то внутреннимъ тихимъ свѣтомъ, лица. Стоило ему услыхать пѣніе хора, звонъ колоколовъ, увидѣть лучъ солнца, зарю, сверкающее озеро, почувствовать запахъ цвѣтовъ, и тотчасъ же къ нему являлся Христосъ въ бѣлыхъ одеждахъ, окруженный неземнымъ блескомъ, любящій, благой, и Іона съ восторгомъ смотрѣлъ на Него и слушалъ Его рѣчь, изрѣдка повторяя Его слова. Все окружающее превратилось для Іоны въ какую-то очаровательную грезу... Казалось, все уродливое, грубое исчезло изъ міра и Іона видѣлъ въ немъ лишь прекрасное, свѣтлое, доброе, говорящее только о Богѣ его больной, восхищенной душѣ. Онъ все просилъ о томъ, чтобы его распяли, просилъ о страданьи, какъ о величайшемъ благѣ, которое

сдѣлаетъ его счастливымъ; если ему отказывали, уговаривая подождать, онъ не огорчался, замолкалъ, а потомъ, увидѣвъ какое-нибудь новое лицо,— будь это женщина, ребенокъ, нищій, важный гость, монахъ,—онъ дѣтскимъ жестомъ бралъ его за руку и снова кротко повторялъ свою просьбу...

Слухъ о „блаженненькомъ" Кулмозерскаго монастыря распространился съ поразительной быстротой по всей Россіи. Со всѣхъ концовъ ея потянулись паломники въ далекую обитель. Никогда въ храмовые праздники не было раньше такого стеченія вѣрующихъ, какъ теперь...

Сперва къ Іонѣ имѣли доступъ всѣ богомольцы, но потомъ стали дѣлать это съ выборомъ, допуская только тѣхъ, которые поважнѣе; остальные должны были довольствоваться лицезрѣніемъ божьяго человѣка во время службы и по дорогѣ въ храмъ или изъ храма. И Іона—растолстѣвшій, въ чистомъ подрясникѣ, старательно причесанный,—со счастливой улыбкой на пухломъ, блѣдномъ лицѣ медленно шелъ вдоль живой изгороди богомольцевъ. Изрѣдка онъ останавливался предъ кѣмъ-нибудь и тихо просилъ, чтобы его распяли, и тѣ, къ которымъ онъ обращался, считали это очень хорошимъ предзнаменованіемъ...

Богомольцы же, которые поважнѣе, допускались и въ чистую, свѣтлую келью Іоны. Онъ встрѣчалъ всѣхъ одинаково ласково, съ улыбкой. Посѣтители просили его предсказать имъ будущее, а онъ, улыбаясь, говорилъ о градѣ на горѣ, о

Христѣ, о страданіяхъ, о томъ, что они искуплены дорогой цѣной, и что поэтому они не должны дѣлаться рабами человѣковъ... И всѣ удивлялись его проницательности...

Нѣсколько изъ такихъ предсказаній Іоны сбылось и слава Кулмозерскаго монастыря загремѣла еще болѣе. Иногда, лѣтомъ, въ монастырѣ скоплялось теперь столько вѣрующихъ, что многіе должны были проводить ночь подъ открытымъ небомъ. Игуменъ совсѣмъ оставилъ свои газеты, забылъ о козняхъ инородцевъ и все свое время проводилъ съ архитекторами и подрядчиками: нужно было приступать къ постройкѣ новаго корпуса гостиницы, все обсудить заблаговременно, все взвѣсить, прицѣниться... Нынче вѣдь народъ какой: пальца въ ротъ не клади,—откуситъ и не замѣтишь...

О. Николай, повеселѣвшій, довольный, прихрамывая, суетливо носился по гостиницѣ, угождая богомольцамъ, собиралъ съ нихъ „на-чайки“ и съ какими-то радостными нотками въ голосѣ все повторялъ: „охъ, искушеніе!..“

Городской голова губернскаго города, богатый казенный подрядчикъ, пожертвовалъ обители большой колоколъ... Слушая его могучій низкій голосъ, братія и всѣ окрестные жители умилялись, а Іона, едва эти бархатные, торжественные звуки касались его слуха, начиналъ радостно улыбаться и говорить о Христѣ...

ОГЛАВЛЕНІЕ.